

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

2

2019

VESTNIK RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series
Academic Journal
Quarterly issues.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN “Political Science. History. International Relations” Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series
is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information
Technology and Mass Media. 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

e-mail: novikova.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 07.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: novikova.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Deputy Editor-in-Chief, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.A. Medushevsky, Deputy Editor-in-Chief, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, PhD, assistant professor, University Paris VIII, France

D.S. Foglesong, Ph.D., Professor, Rutgers University, USA

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Sciences), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, PhD, professor of Communication, Eastern Washington University, USA

M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University, USA

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), Institute of World History (IWH), Russian Academy of Sciences (RAS), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, PhD., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz-Vienna (Austria)

E.Y. Sergeev, Dr. of Sci. (History), Institute of World History (IWH), Russian Academy of Sciences (RAS), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation

- B. Shteltzel-Marks*, PhD, Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz-Vienna, Austria; Austrian Commission, UNESCO, Vienna, Austria
- A.D. Voskressenski*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, PhD, University of Manchester; Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.B. Antonova*, English texts editor, Cand. of Sci. (Methods of Teaching), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Khalilova*, English texts editor, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Novikova*, Executive Secretary, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Executive Secretary, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor (RSUH)
- A.A. Novikova (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, заместитель главного редактора, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Н.А. Медушевский, заместитель главного редактора, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, PhD (Манчестерский университет), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Клюканов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет (США)

М. Крэмер, PhD, профессор, Гарвардский университет (США)

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, PhD, Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац; Вена (Австрия)

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, PhD, доцент, Университет Париж VIII, Франция

Д. Фоглесонг, PhD, профессор, Университет Ратгерс, США

Т.А. Шаклеина, доктор политических наук, профессор, МГИМО (У) МИД России, Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, PhD, Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (Грац; Вена), Австрийская комиссия ЮНЕСКО, Вена, Австрия

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.Б. Антонова, редактор текстов на английском языке, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.А. Халилова, редактор текстов на английском языке, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.А. Новикова, ответственный секретарь, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Панов, ответственный секретарь, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент (РГГУ)

А.А. Новикова (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования социокультурных процессов конца XIX – начала XX в.

П.А. Алипов

Научное наследие Н.П. Кондакова
в историографическом осмыслении его учеников и коллег 12

Н.В. Иллерицкая

«Критическая» версия российских исторических событий
начала XX в. в современной отечественной историографии 24

Д.И. Олейников

Социокультурная адаптация русского дворянина
в эпоху революции и Гражданской войны: Александр Алёхин 35

А.С. Сенин

Дорога к Студеному морю 46

Общество и политика стран Востока

Г.Г. Косач, Е.С. Мелкумян

Роль России на Ближнем Востоке и интенсификация
ее отношений с арабскими монархиями Залива 61

Н.Б. Помозова

«Сообщество единой судьбы»: эволюция
внешнеполитической концепции Китая (конец 1900-х гг. – наст. вр.) ... 76

Т.В. Слетнева

Сотрудничество государства и общества
в демографической сфере на примере КНР 89

Н.А. Филин, В.О. Кокликов, Н.А. Медушевский

Концепция «Исламского пробуждения»
как внешнеполитическая доктрина
Исламской Республики Иран в XXI в. 98

Исследования истории Великой Отечественной войны

С.В. Благов

О неудачной попытке создания польских партизанских
формирований в годы Великой Отечественной войны 110

<i>Л.А. Мундт</i> Образ СССР в годы Великой Отечественной войны в швейцарской газете «Neue Zürcher Zeitung»	131
---	-----

Современные латиноамериканские исследования

<i>Т.С. Молодчикова</i> Проект индейской интеграции в научном творчестве Андреса Молины Энрикеса	140
--	-----

<i>А.С. Москалевич</i> Формирование образа доиспанских культур побережья Эквадора в литературе XX–XXI вв.	153
--	-----

CONTENTS

Research on Socio-Cultural Processes in Late 19th – Early 20th Centuries

P. Alipov

Scholarly heritage of N.P. Kondakov in the historiographical
comprehension of his disciples and colleagues 12

N. Illeritskaya

The “critical” version of the Russian historical events at the beginning
of twentieth century in the modern native historiography 24

D. Oleinikov

Russian nobleman’ socio-cultural adaptation in the era of revolution
and the civil war: Alexander Alekhine 35

A. Senin

The road to the Icy Sea 46

Society and politics of Eastern states

G. Kosach, E. Melkumyan

Russian role in the Middle East and intensification
of its relations with the Gulf Arab monarchies 61

N. Pomozova

“Community of common destiny”: the evolution of the foreign policy
concept of China (the late 1990s – present time) 76

T. Sletneva

Cooperation of the state and society in the demographic sphere
the case study of the PRC 89

N. Filin, V. Koklikov, N. Medushevskii

The concept of «Islamic Awakening» as the foreign policy doctrine
of the Islamic Republic of Iran in the 21st century 98

Research on History of the Great Patriotic War

S. Blagov

About the unsuccessful attempt of the creation
of the Polish partisan formations during the Great Patriotic war 110

<i>L. Mundt</i>	
The image of the USSR during the Great Patriotic war in Swiss newspaper “Neue Zürcher Zeitung”	131

Modern Latin American Studies

<i>T. Molodchikova</i>	
Project of Indian integration in the scientific works of Andrés Molina Enríquez	140
<i>A. Moskalevich</i>	
Formation of the image of pre-Hispanic cultures of the coast of Ecuador in the scientific literature of 1900–2010	153

Исследования социокультурных процессов конца XIX – начала XX в.

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-12-23

Научное наследие Н.П. Кондакова в историографическом осмыслении его учеников и коллег

Павел А. Алипов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, palipov@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья представляет собой историографический анализ работ, составивших сборник в честь восьмидесятилетнего юбилея выдающегося российского археолога и историка Н.П. Кондакова (Прага, 1924) и ставших потому первой значимой попыткой систематизировать его богатое научное наследие. Особо подчеркивается факт признания авторами сборника сложившейся научной школы ученого, а также попытка выделить ее теоретико-методологические принципы, предпринятая одним из самых блестящих учеников и последователей ученого – М.И. Ростовцевым.

Ключевые слова: Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев, научная школа, проблема влияний, древности юга России, визуальные источники

Для цитирования: Алипов П.А. Научное наследие Н.П. Кондакова в историографическом осмыслении его учеников и коллег // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 12–23. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-12-23

Scholarly heritage of N.P. Kondakov in the historiographical comprehension of his disciples and colleagues

Pavel A. Alipov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
palipov@mail.ru*

Abstract. The article presents a historiographical analysis of the works from the digest in honor of the eightieth anniversary of the remarkable Russian archaeologist and historian Nikodim Pavlovich Kondakov (published in Prague

© Алипов П.А., 2019

in 1924) where the first significant attempt to systematize his rich scholarly heritage had been undertaken. The author especially underlines the fact that almost all of its participants had acknowledged the established scientific school of N.P. Kondakov, and also an attempt of the brightest disciple and follower of the scholar – M.I. Rostovtzeff – to emphasize its theoretical and methodological principles.

Keywords: N.P. Kondakov, M.I. Rostovtzeff, scientific school, a problem of influences, antiquities of the South of Russia, visual sources

For citation: Alipov P.A. Scholarly heritage of N.P. Kondakov in the historiographical comprehension of his disciples and colleagues // *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019; 2:12-23. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-12-23

Введение

Имя выдающегося историка и искусствоведа Н.П. Кондакова (1844–1925), как и имена многих отечественных ученых, оказавшихся вследствие событий Великой российской революции в вынужденной эмиграции, в последние годы все чаще привлекает внимание исследователей. Тот расцвет, который переживала историческая наука в Российской империи в конце XIX – начале XX в., когда научные идеи и творческие озарения лучших ее представителей не просто органично вписывались в общемировой контекст, но зачастую оказывались на несколько шагов впереди того, что делали на тот момент западные коллеги, заставляет вновь и вновь обращаться к ее наследию. В этом ключе и труды самого Н.П. Кондакова, и работы одного из его лучших учеников (хотя их личные отношения были не всегда ровными¹) М.И. Ростовцева уже с начала 1990-х годов становятся объектами пристального историографического изучения.

Такой интерес обусловил и другую тенденцию. В этот же период начинают активно издаваться на русском языке сочинения авторов, впервые опубликованные ими уже за рубежом, в условиях изгнания, а также не менее интенсивно переиздаются их дореволюционные опусы. Стараниями И.Л. Кызласовой, посвятившей много лет и усилий для того, чтобы во всей полноте высветить

¹Интересно сравнить противоречивые характеристики этих отношений, приводимые в воспоминаниях В.Н. Муромцевой-Буниной и в материалах, найденных И.В. Тункиной. См.: *Муромцева-Бунина В.Н. Н.П. Кондаков (К пятилетию со дня смерти)* // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 348–358.

вклад Н.П. Кондакова в отечественную и мировую науку [1], был подготовлен к печати сборник его воспоминаний с включением ряда никогда не публиковавшихся фрагментов^{2, 3} – богатый данными источник о быте, нравах и особенно о системе образования в пореформенной России (мемуары писались в тяжелейший период, незадолго до эвакуации из Крыма весной 1919 г., поэтому ученый успел довести свои записи лишь до конца 1880-х гг.)⁴.

Однако еще более значимым материалом, имеющим непосредственно историографическую ценность, стоит признать тексты, составившие приложения к публикации «Воспоминаний и дум» Н.П. Кондакова. В их основу легли статьи из сборника, изданного в Праге к восьмидесятилетию ученого и давно уже ставшего библиографической редкостью⁵. Учитывая тот факт, что Никодим Павлович умер всего через несколько месяцев после юбилейных торжеств, а потому уже не смог создать новых серьезных трудов, этот сборник превратился в своеобразный научный реквием по историку, но вместе с тем создалась уникальная ситуация. Если обычно для того, чтобы достойно представить вклад того или иного ученого в мировую науку после его смерти, требуется достаточно длительное время, иногда годы, подчас десятилетия, то здесь эта работа оказалась уже полностью проделанной. Таким образом, статьи и заметки из пражского сборника являют собой самый ранний, но при этом достаточно зрелый образец историографических исследований, ставших своеобразной точкой отсчета для всех последующих попыток анализа и систематизации научного наследия Н.П. Кондакова.

Ценность издания усилена еще и тем, что И.Л. Кызласова считала нужным включить в него, помимо указанного материала, две развернутые статьи Г.В. Вернадского [2, 3] (тесно сотрудничавшего с ученым в последние годы его жизни и стоявшего затем у истоков создания Семинария, а затем и Института им. Н.П. Кондакова⁶), мощную и весьма содержательную работу одного из лучших

² Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. 416 с.

³ Кондаков Н.П. Воспоминания и думы // Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Русский путь, 2004. С. 18–104.

⁴ Кызласова И.Л. От составителя // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 9–16.

⁵ Никодим Павлович Кондаков: 1844–1924. К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага: Б. и., 1924.

⁶ Росов В.А. Семинариум Кондаковианум: Хроника реорганизации в письмах. 1929–1932. СПб.: Б. и., 1999. 168 с.

учеников историка – Д.В. Айналова [4], а также воспоминания В.Н. Муромцевой-Буниной (жены великого писателя), близко знавшей Никодима Павловича в период, предшествовавший их эмиграции (супруги Бунины отплыли с ученым из Одессы в Константинополь не просто на одном пароходе, но и в одной каюте⁷).

Все эти обзоры требуют серьезнейшей историографической проработки, поскольку именно они лежат в основании той традиции осмысления творческого наследия Н.П. Кондакова, которая сформировалась в отечественной исторической науке и в отечественном искусствоведении в течение XX столетия. Будучи ограничены рамками академической статьи, сосредоточимся на анализе пражского издания, отложив разбор более поздних и зрелых исследований для следующей публикации.

Оценки коллег

Работы, помещенные в юбилейном сборнике к восьмидесятилетию ученого, носят, безусловно, довольно общий и сугубо комплиментарный характер. Тем не менее они не лишены весьма ценных наблюдений, сделанных людьми, близко знавшими и тесно сотрудничавшими с ним. Открывает книгу очерк чешского историка Любора Нидерле, инициировавшего проведение юбилейных торжеств в Праге 1 ноября 1924 г.⁸, в котором с ходу заявлено о лидерстве Н.П. Кондакова среди всех русских археологов, прочно завоеванном им еще в 90-х гг. XIX в. и никем не оспариваемом по настоящее время. Первенство это зиждется на владении ученым невероятно широким материалом и его способности подвергать свои источники всестороннему анализу для получения соответствующих результатов⁹. Как специалист по древним славянским культурам, Л. Нидерле обращает внимание именно на те аспекты творчества Н.П. Кондакова, которые наиболее близко соприкасаются с его собственными интересами в науке. В частности, непреходящую

⁷Кызласова И.Л. От составителя // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 9–16.

⁸Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым / Публ. Г.М. Бонгард-Левина, В.Ю. Зуева, И.Л. Кызласовой, И.В. Тункиной // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 431–460.

⁹Нидерле Л. Значение Н.П. Кондакова в славянской археологии // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 199–204.

ценность чешский историк признает за многотомным трудом «Русские древности», по достоинству оцененным коллегами в Европе и сразу же переведенным на французский язык. Именно всеохватность привлеченного со всей России археологического материала, причем малоизвестного для большинства самих русских ученых, позволила Н.П. Кондакову выйти на доселе недостижимый уровень обобщений и систематизировать историю древних культур на территории Российской империи, выстроив четкую хронологию и определив взаимосвязи между киммерийским, скифским и славянским периодами^{10, 11, 12}.

Примечательно, что основной заслугой Н.П. Кондакова в изучении последнего Л. Нидерле считает его выход на проблему влияний иноземных культур: скифо-сарматской, римской, готской, скандинавской, но самое главное – влияний Востока и Византии. Именно они, будучи усвоены славянскими мастерами в ходе интенсивного экономического и межнационального общения, стали базовым механизмом того процесса, благодаря которому «появились сначала грубые подражания, и лишь позже работы более совершенной техники и вещи самостоятельного изобретения, хотя и выполненные в византийско-восточном характере»¹³.

Краткая, но очень эмоциональная и в некоторых местах даже интимная заметка выдающегося британского антиковеда и слависта Эллиса Миннза словно бы вторит вступительному очерку Л. Нидерле. Будучи главным специалистом по России в Велико-

¹⁰ *Нидерле Л.* Указ. соч. С. 199–204.

¹¹ Многотомный труд «Русские древности» состоит из шести выпусков, издававшихся последовательно с 1889 по 1899 г., и имеет двойное авторство. Однако участие в работе графа И.И. Толстого заключалось в помощи, оказываемой Н.П. Кондакову при тщательном отборе воспроизводимого в этом труде иллюстративного материала, что в условиях конца XIX в. имело принципиальное значение не только собственно с художественной, но и с материальной стороны дела. Тем не менее весь текст и, следовательно, концепция труда принадлежат исключительно Н.П. Кондакову. См., в частности: Библиография трудов Н.П. Кондакова / Сост. И.Л. Кызласова // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 365.

¹² *Клейн Л. С.* История российской археологии: Учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. С. 550.

¹³ *Нидерле Л.* Значение Н.П. Кондакова в славянской археологии // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 199–204.

британии первой половины XX в., три года (с 1898 по 1901) стажировавшийся в Москве и Петербурге, а потому имевший внушительный круг знакомых и друзей среди российских ученых, в том числе и Н.П. Кондакова, он с уверенностью говорит о пионерском значении «Русских древностей» в деле изучения взаимосвязей между скифской и сарматской культурами, а затем и теми культурами, которые взаимодействовали на пространстве всей территории будущей Российской империи и даже шире – Евразии в целом в эпоху Великого переселения народов. Однако еще более важной представляется идея Э. Миннза о том, что полученные выводы нашли свое продолжение в исследовательских траекториях как русских, так и европейских историков. К первым он без колебаний относит М.И. Ростовцева и Я.И. Смирнова, ко вторым – О.М. Дальтона и Й. Стржиговского¹⁴. Таким образом, впервые речь заходит о вероятном складывании своеобразной научной школы, теоретико-методологические основания которой следует искать именно в работах Н.П. Кондакова.

Итальянский ученый Антонио Муньос бегло обозначил основные области творчества русского коллеги, в которых тот добился выдающихся результатов, сделав при этом акцент на связи его научных открытий с Италией [5]. Здесь указаны и его заслуги по изучению отдельных памятников итальянского искусства, и сам факт осознания Н.П. Кондаковым ценности рукописей, хранящихся в библиотеке Ватикана, для исследовательского сообщества, которое ранее не воспринимало важность этого хранилища должным образом. По мнению А. Муньоса, именно ватиканские источники стали той базой, на которой выстраивается концепция развития византийского искусства, предложенная русским ученым и в основных своих контурах остающаяся общепризнанной по сей день. Тем не менее снова хочется подчеркнуть ту сторону рассматриваемой заметки, где речь идет не столько о конкретных достижениях Н.П. Кондакова, сколько о его внутренних качествах. Автор отмечает, что он «подобно другим своим соотечественникам, несмотря на изгнание и события на своей Родине, спокойно и уверенно продолжает свои исследования, находя утешение в своей любимой работе»¹⁵. Впоследствии схожие характеристики будут звучать и в адрес его учеников, в том числе и одного из самых талантливых – М.И. Ростовцева.

¹⁴ Миннз Э. Область южнорусских и скифских древностей // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 205–207.

¹⁵ Там же.

Суждения учеников

Собственно, воспоминания последнего и продолжают юбилейный сборник [6], а потому к ним следует отнести с повышенным вниманием. Свой очерк М.И. Ростовцев даже выстраивает иначе по отношению к тем заметкам, с которыми мы имели дело до сих пор. Получив в свое время через Н.П. Толля письмо от приемного сына Никодима Павловича Сергея с просьбой поучаствовать в юбилейном проекте в честь его отца, ученый очень серьезно отнесся к этой миссии. В ответном письме он задавал вопрос: «Будет ли это сборник статей о Никодиме Павловиче или сборник научных статей в его честь? <...> Если первое, то мои странички будут чем-то вроде воспоминаний о совместной работе, или Вы хотите нечто вроде оценки его научной деятельности. Оценка есть дело очень трудное и деликатное, и вряд ли есть вещь подходящая, когда дело идет о живом и работающем человеке»¹⁶. Исходя из обозначенной позиции, он не разбирает творчество Н.П. Кондакова как таковое, не анализирует его труды. Сославшись на тот факт, что область смежных с ученым научных интересов (ранняя история юга России) уже нашла исчерпывающую оценку в вышеупомянутой статье Э. Миннза [18 с. 211], М.И. Ростовцев, используя, казалось бы, личные воспоминания о годах студенческой юности и своего непосредственного обучения у Н.П. Кондакова, выходит на уровень анализа его методологии, а затем и на схолярную проблематику.

В первую очередь, он касается вопроса о так называемом кружке «фактопоклонников», который сформировался в 90-х гг. XIX в. в Музее древностей Петербургского университета из учеников Н.П. Кондакова, усердно посещавших его лекции и дополнительные занятия¹⁷. Отмечая, что ныне такая терминология кажется устаревшей и даже несколько смешной, а поклонение фактам как таковое не было свойственно ни самому Никодиму Павловичу, ни его ученикам, М.И. Ростовцев поясняет, что речь на этих встречах шла о недопустимости бесплодного, ни на чем не основанного теоретизирования, «это была здоровая реакция против смутных и малообоснованных обобщений, к которым так склонны русские люди». За этими словами мы можем увидеть очень строгую мето-

¹⁶ Письмо М.И. Ростовцева к С.Н. Кондакову от 23 июля 1924 г. // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 458–459.

¹⁷ См. подробнее: Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. С. 50–83.

дологическую позицию, не допускавшую априорных философских предпочтений (ни в виде господствовавшего еще тогда позитивизма, ни в форме набиравшего силу марксизма) в противовес эмпирической базе исследования.

Вторым важнейшим методологическим принципом, заложенным Н.П. Кондаковым в своих учеников, М.И. Ростовцев признает умение работать с визуальным материалом, отдавая ему даже некоторое предпочтение перед памятниками письменности. Вспоминая об одной из своих постстуденческих командировок, в обязательном порядке практиковавшихся в дореволюционной России, он говорит о совместном пребывании с Н.П. Кондаковым и его ближайшими учениками в Испании. «Я просто ездил и смотрел, лучше сказать учился смотреть и видеть. Мало кто знает, как это трудно. Этому трудному делу я научился от Н.П. [Кондакова] и Я.И. [Смирнова], хотя они никогда меня этому не учили, а только смотрели сами и делились со мной тем, что они увидели. Одних глаз для этого мало. Нужно иметь и царя в голове»¹⁸. Первенствующее внимание к визуальным источникам – росписям, фрескам, мозаикам, произведениям станковой живописи – стало отличительной чертой научного творчества большинства учеников Н.П. Кондакова.

Синтетический подход к источниковой базе исследования, по убеждению М.И. Ростовцева, как раз и отличает историка от искусствоведа или филолога-классика. «Чистым археологом¹⁹ я не сделался, как не сделался и классическим филологом. Но я пытался и пытаюсь быть историком древности, понимание которого основано и зиждется на археологии и классической филологии»²⁰. Умение сопоставлять свидетельства разных видов и типов, таким образом, выступает третьим методологическим основанием специфического научного аппарата, развивавшегося последователями Никодима Павловича.

Наконец, М.И. Ростовцев вплотную подходит к вопросу о своеобразной школе, выросшей в недрах сначала кружка «фактопклонников», а затем и «Свободной Академии», как стали называть продолжительные чаепития дома у Н.П. Кондакова, на которые собирались его ученики и коллеги для того, чтобы в дружеской ат-

¹⁸ *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 211–216.

¹⁹ Под археологией в конце XIX – начале XX в. понималось изучение любого рода вещественных памятников: не только собственно археологических, но и архитектурных, и живописных и т. д. В современном плане значение этого термина ближе к искусствоведению.

²⁰ *Ростовцев М.И.* Указ. соч. С. 213.

мосфере обсудить последние открытия в области науки, поделиться своими идеями, поговорить о политике, культуре, о жизни страны²¹. Обозначив научные принципы, которыми руководствовались Никодим Павлович и его воспитанники в своей профессиональной деятельности, М.И. Ростовцев утверждает: «По этому же пути идут и наши ученики»²². И далее продолжает: «Наши ученики, особенно ученики Д.В. Айналова, как-то сами собою делались его учениками: за чашкой чая на его днях, во время поездок в Крым, при случайных встречах в Италии»²³. Обратим внимание, что в данной ситуации речь идет уже о формировании третьего поколения историков, своего рода «внуков» Н.П. Кондакова в большой науке, а значит, о сложившейся полноценной школе. Но в ее основание М.И. Ростовцев кладет не объект исследования (который совершенно естественно не смогла обнаружить у учеников Н.П. Кондакова И.Л. Кызласова, отказавшаяся поэтому говорить о его школе изучения русской и византийской религиозной живописи), а метод и теоретическую базу.

«Краткое приветствие» С.А. Жебелёва, как сам автор определил жанр своей заметки²⁴, носит скорее лирический характер и изобилует личными впечатлениями от бесед и работы с Н.П. Кондаковым. Сославшись на ранее написанный о нем раздел в своей обобщающей работе «Введение в археологию» и кратко перечислив основные направления деятельности ученого – от преподавания в Петербургском университете до создания Иконописной комиссии и работы над уставом Академии художеств²⁵, С.А. Жебелёв погружается в воспоминания о все тех же «журфиксах» в квартире Никодима Павловича и о том задушевном общении, которым эти и другие встречи были наполнены²⁶. Совершенно безобидный очерк, не содержащий каких-либо значимых историографических характеристик творчества Н.П. Кондакова, стал тем не менее достаточно известен как своего рода прелюдия к развернувшемуся вскоре печальному «делу академика С.А. Жебелёва», чуть было не стоившего ему потери кресла в Академии наук и прочих следующих за этим неприятностей. Через несколько лет после сборника в честь юбилея Н.П. Кондакова в Праге выйдет новый совместный труд памяти любимого ученика последнего – Я.И. Смирнова,

²¹ Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 215–216.

²² Там же. С. 213.

²³ Там же. С. 214–215.

²⁴ Жебелёв С.А. ОЕУС ТА ПРАГМАТА // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 217–222.

²⁵ Жебелёв С.А. Указ. соч. С. 216–217.

²⁶ Там же. С. 217–219.

в котором некролог С.А. Жебелёва снова будет соседствовать с очерком М.И. Ростовцева, в эмиграции очень резко обозначившим свое неприятие молодой советской власти. Вспыхнувший скандал, сам ход этого дела, вынужденное отречение С.А. Жебелёва от дружбы с М.И. Ростовцевым и иные ужасающие приметы научной жизни России 20-х гг. XX. в. достаточно подробно описаны в специальной литературе [7], а потому мы позволим себе в данной работе опустить этот момент.

Завершается юбилейный сборник в честь восьмидесятилетия Н.П. Кондакова очень трогательными, но лишенными принципиального историографического значения воспоминаниями И.И. Толстого²⁷, сына того И.И. Толстого, с которым ученый создавал выпуски «Русских древностей» и готовил новый Устав Академии художеств (1894 г.), каковые факты и отмечаются в очерке.

Заключение

Несмотря на во многом личный и эмоциональный характер большинства заметок рассматриваемого нами коллективного труда, шесть ученых, принявших в нем участие, сумели очень четко и тонко сформулировать основные черты научного творчества Н.П. Кондакова. Всеми ими безусловно признается лидирующее положение ученого в российской, а во многом и мировой археологии, базирующееся на его умении анализировать самый широкий по географическому и хронологическому охвату материал. Последнее, в свою очередь, позволило ему сделать важнейшие выводы о взаимоотношениях различных древних культур, развивавшихся на пространствах бывшей Российской империи, и напрямую выйти на проблему их взаимовлияний. Целый ряд специалистов не преминул указать, что в рамках этой проблематики сформировалась уже целая школа последователей Н.П. Кондакова. Один из ее представителей – М.И. Ростовцев обозначил и ключевые методологические принципы школы: отказ от пустого теоретизирования, не имеющего своим фундаментом конкретных исторических фактов, а также синтетический подход к источниковой базе исследования, в которой должны сочетаться свидетельства разных типов и видов, причем повышенное внимание уделяется источникам визуального характера, умение адекватно толковать которые признается сложнейшим навыком, требующим длительной академической подго-

²⁷ Толстой И.И. Из далекого прошлого // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 223–227.

товки. Именно с этих замечаний и наблюдений следует вести отсчет попыток историографического проникновения в творческую лабораторию Н.П. Кондакова.

Благодарности

Статья выполнена в рамках работы по научному проекту РГГУ «Проблемы интеллектуальной истории глазами молодых исследователей» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

The work was prepared as a part of the research project of Russian State University for the Humanities «Problems of intellectual history through the eyes of young researchers» (the tender «Project research teams of the Russian State University for the Humanities»).

Литература

1. *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Изд-во Москов. ун-та, 1985. 184 с.
2. *Вернадский Г.В.* О значении научной деятельности Н.П. Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения. 1844–1924 // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 228–257.
3. *Вернадский Г.В.* Никодим Павлович Кондаков // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 258–323.
4. *Айналов Д.В.* Академик Н.П. Кондаков как историк искусства и методолог // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 324–347.
5. *Муньос А.* Работы Н.П. Кондакова и Италия // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 208–210.
6. *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 211–216.
7. *Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 84–123.

References

1. Kyzlasova I.L. The history of the Byzantine and Old Russian arts study in Russia (F.I. Buslaev, N.P. Kondakov: methods, ideas, theories).
2. Vernadsky G.V. About the significance of the scholarly activity of N.P. Kondakov. On the issue of his eightieth anniversary. 1844–1924 // Kondakov N.P. Recollections and thoughts.

3. Vernadsky GV. Nikodim Pavlovich Kondakov // Kondakov N.P. Recollections and thoughts.
4. Aynalov DV. The academician N.P. Kondakov as a historian of the arts and methodologist // Kondakov N.P. Recollections and thoughts.
5. Muñoz A. The works of N.P. Kondakov and Italy // Kondakov N.P. Recollections and thoughts.
6. Rostovtzeff MI. The pages of recollections // Kondakov N.P. Recollections and thoughts.
7. Tunkina IV. M.I. Rostovtzeff and the Russian Academy of Sciences // Scythian novel.

Информация об авторе

Павел А. Алипов, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва Миусская пл., д. 6, 125993; palipov@mail.ru

Information about the author

Pavel A. Alipov, Candidate of Science (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; palipov@mail.ru

«Критическая» версия
российских исторических событий начала XX в.
в современной отечественной историографии

Наталия В. Иллерицкая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalia.villeritskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье осуществляется историографический анализ трудов современных российских историков, опубликованных в процессе подготовки и проведения 100-летнего юбилея Великой российской революции 1917 г.

Основное внимание в данной статье уделено прояснению понятия «критическая» версия современного историописания как актуальной ревизии представлений об исторических событиях в России начала XX в., традиционно бытовавших в советской историографии.

Автор статьи стремится выявить теоретико-методологические и фактографические основания конструирования исторических событий начала XX в. в текстах известных современных российских историков. Поэтому основное внимание в статье уделяется вопросу приращения научного знания в отобранных для историографического анализа историографических источниках. С этой целью исследуется оправданность и продуктивность применения интеллектуального инструментария новой политической истории и психоистории для решения задач, сформулированных авторами анализируемых историографических источников.

По мнению автора статьи, «критическая» версия современного историописания намечает продуктивные подходы к переопределению смыслов российских исторических событий начала XX в. Пока это только первоначальная интеллектуальная прорисовка новых теоретико-методологических механизмов в современной историографии, но очевидно, что при всей видимой провокационности предложенных подходов это необходимый шаг к конструированию нового образа прошлого в ответ на вызовы современности.

Ключевые слова: «критическая» версия, события начала XX в., новая политическая история, психоистория, историографический анализ

Для цитирования: Иллерицкая Н.В. «Критическая» версия российских исторических событий начала XX в. в современной отечественной историографии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 24–34. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-24-34

The “critical” version of the Russian historical events at the beginning of twentieth century in the modern native historiography

Natalia V. Illeritskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
natalia.v.illeritskaya@gmail.com*

Abstract. IAbstract: In the article an attempt is made to study works of the modern Russian historians published in the process of preparing and holding the 100th anniversary of the Great Russian Revolution of 1917. The focus of the article is on clarifying the concept of a “critical” version of modern historiography as a revision of relevant ideas about historical events in Russia at the beginning of the twentieth century, which traditionally existed in Soviet historiography.

The author of the article aims to identify the theoretical and methodological as well as the factual basis for reconstructing the historical events of the early twentieth century in the texts of renown modern Russian historians. She concentrates her attention on the question of increment of scientific knowledge in historiographical sources selected for a historiographical analysis. To that end, the article investigates the justification and productivity of using the intellectual instrumentarium of the new political history and psychological history to solve the questions formulated by the authors of analyzed historiographical sources.

It is the author's opinion that the “critical” version of the modern historiography is outlining the productive approaches to redefining the meanings of Russian historical events of the early twentieth century. So far that is only the initial intellectual drawing of the new theoretical and methodological mechanisms in the modern historiography, but it is obvious, that with all the apparent provocativeness of the proposed approaches, it is a necessary step to create a new image of the past in response to the challenges of our time.

Keywords: the “critical” version, the events in the beginning of twentieth century, new political history, psychological history, historiography analysis

For citation: Illeritskaya NV. The “critical” version of the Russian historical events at the beginning of twentieth century in the modern native historiography // RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series, 2019; 2:24-34. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-24-34

Введение

На современном этапе историописания особую актуальность приобретает освещение «романтического» периода советского социокультурного проекта, который хронологически совпадает со временем Великой российской революции 1917 г. В связи с этим

в современном историческом знании оформилась «критическая» версия истории революции 1917 г., теоретически и методологически направленная против модели советской историографии. Эмпирическая база этой версии оказалась значительно обновленной либо введением в научный оборот нового фактического материала, либо новой интерпретацией уже известных фактов. В контексте «критической» версии современной отечественной историографии наиболее показательными, на мой взгляд, являются труды двух авторов: В.П. Булдакова и К.А. Соловьева, опубликованные в 2017 г. Особенностью работ этих авторов является их стремление привнести теоретико-методологическую новизну в современное историописание и сконструировать новый образ исторических событий начала XX в.

Текст книги К.А. Соловьева «Хозяин земли русской?» интересен тем, что выстроен в методологии новой политической истории, смысл которой заключается в широком истолковании предмета политического, создания «нового нарратива», т. е. объединения вокруг ядра политической истории элементов социальной, интеллектуальной истории и политологии. В современной историографии недостаточно исследованными остаются проблемы повседневного функционирования власти, ее институтов; изучение каналов и форм взаимоотношения власти и общества. Именно эти сюжеты стали центральными в книге К.А. Соловьева.

Статьи В.П. Булдакова «Революция 1917 г.: мифы, которые мы выбираем» и «Мировая война, европейская культура, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 г.» написаны в методологическом подходе психоистории, что является новым для российской историографии. Центральная проблематика его статей посвящена исследованию поведенческой практики населения; индивидуального восприятия событий, представлений, механизмов трансформации мифологии революции в новую политическую реальность.

События начала XX в. в версии новой политической истории

Книга К.А. Соловьева «Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна» вышла в начале 2017 г. в серии издательства НЛО «Что такое Россия». Уже название книги свидетельствует о нетривиальном подходе автора к разработке поставленной проблемы.

Особенностью работы Соловьева является ее популярный характер. Текст лишен научно-справочного аппарата, что выводит

работу за границы профессионального дискурса. Однако автор этой книги является признанным авторитетом в области политической истории России, и это дает право рассматривать его труд как историографический источник. Особое внимание привлекает замысел книги: автор концентрируется на механизмах принятия государственных решений, внутриминистерских интригах, конфликтах бюрократии с обществом. Этому замыслу соответствует и структура книги, которая построена по принципу конструирования социально-политических феноменов: власть рассматривается в вертикальном срезе ее институциональных проявлений. В итоге автор приходит к оправданному умозаключению, что сфера публичной политики во второй половине XIX – начале XX в. в Российской империи была ограниченной, что затрудняло работу правительства: ведомственная борьба исключала согласие даже в среде высшей бюрократии. Взгляды высших сановников оставались неизвестными для императора, а чиновничество могло только догадываться о позиции императора. Поэтому важные государственные решения принимались без твердой опоры на социальные, политические и экономические реалии. Однако проблема заключалась не только в отсутствии консолидированной власти. Дело было в том, что высшая бюрократия очень приблизительно представляла себе население страны и его хозяйственную жизнь. Это означало, что российская централизация покоилась на шатких основаниях: бюрократическая форма скрывала реальное содержание социальных процессов.

Авторитет земств держался на знании конкретики местной жизни в стране, и чиновничество явно комплексовало перед земцами. Петербургские чиновники свою некомпетентность объясняли отсутствием выстроенной сети правительственных учреждений на местах, потому что, как известно, административная вертикаль дальше губернского города не шла. В этой ситуации затруднительно было определить, как будет работать тот или иной закон на местах. Часто это становилось полной неожиданностью для законодателя, и администрации оставалось лишь удивляться, что происходит в стране, а в России не без основания тиражировалась мысль, что нет власти, внушающей доверие обществу.

После столь интересных рассуждений К.А. Соловьев приходит к новому для современной историографии выводу: бюрократия, опирающаяся на столь шаткую основу, справлялась с задачами управления страной благодаря «...корпоративному единству, аполитичному профессионализму, административной фантазии, способной творить новое в узком коридоре отечественного законодательства...» [1 с. 290].

После революции 1905 г. Россия в политическом плане начала меняться, но изменения опять творила бюрократия, которая опиралась на свой прежний опыт. Отсюда и неутешительный результат: новое пытались надстроить на старом фундаменте, «...заимствуя все его противоречия и присовокупляя к ним новые, прежде неизвестные» [1 с. 292].

Конечно, если предъявлять к тексту книги чисто профессиональные требования, то следует отметить его перегруженность неоправданно обширными цитатами, что чревато иллюстративностью. Но это не главное. Главное заключается в том, что работа К.А. Соловьева выстроена в актуальном подходе новой политической истории и демонстрирует новационные возможности конструирования политического в историческом дискурсе. Книга «Хозяин земли русской?» имеет научное-популярное назначение, однако в отличие от многих современных работ демонстрирует несомненное приращение научного знания: в работе есть теоретико-методологическая и фактографическая новизна, что делает ее историографическим фактом.

Российская революция 1917 г. в версии психоистории

Важным этапом в осмыслении обновления методологии изучения истории революции 1917 г. стал доклад П.В. Волобуева и В.П. Булдакова на XVIII Международном конгрессе исторических наук в сентябре 1995 г. В докладе авторы поставили цель выявить наиболее перспективные подходы к исследованию революции 1917 г. и попытаться создать модель революции, способную стимулировать интеллектуальную деятельность историков. В частности, авторы предложили психосоциальную интерпретацию революции 1917 г. на основе междисциплинарного синтеза [2 с. 51].

В жанре «человеческого измерения» революции написаны основные тексты В.П. Булдакова, посвященные событиям начала XX в., включая статью «Революция 1917 г.: мифы, которые мы выбираем». Статья вызывает большой интерес. Привлекает внимание сама постановка проблемы, а сверхзадача, сформулированная автором, звучит очень актуально: «Автор показывает, что всякая революция связана с определенным набором мифических представлений о прошлом и будущем» [3 с. 39]. С этим трудно спорить, тем более что автор дает свое определение мифа: это «переживаемая реальность» [3 с. 40]. Однако далее из текста следует, что В.П. Булдаков пытается разоблачить миф демократической

революции. В создании этого мифа автор обвиняет и современников, и сторонников «рационального» объяснения революционных событий в историографии, и историков-эмигрантов. Сам автор исповедует циклическое понимание истории, объясняя это весьма оригинально – относительной неизменностью человеческой природы и тем, что «непросвещенные» массы мыслят образами утраченного «светлого прошлого» [3 с. 40–43].

Российская империя, по мнению В.П. Булдакова, может быть представлена как устойчиво-неравновесная система авторитарно-патерналистского типа. Такой организм не демонстрирует инновационность, но способен на мобилизационные усилия в экстремальных обстоятельствах, когда народ должен реагировать на всеобщую угрозу. Российская империя старалась черпать опыт управления в традициях прошлого. Царь жил прошлым, что и привело к столь успешному перевороту в 1917 г. Империя оказалась во власти малых возмущений, слухов и сплетен, т. е. «феминизированный» тип волнений охватил всю страну. В России тяга к демократии возникла в связи с потребностью «демократизации» самодержавия. Народ же остался почитателем власти, понятно сформированной по принципу «большой семьи», которой нужен был только «хороший отец», т. е. правитель [3 с. 45].

Основной миф, считает В.П. Булдаков, который обеспечил крах послефевральских действий, связан с тем, что русская интеллигенция слепо верила в формальную демократию, т. е. в политическую многопартийность. Многопартийность в России воспринималась как синоним демократии, но, по мнению автора, была лишь показателем развала прежних принципов авторитарно-патерналистского существования. Партии в России были опасны тем, что они создавали «подстрекательскую» среду. Все интеллигентские партии (а все политические партии и были интеллигентскими) в большей или меньшей мере оказывались утопичными в самых своих основаниях. Поэтому партии усугубляли социальный хаос, который непереносим для людей традиционной культуры, т. е. для решающего большинства населения [3 с. 52].

Центральное место в статье занимают рассуждения о мифологии революции. Но по мере углубления в конструкцию статьи выясняется, что в действительности автор не исходит из тезиса, что миф – это иррациональный способ освоения окружающего мира. Миф понимается просто как искажение действительности. С такой постановкой вопроса сталкиваешься в самом начале статьи, когда В.П. Булдаков определяет основное занятие профессионального историка – держать оборону против нескончаемого мифотворчества [3 с. 40]. Историки действительно считают одной

из важнейших функций исторической науки преодоление мифов о прошлом, но они не всегда понимают, что эта проблема должна быть увязана с познавательными возможностями исторической науки. К этой стратегии должно быть отнесено изучение механизма демифологизации и выявление в этом процессе роли исторической науки.

В первую очередь историк должен отталкиваться от определенной трактовки мифа, которая весьма редко укладывается в узкие рамки просто фальсификации. Исторические мифы выполняют важную роль в общественной жизни, что усложняет саму постановку вопроса о демифологизирующих возможностях исторической науки. Современные мифы высказываются в виде дискурсов, что свидетельствует о том, что мифы служат не для изживания противоречий, а для оправдания. Поэтому есть много оснований занять скептическую позицию по отношению к науке в деле демифологизации наших представлений о прошлом. Иными словами, «историческое повествование может быть скрупулезно точным в соответствии источникам, но оставаться мифом. Поэтому призыв быть честным в опоре на свидетельства еще не спасает от их мифологизации...» [4 с. 27]. Ведь есть задачи, для решения которых историческое знание в принципе непригодно. Такая ситуация складывается во всех случаях, когда прошлое напрямую используют для обоснования современности.

В.П. Булдаков справедливо замечает, что человек склонен навязывать событиям былых лет логику современности. Для историка-профессионала это непростительный грех, но для людей, не обремененных профессиональной подготовкой, это обычный способ взаимодействия с прошлым. С этим трудно не согласиться. Однако автор, являясь историком-профессионалом, неоднократно сам разрешает себе проводить прямые аналогии между событиями 1917 г. и современностью (в частности, с 1991 г.). Кроме того, В.П. Булдаков призывает историков научиться беспристрастно смотреть в лицо революционной действительности. То есть историк, по его мнению, в лучшем случае может быть участливым «соглядатаем» и не больше. Поэтому миф в такой конфигурации способен заслонить собой историческую реальность, а историю можно представить как коловращение мифов, а мифы изживают себя только путем самоистощения. И единственным противоядием против мифотворчества остается, по мнению В.П. Булдакова, наука история [3 с. 58].

Современная историографическая ситуация применительно к проблемам истории революции 1917 г. автору не представляется оптимистичной. В своей следующей статье «Мировая война,

европейская культура, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 г.» В.П. Булдаков подчеркивает, что, по его мнению, события 1917 г. в России имели два истока: внутренний революционный процесс, в котором преобладали силы социальной деструкции, и европейский кризис. Булдаков считает, что это был системный кризис империи, апогеем которого стало утверждение большевизма. В 1917 г. «цивилизованная» логика была захлестнута стихией самоорганизованных движений. Наступило время, когда страхи и предчувствия грядущей катастрофы превращались в пророчества.

В.П. Булдаков утверждает, что сегодня причины, ввергшие европейский мир в круговорот иллюзий, мифов, утопий, стали различимы: демографический бум привел к «омоложению» европейского населения; промышленный прогресс убеждал во «всеисилии» человека; миграционные потоки снизили возможности управления обществом; средства массовой информации резко усилили иллюзорный компонент сознания. Возросли агрессивность и непредсказуемость масс. На этом фоне разговоры и слухи о чем-то пугающем приближали тотальную катастрофу. В этих условиях накопившаяся агрессивность легко могла направиться на соседние народы. Так и случилось: Европа сорвалась в войну. Понятия «война» и «революция» смешались. Западная агрессивность была связана главным образом с «прогрессом» урбанизации, в России же получала преимущество невидимая агрессия сопротивления ей, поднявшаяся из недр крестьянского традиционализма. Европа устремилась к войне, а Россия – к революции [5 с. 22–23].

В условиях продолжающейся войны в сознании масс в России получили преобладание императивы неполитического архаичного типа. Падение самодержавия связано со стихийными выступлениями столичных рабочих. Череда продовольственных, «базарных», «пьяных» и этнических погромов протянулась через весь 1917 г. В 1917 г. в России бунт бежал впереди революции, расчищая дорогу большевикам и всевозможным максималистам [5 с. 24–25].

Психика русских рабочих, продолжает свои рассуждения автор, оставшихся в массе своей людьми традиционного сельского общества, была основательно деформирована городской средой. Тем временем начиная с марта 1917 г. событиям стали навязывать имидж «пролетарской» революции, но это была вовсе не та «пролетарская сознательность», о которой мечтал Ленин. Даже высокую «организованность» русского пролетариата можно связать с общинной психологией вчерашних крестьян. Неслучайно быстрее отраслевых профсоюзов возникли мелкие «цеховые» рабочие организации, сливавшиеся в фабрично-заводские комитеты.

Ход событий определялся психологией выживания, а не идеалами «пролетарского социализма» [5 с. 25–26].

В.П. Булдаков разделяет бытующую в современной историографии идею «крестьянской стихии», захлестнувшей город. Он утверждает, что крестьяне с их мечтой о «черном переделе» менее всего были подготовлены к представительной демократии. Теперь им казалось, что новая власть может моментально осуществить их «справедливые» пожелания. По мере разочарования в городской демократии стала нарастать «общинная революция», в ходе которой крестьяне в первую очередь постарались ликвидировать столыпинские новации. Крестьяне упорно не принимали всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права. По их мнению, любое справедливое решение достигается только на основе общинной традиции – открытым единогласным голосованием.

Солдатское движение подчинялось логике разложения армии, не желающей воевать. В 1917 г. солдаты тоже руководствовались этикой общинной деревни: вся армия должна быть перестроена согласно их пожеланиям. Поведение воющего народа фактически стало определяться императивом «мирного» выживания. Трудно представить себе более нелепую ситуацию. Постепенно солдаты стали оказывать подстрекательское воздействие на деревню. Именно радикальные представители солдатской массы стали главной опорой большевиков [5 с. 26].

Автор утверждает, что русская революция представляла двуликим Янусом: внешне она выглядела продолжением демократической революции, а внутри себя несла черты разинщины и пугачевщины. В итоге дух протеста пронизал среду носителей традиционного сознания. И тогда культурные слои России словно перевернулись: нижний накрыл верхний. Произошло вытеснение европейских компонентов массового сознания и возобладание традиционной ментальности [5 с. 26–27].

В заключение своей статьи В.П. Булдаков приходит к выводу, что историки допускают большую ошибку, упорно продолжая не замечать психологического состояния масс, ибо спектр эмоций 1917 г., представленных слухами, определялся обычным для революции состоянием: между надеждой и страхом перед будущим. В силу тогдашнего информационного бума, подкрепленного мощными миграционными процессами, слухи приобретали поистине тотальный характер [5 с. 28].

О том, что революция завершится возвращением к традиции, говорили многие. Итог величайшего российско-мирового системного кризиса протекал по законам самовоссоздания «порядка из хаоса». А он определялся малозаметным, но решающим фактором –

психикой «маленького человека», вынужденного решать проблему выживания не по предписаниям «ученых мужей», а заглядывая в «утраченное прошлое» [5 с. 29].

Заключение

Таким образом, в современной историографии истории Великой российской революции 1917 г. сделан несомненный шаг вперед: переформатирована сама тематика российской революции 1917 г.; достигнута репрезентативность источниковой базы за счет переосмысления и введения в научный оборот новых документальных источников; предложены актуальные теоретико-методологические подходы. Это привело к переопределению исследовательских задач и расширило исследовательское пространство историка в разработке проблематики российской революции 1917 г. Изменился образ революционных событий. Но это только начало пути, чтобы наполнить понимание событий начала XX в. новыми смыслами. Так что историков ждет впереди большая и интересная работа, важная для самопознания современного общества.

Литература

1. *Соловьев К.* Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 296 с.
2. *Поршнева О.С.* Человек в условиях российской революции 1917 года: основные тенденции и достижения в изучении проблемы // 1917 год в России: Социалистическая идея, революционная мифология и практика: Сб. научн. тр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. 382 с.
3. *Булдаков В.П.* Революция 1917 г.: мифы, которые мы выбираем // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. Научный журнал. 2017. № 1. С. 39–62.
4. *Линченко А.А.* Историческая наука как фактор демифологизации исторической культуры: философско-методологический аспект // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе: Сб. статей / Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Аквилон, 2017. 256 с.
5. *Булдаков В.П.* Мировая война, европейская культура, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 г. // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: Материалы Международ. научн. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. 808 с.

References

1. Solov'ev K. The Lord of the Russian Land? Autocracy and Bureaucracy in the Era of Modernism. Kirill Soloviev. The Basic Trends and Achievements in Studying the Issue. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2017. 296 p. [In Russ.]
2. Porshneva O. A man in situation of the Great Russian revolution of 1917 // 1917 in Russia. *Socialist Idea, Revolutionary Mythology and Practice. Coll. scient. Works.* Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ.; 2016. 382 p. [In Russ.]
3. Buldakov V. The Great Revolution of 1917 year. The myths we choose. *Bulletin of Toer State University. Series: History.* 2017;1:39-62. [In Russ.]
4. Linchenko A. History as a Factor of Demythologization of Historical Culture. Philosophical and Methodological Aspect. V: *Professional Historiography and Historical Memory: An Experience of Intersection and Interaction in a Comparative Historical Perspective.* Coll. of articles. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Akvilon Publ.; 2017. 256 p. [In Russ.]
5. Buldakov V. The First World War, European Culture and Russian Riot. Towards Reinterpretation of the Events of 1917 V: *The Great Russian Revolution, 1917. A Hundred Years of Study [Text]. Proceedings of International. Scientific Conf.* (Moscow, October 9–11, 2017) / Ex. ed. Yu.A. Petrov. Moscow: IRI(IRH) RAN Publ.; 2017. 808 p. [In Russ.]

Информация об авторе

Наталья В. Иллерицкая, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; natalia.villeritskaya@gmail.com

Information about the author

Natalia V. Illeritskaya, Doctor of Sciences (History), professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993; natalia.villeritskaya@gmail.com

Социокультурная адаптация русского дворянина
в эпоху революции и Гражданской войны:

Александр Алёхин

Дмитрий И. Олейников

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация, oleinikovdi@yandex.ru*

Аннотация. В статье привлечены новые архивные источники для анализа процесса социокультурной адаптации русского дворянина в условиях революции и Гражданской войны. Автор рассматривает смену индивидуальных стратегий приспособления к динамичным условиям социокультурной среды «нового мира» и приходит к выводу, что при весьма высокой степени риска возможность адаптации дворянина к новым условиям сохранялась – в областях, где и в эпоху катастроф сохранялась культурная традиция. Покровительство поддерживавших эту традицию представителей новой элиты способствовало адаптации вплоть до ассимиляции, хотя и поверхностной: в условиях конкуренции со «старым миром» быстро включался механизм дезадаптации.

Ключевые слова: А.А. Алёхин, Гражданская война, Коминтерн, социокультурная адаптация, шахматы

Для цитирования: Олейников Д.И. Социокультурная адаптация русского дворянина в эпоху революции и Гражданской войны: Александр Алёхин // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 35–45. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-35-45

Russian nobleman' socio-cultural adaptation
in the era of revolution and the civil war:

Alexander Alekhine

Dmitry I. Oleynikov

*Russian State University for the Humanities; Moscow, Russia,
oleinikovdi@yandex.ru*

Abstract. The article draws on new archival sources to analyze the process of sociocultural adaptation of a Russian nobleman in the context of revolution and civil war. The author considers the change of individual strategies of

adaptation to the dynamic conditions of the sociocultural environment of the “new world” and concludes that with a very high degree of risk, the ability of the nobleman’s adaptation to new conditions was preserved - in areas where the cultural tradition remained in the era of disasters. The patronage of the representatives of the new elite, who supported this tradition, helped to adapt to the point of assimilation, albeit superficially: in the conditions of competition with the “old world”, the mechanism of maladaptation was quickly activated.

Keywords: A.A. Alekhine, Russia’s civil war, Comintern, sociocultural adaptation, chess

For citation: Oleynikov D.I. Russian nobleman’s socio-cultural adaptation in the era of revolution and the civil war: Alexander Alekhine // *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019;2:35-45. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-35-45

Введение

Эпоха русской революции и Гражданской войны воспринимается и рассматривается в историографии прежде всего как эпоха разрывов и катастроф, хотя вопросы преемственности и сохранения представляются не менее важными. Метафора «рождения нового мира» (то ли лучшего, то ли худшего) применительно к этой эпохе остается в общественном сознании доминирующей. Тем не менее образ «превращения старого мира в новый», возможно, более точен, ведь рядом с трагической гибелью миллионов людей шел процесс не менее важного трагического выживания десятков и десятков миллионов. Рассмотрение групповых и индивидуальных стратегий такого выживания с помощью теории социокультурной адаптации представляется перспективной исследовательской темой [1 с. 5–6], а в рамках данной статьи будет рассмотрена попытка и формы адаптации русского дворянина А.А. Алёхина (будущего чемпиона мира по шахматам), оказавшегося в 1917–1921 гг. в условиях резкой социальной и психологической трансформации.

Под адаптацией, на основании современных исследований в социальных науках, будет пониматься процесс, при котором личность как социальная система приспосабливается «к внутренним и внешним изменениям, происходящий путем изменения как социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и внутренней ее (системы) структуры и функций» [2 с. 39, 3 с. 17].

Революция как изменение среды обитания

Выпускник престижного Училища правоведения (16 мая 1914 г., с чином титулярный советник [3 с. 1]) Александр Александрович Алёхин некоторое время был причислен к министерству юстиции, а с 25 февраля 1915 г. был принят на службу «по ведомству Главного управления Землеустройства и земледелия» с причислением к Департаменту Государственных земельных имуществ¹. Его отец, депутат Государственной думы, губернский предводитель дворянства, октябрист Александр Иванович Алёхин и дядя Владимир, уездный предводитель дворянства, обладавшие достаточным влиянием в Воронежской губернии, получали таким образом возможность продвигать в центральном аппарате власти своего человека. Это должно было укрепить будущее землевладельцев Алёхиных, чье материальное благополучие основывалось на обширных черноземных владениях в Воронежской губернии: одна только семья Александра Ивановича владела в общей сложности более чем 2000 десятинами земли². Кроме того, супруга А.И. Алёхина Анисья Ивановна, урожденная Прохорова, имела права на часть от доходов Трехгорной мануфактуры.

Таким образом, Алёхины входили в «деловую элиту» России: богатым считался землевладелец, имевший в среднем как раз от 2000 десятин земли (общее число богатых людей – людей с доходами от 10 000 руб. – составляло не более 0,02% населения) [4 с. 44–45]. Реальные доходы Алёхиных значительно превышали 10 000 руб.: судя по справочникам, одна только паровая мельница, принадлежавшая им с 1898 г., имела годовое производство на 165 500 руб.

Обеспеченное будущее в условиях социальной стабильности вдруг оказалось «отменено» Первой мировой войной. Александр Алёхин испытал целый ряд серьезных потрясений – сначала личных, сразу следом – социальных. Его родители были интернированы в Германии, причем относились к ним немецкие власти довольно жестко: вернувшись, А.И. Алёхин выступал 22.03.1916 г. в качестве свидетеля и потерпевшего перед «Чрезвычайной следственной комиссией для расследования нарушений законов и обычаев ведения войны австро-венгерскими и германскими войсками»³. В декабре 1915 г. А.А. Алёхин лишился матери, в мае

¹Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 544. Ед. хр. 227. Л. 7, 11–11об.

²Там же. Ф. 1349. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 15 об.

³Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13159. Оп. 4. Д. 860. Л. 3.

1917 г. – отца⁴. Сам он был тяжело контужен на Юго-западном фронте летом 1916 г.: освобожденный от военной службы по состоянию здоровья пошел на войну как представитель Красного Креста. Алёхин был представлен к ордену св. Станислава, но в связи с революционными событиями награждения не дождался^{5, 6}. Воронежский чернозем в наследство Алёхину не достался: «Декрет о земле» был реализован в Воронежской губернии уже к весне 1918 г. В сентябре 1918 г. были национализированы фабрики Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры (где Алёхину принадлежали 27 паев) [5 с. 115–116].

О политической позиции Алёхина в то время мы можем судить на основании его более ранних и более поздних высказываний. Заполняя анкету для поступления на работу в 1921 г., Алёхин в пунктах «к какой партии принадлежали до февральской революции» и «к какой партии принадлежали с февральской до октябрьской» поставил прочерки⁷. В 1928 г. на основании беседы перед вступлением в масонскую ложу «Астрея» Н.В. Тесленко представлял политические убеждения беспартийного Алёхина перед революцией как неясные, неоформившиеся, а затем эволюционировавшие в сторону признания демократического строя, допускающего конституционную монархию (хотя в перспективы монархии в России Алёхин не верил) [5 с. 145–146].

Если учесть, что в 1911 г. 19-летний правовед Алёхин писал (в сочинении о В.С. Соловьёве), что считает неприемлемыми ни социалистический, ни автократический политические идеалы⁸, а в 1929 г. говорил в интервью: «По взглядам я убежденный демократ, но не в такой чрезмерно левой форме, как нынешнее российское руководство», то становится понятным, что никакого сознательного участия в строительстве нового социалистического общества Алёхин не планировал. Тем не менее вырабатывать какую-то стратегию адаптации он был вынужден.

⁴РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 14 Л. 17.

⁵РГВИА. Наградная делопроизводственная картотека служащих РОКК и других учреждений и заведений военного ведомства. Карточка № 1222.

⁶РГИА. Ф. 496 Фонд Капитула российских императорских и царских орденов. Оп. 3. Ед. хр. 2055.

⁷Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 65а. Ед. хр. 2023. Л. 2 об.

⁸Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 173. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 6 об., 7.

Первоначально реакция Алёхина на события октября–ноября 1917 г. была минимальной: это была форма аккомодации в виде терпимости (иногда называемой «псевдоадаптацией»), практики отказа «от резких движений» при сохранении социальной дистанции [2 с. 189–190]. Ввиду отсутствия служебных дел Алёхин целиком предался своему любимому занятию – шахматам. К 1914 г. он стал сильнейшим шахматистом России и одним из сильнейших в мире, поэтому был желанным гостем на шахматных мероприятиях. Однако шли эти мероприятия уже по инерции: апартаменты Финансового и коммерческого собрания, где собиралось и «Петроградское шахматное собрание», были заняты и фактически разгромлены красновардейцами, которые играли «не в шахматы, а шахматами» и зачем-то украли всех шахматных коней [6 s. V]. Шахматная жизнь переместилась в частные квартиры и затухала по мере отъезда их хозяев, иссякнув во второй половине 1918 г. К тому времени Алёхин перебрался в Москву, где, как он полагал, не так явно чувствовались проблемы с отоплением и продовольствием [6 s. VII]. Надежд на воронежские земли уже не было, но до осени оставалась вера в акции «Трехгорки». За Алёхиным и его братом Алексеем сохранялась снятая еще в 1913 г. квартира в Гусятниковом переулке. Отчасти Алёхин переживал эпоху потрясений, отчасти, судя по упоминавшейся беседе с Тесленко, поверил в возможность построения обновленного общества (без каких-либо ясных представлений о нем) и даже допускал возможность реализации на практике «коммунистических теорий» [5 с. 145]. Он играл в небольших московских турнирах, «несмотря на препятствия, которые ставили на пути красные властители», однако и в Москве шахматная жизнь постепенно съеживалась до отдельных квартир, по которым шахматисты кочевали вместе с библиотекой и инвентарем Московского шахматного собрания [6 s. VII–VIII].

К осени 1918 г., когда вместе с национализацией Трехгорной мануфактуры перед Алёхиным встал вопрос о материальном обеспечении собственной жизни, он оказался в ситуации аккомодации-принуждения, при которой поведение и сознание принимают вынужденный характер под жестким воздействием извне [2 с. 189]. Алёхин предпринял ряд неполитических действий: не ассимилироваться с режимом, не переходить в состояние контрадаптации (стремления изменить среду под себя), но найти способ осмысленного существования. Так, он предпринял попытку жить шахматными гастролями (лекции, сеансы одновременной игры, партии вслепую и на ставку), которые приносили ему некоторый доход в 1910-е гг., в том числе во время мировой войны. География гастролей Алёхина середины – второй половины 1918 г. весьма об-

ширна: от Архангельска до Киева и Одессы. Выбор южного направления сам Алёхин не объяснял, но среди наиболее правдоподобных версий наиболее вероятной представляется попытка бежать от надвигающейся суровой зимы в условиях транспортного и продовольственного кризисов, усугубляющих опасности красного террора и бандитских налетов. Переживший зиму 1918 г. В.Р. Гардин вспоминал, с каким ужасом передавали известия об участвовавших налетах недавние хозяева московских квартир и особняков, как пугал их, затаившихся в маленьких комнатах с набитыми чемоданами, каждый звонок в дверь, как бесцеремонно налетчики осваивали «жил-площадь»: могли остаться ночевать, даже поселиться на какое-то время⁹. Никаких доказательств того, что в 1918 г. Алёхин искал возможности эмигрировать, не найдено, хотя он находился в Одессе с начала октября 1918 г. [7 с. 77]. Современные историки Одессы считают, что город при всей нестабильности ситуации с конца марта 1918 г. «оставался тем оазисом, где еще бурлила творческая жизнь», куда, спасаясь от войны и голода, стремились «знаменитые писатели и поэты, художники, певцы, актеры», где проходили концерты и литературные вечера, гастролировали театры и снималось кино. Пытались устроить и большой турнир с участием Алёхина (что могло его привлечь в рамках принятой стратегии адаптации) [6 с. 35]. Пока турнир откладывался (а потом и вовсе не состоялся), Алёхин зарабатывал на жизнь игрой на ставку со всеми желающими в кафе, а порой даже закладывал кое-какие вещи [5 с. 81–82]. Стратегия перехода на положение шахматного профессионала не сработала ни при одной из многочисленных властей Одессы того времени: ни при Скоропадском и австрийской оккупации, ни при Украинской народной республике, ни под властью французов и генерала А.Н. Гришина-Алмазова, ни при советской власти, вернувшейся в город 6 апреля 1919 г.

Смена стратегии адаптации

Именно после смены власти 6 апреля Алёхину пришлось менять свою стратегию адаптации самым резким образом. По подозрению в шпионаже он был арестован ЧК (точные даты неизвестны, но не позднее мая 1919 г.; детали источников разнятся [5 с. 82–84, 6 с. 38–40, 7 с. 144], сам Алёхин упоминал факт пребывания под арестом, но не любил расспросов на эту тему). Спасла его шахматная из-

⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 173. Оп. 1. Ед. пр. 153. Л. 44.

вестность – в органах советской власти на самых разных ступенях нашлись поклонники шахмат. По наиболее обоснованной версии, имя Алёхина увидел в списках подлежащих суду (и с большой степенью вероятности последующему расстрелу) делопроизводитель Одесского ревтрибунала Яков Вильнер (сильный шахматист, будущий мастер). Он немедленно связался с Х. Раковским. По прямому приказу председателя Украинского Совнаркома Алёхин и был освобожден – за недостатком улик (по другой версии, приказ об освобождении дал другой любитель шахмат – Л.Д. Троцкий) [6 с. 40–41, 43, 46].

После освобождения Алёхин перешел к иному способу адаптации: он использовал шахматные связи в качестве поддержки «сверху» и благодаря знанию иностранных языков («французский, немецкий, немного английский» [16 л. 2]) устроился на работу в Инотдел Одесского губисполкома. Так начался его переход от аккомодации к ассимилятивному приспособлению – по схеме Р. Парка (конфликт–приспособление–ассимиляция) [2 с. 187]. Этим объясняется и тот факт, что, когда в конце лета 1919 г. на Одессу наступали части Деникина и советские учреждения эвакуировались, Алёхин покинул город вместе с совслужащими.

Во второй половине 1919 г. значительную помощь Алёхину оказали сестра Варвара и брат Алексей. Они нашли свое место при советской власти (и не подвергались репрессиям даже в конце 1930-х гг.). Варвара стала работать в киноиндустрии и способствовала поступлению приехавшего в Москву Александра на первый набор первого курса 1-й государственной школы кинематографии (будущего ВГИКа). Набиравший учеников В.Р. Гардин был любителем шахмат, но в воспоминаниях замечал, что в условиях огромного конкурса («киномуравейник»¹⁰) принял Алёхина в школу за яркую актерскую индивидуальность [8 с. 127]. Тем не менее по не вполне понятным причинам через три месяца Алёхин покинул школу и с помощью брата Алексея устроился на работу в военно-санитарном управлении Харьковского военного округа, зимой перенес сыпной тиф, а к весне 1920 г. вернулся в Москву.

К этому времени шахматная жизнь столицы, сузившаяся было до десятка самых преданных игре энтузиастов, собиравшихся на неотопливаемой и часто остававшейся без света квартире на Пречистенском бульваре, получила мощный толчок от одного из заметных деятелей революции (и шахматного партнера В.И. Ленина) – А.Ф. Ильина-Женевского. В начале 1920 г. он стал комиссаром

¹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 173. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 2.

Главного управления Всеобуча и добился включения шахмат в программы допризывной подготовки трудящихся. Начальником Всеобуча Московского военного округа стал известный энтузиаст шахмат и шашек В.Н. Руссо. Его стараниями шахматисты и шашисты Москвы получили государственную поддержку. Под клуб им выделили значительных размеров квартиру (с отоплением!) на втором этаже дома в Камергерском переулке. К тому времени Алёхин победил в первом послереволюционном чемпионате Москвы и обзавелся весьма полезными связями с новой правящей элитой (в частности, вошел вместе с Ильиным-Женевским в комитет по организации Всероссийской шахматной олимпиады) [9 с. 39–40]. Такие связи позволили Алёхину продолжить ассимиляцию: благодаря рекомендации Руссо¹¹ в июне 1920 г. он поступил на службу в Исполком Коминтерна: сначала в отдел печати французской секции, затем в качестве переводчика организационно-информационного отдела. Любопытно, что в ответ на вопрос анкеты «С каких лет живете собственным трудом?» Алёхин написал «с 16 лет»¹², указав год, в который завоевал титул шахматного мастера (1909), то есть стал шахматным профессионалом.

Параллельно, благодаря юридическому образованию, Алёхин с 13 мая 1920 г. устроился на работу в систему НКВД в Центророзыск. Сохранилось «Временное удостоверение» от 18 мая 1920 г.: «Настоящим удостоверяется, что тов. Алёхин А.А. действительно считается на службе в Центральном следственном розыском управлении в должности следователя»¹³. Позже появились слухи и даже устные истории о работе Алёхина следователем в Московском уголовном розыске [10 с. 21], однако на деле он занимался розыском граждан, потерявших друг друга в годы революций и Гражданской войны. Долго совмещать две работы Алёхин не смог: он уволился из Центророзыска в сентябре 1920 г., но прежде, в августе 1920 г., стал кандидатом, члены РКП(б)¹⁴. Новоиспеченный кандидат в члены РКП(б) стал соратником А.Ф. Ильина-Женевского в деле организации первой Всероссийской шахматной олимпиады на базе Всеобуча, а в октябре 1920 г. победил на этой Олимпиаде, став первым советским шахматным чемпионом. Степень доверия к Алёхину со стороны властей росла: зимой 1920/21 г. ему было доверено сопровождать иностранных делегатов и гостей Коминтерна в поездке по городам Урала и Сибири. К 21 февраля 1921 г. в ВЧК

¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 445а. Ед. хр. 2023. Л. 1, 2 об.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ ГА РФ. Ф. Р393. Оп. 85. Ед. хр. 155. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 5, 10.

было перепроверено и окончательно прекращено дело, связанное с подозрениями о связи Алёхина с деникинской контрразведкой в Одессе в 1919 г. [5 с. 104].

На пути к дезадаптации

Степень ассимиляции уже была такова, что в апреле 1921 г. Алёхин получил разрешение Наркомата иностранных дел на выезд за границу через Ригу и Берлин [10 с. 101]. Формально он сопровождал беременную жену (с которой познакомился во время работы в Коминтерне, возможно, в шахматном клубе общежития делегатов Коминтерна). Звали жену Анна-Лиза Рюгг, она была швейцарской гражданкой, членом «левого крыла социально-демократической партии» и интересовалась постановкой дела охраны матери и ребенка¹⁵. На деле же целью Алёхина было участие в начавшихся в послевоенной Европе турнирах сильнейших шахматистов – с конечной целью завоевать титул чемпиона мира по шахматам.

В ближайшие годы Алёхина еще воспринимали в Европе как представителя Советской России. Однако, попав в окружение «старого мира», в том числе эмиграции, весьма активной и многочисленной в Берлине и Париже (основных местах жизни Алёхина), Алёхин потерял необходимость в ассимиляции, то есть в принятии условий поглощающей его социальной среды – ибо среда осталась за границей Советской России. 28 мая 1922 г. в интервью испанской газете на вопрос «Собираетесь ли Вы вернуться в Россию?» он ответил: «Не теперь. Но когда жизнь там нормализуется, я вернусь и буду серьезно работать ради примирения, роста и улучшений» [11 с. 119]. К 1926 г. Алёхин заслужил в СССР звание «ренегата» и «невозвращенца» [5 с. 143–144], а в ноябре 1927 г. выиграл титул чемпиона мира по шахматам и принял гражданство Франции.

Заключение

Таким образом, при наличии весьма высокой степени риска, связанного с нестабильностью политической ситуации и условиями «классовой борьбы», возможность адаптации дворянина к новым социокультурным условиям сохранялась благодаря совокупности индивидуальных качеств А.А. Алёхина. Он смог применить их в областях, где сохранялась культурная традиция, идущая

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Ед. хр. 223. Л. 3.

сквозь эпоху катастроф от дореволюционных времен (прежде всего шахматы и перевод). В поддержку такой традиции выступали заметные представители новой элиты, и их покровительство способствовало адаптации вплоть до ассимиляции, хотя и делало ее более поверхностной. Это, в свою очередь, предопределило то, что в условиях конкуренции с привычным «старым миром» – условиях, в которые попал кандидат в члены ВКП(б) и сотрудник Коминтерна А.А. Алёхин в Европе в 1921 г. – механизмы приспособления, вся социокультурная адаптация быстро дали «задний ход». В этом смысле для теории социокультурной адаптации может оказаться полезным рассмотрение вариантов и условий «обратного процесса дезадаптации».

Литература

1. Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Под ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, В.А. Тишкова. М.: РОССПЭН, 2010. 544 с.
2. *Корель Л.В.* Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
3. *Васильева Ю.С.* Организационно-педагогические условия адаптации выпускников школы к обучению в современном вузе: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011.
4. *Боханов А.Н.* Деловая элита России. 1914 г. М.: Ин-т российской истории РАН, 1994. 272 с.
5. *Шабуров Ю.Н.* Алехин. М.: Молодая гвардия, 2001. 272 с.
6. *Ткаченко С.Н.* Спаситель Алехина. Судьба и шахматное наследие Якова Вильнера. М.: Изд-во «Андрей Ельков», 2016. 240 с.
7. *Ткаченко С.Н.* Одесские тайны Александра Алехина. М.: Изд-во «Андрей Ельков», 2017. 256 с.
8. *Гардин В.Р.* Жизнь и труд артиста. М.: Искусство, 1960. 268 с.
9. *Ильин-Женевский А.Ф.* Записки советского шахматного мастера. Л.: ВСФК «Шахматный листок», 1929. 61 с.
10. *Котов А.А.* Шахматное наследие Алехина. Т. 1. М.: Физкультура и спорт, 1982. 384 с.
11. *Fiala M., Kalendovsky J.* Complete games of Alekhine. Vol. 2: 1921–1924. Olomouc: Publishing House Moravian Press, 1996. 494 p.

References

1. Derevyanko AP, Kudelina AB., Tishkova VA., eds. Adaptation of nations and cultures to changes in environment, social and technogenic transformation. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010. 544 p. [In Russ.]
2. Korel LV. Sociology of adaptations. Problems of theory, methodology, and methods. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2005. 424 p. [In Russ.]
3. Vasilieva YS. Organizational and pedagogic conditions of adaptation of high school graduates to studying at a modern university [dis. ... kand. ped. nauk], St. Petersburg, 2011. [In Russ.]
4. Bokhanov AN. Business elite of Russia. 1914. Moscow: The Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences Publ.; 1994. 272 p. [In Russ.]
5. Shaburov YN. Alekhine. Moscow: Molodaya Gvardia Publ.; 2001. 272 p. [In Russ.]
6. Tkachenko SN. Savior of Alekhine. Fate and chess legacy of Jacob Wilner. Moscow: Andrei Elkov Publ.; 2016. 240 p. [In Russ.]
7. Tkachenko SN. Odessa secrets of Alexander Alekhine. Moscow: Andrei Elkov Publ.; 2017. 256 p. [In Russ.]
8. Gardin VR. Life and labour of an artist. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1960. 268 p. [In Russ.]
9. Ilyin-Jenevsky AF. Soviet chess grandmaster's notebook. Leningrad: VSFK "Shakhmatniy Listok" Publ.; 1929. 61 p. [In Russ.]
10. Kotov AA. Chess legacy of Alekhine. Vol. 1. Moscow: Physcultura and Sport Publ.; 1982. 384 p. [In Russ.]
11. Fiala M., Kalendovsky J. Complete games of Alekhine. Vol.2. 1921–1924. Olomouc: Publishing House Moravian Press, 1996. 494 p.

Информация об авторе

Дмитрий И. Олейников, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; oleinikovdi@yandex.ru

Information about the author

Dmitry I. Oleynikov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; oleinikovdi@yandex.ru

Дорога к Студеному морю

Александр С. Сенин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, as_senin@mail.ru*

Аннотация. Студеным морем в России несколько веков называли Северный Ледовитый океан, а также Баренцево и Белое моря. В статье анализируется развитие путей сообщения на севере европейской части России. Особое внимание обращено на водно-сухопутный путь от Москвы до Архангельска. Указано на важную роль перевозки грузов к Белому морю по искусственному водному пути, соединившему с помощью нескольких каналов и шлюзов реки Шексны и Сухону. Движение судов по этой водной системе было открыто в 1828 г. В последней четверти XIX в. была построена железная дорога от Москвы до Архангельска. Однако потребности экономического развития огромного края требовали совершенно иной транспортной доступности. Единственный северный порт в Архангельске уже не удовлетворял интересам внешней торговли. На рубеже XIX–XX вв. в Министерство путей сообщения и Министерство финансов поступило множество предложений от предпринимателей, органов местного самоуправления и специалистов о строительстве новых шоссейных и железных дорог, поиска удобных бухт для сооружения морских портов. Основной целью этих проектов была ускоренная доставка экспортных грузов из районов Урала и Сибири. Путь к портам Белого и Баренцева морей был намного короче. Для сравнения: протяженность дороги из Перми до Архангельска составляла 1281 км, а до Петрограда через Вятку – 1750 км, через Москву – 2016 км. Сооружение этих дорог способствовало бы появлению новых городов и предприятий, разработке полезных ископаемых, повышению мобильности населения. По мнению автора статьи, наиболее перспективными были проекты строительства Обь-Беломорской железной дороги и железных дорог к устью реки Индиги (Индигская губа Баренцева моря), где природные условия позволяли построить удобный глубоководный порт. Все эти проекты были в разное время отклонены министерскими чиновниками и парламентариями по разным причинам, преимущественно – финансовым. Распад СССР и утрата Россией большинства удобных портов на Балтийском и Черном морях вновь поставили в повестку дня вопрос о сооружении крупных магистралей и портов на Русском Севере.

Ключевые слова: Белое море, Северный Ледовитый океан, пути сообщения на Русском Севере, речной флот, железные дороги, экономика, торговля

Для цитирования: Сенин А.С. Дорога к Студеному морю // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 46–60. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-46-60

The road to the Icy Sea

Aleksandr S. Senin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
as_senin@mail.ru*

Abstract. In Russia, during centuries the Arctic Ocean, as well as the Barents Sea and White Sea had been called the Icy Sea. In this article, the development of the routes of communication on the north of the European part of Russia has been analyzed. Special attention is paid to a water and land ways from Moscow to Arkhangelsk. Also, it is emphasized an important role of transit of cargoes along the artificial water way that has connected Sheksna and Sukhon rivers through the use of some canals and sluices. Ship traffic along this water system was opened in 1828. In the last quarter of the XIX century, a railroad was built from Moscow to Arkhangelsk.

However, the needs of economic growth of this area required absolutely different transport accessibility. The only northern sea port in Arkhangelsk no longer satisfied the interests of foreign trade.

At the turn of 19th – 20th centuries, the Ministry of railways and Ministry of finance received a number of offers from business leaders, local government bodies and specialists to build new public highways and railroads and to search suitable bays for sea port construction. The main goal of those projects was expedited shipping of export cargoes from Siberian and Ural regions. The path to the ports of the White and Barents Seas was a great deal shorter.

For reference: the length of a road from Perm to Arkhangelsk was 1281 km, to Petrograd through Vyatka – 1750 km, and through Moscow – 2016 km. The construction of these roads could have contributed to appearance of new cities and enterprises, mining and growth of mobility of population. In the author's opinion, the most challenging were the projects of construction of the Ob-Belomorsk railroad and the railroads to the mouth of Indiga River (Indiga Bay of the Barents Sea), where environmental conditions allowed to construct a convenient deep-water port.

In different times, all these projects were declined by cabinet officials and members of parliament lawmakers for a variety of reasons, mainly of financial character.

Breakdown of the USSR and a loss of the majority of convenient ports on the Black Sea and Baltic coasts again put in the agenda a question of construction of large transportation lines and ports on the Russian North.

Keywords: the White Sea, the Arctic Ocean, communications in the Russian North, the river fleet, Railways, economy, trade

For citation: Senin AS. The road to the Icy Sea. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019; 2:46-60. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-46-60

Введение

Вопросы состояния путей сообщения на Русском Севере в отечественной историографии рассматривались в самых общих чертах в исследованиях по истории транспорта, преимущественно водного; в трудах по исторической географии и в работах, посвященных сооружению в конце XIX – первой четверти XX в. железных дорог к Архангельску и Мурманску (до 1917 г. – Романов-на-Мурмане)¹. Однако, помимо осуществленных проектов строительства сухопутных дорог и портов, развития коммерческих морских перевозок, включая каботажные в северных морях, многие проекты развития транспорта, созданные известными инженерами, предпринимателями, общественными деятелями, реализованы не были. Поскольку и век спустя на Русском Севере нет удобной транспортной инфраструктуры, стоит повнимательнее взглянуть на эти проекты. Сегодня они приобрели особую значимость в связи с планами развития Северного морского пути, разработкой важных для страны полезных ископаемых на побережье Северного Ледовитого океана.

¹Например: Голубев А.А. Мурманская железная дорога: История строительства (1894–1917 гг.). СПб.: Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, 2011. 204 с.; Гудкова О.В. Строительство Северной железной дороги и ее роль в развитии Северного региона (1858–1917 гг.). Вологда: Древности Севера, 2002. 187 с.; Житков С.М. Исторический обзор устройства и содержания водных путей и портов в России за столетний период: 1798–1898. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.; Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX в. М.: Наука, 1982. 277 с.; Попов Г.П. Трудные дороги Севера. Архангельск: Поморский университет, 2007. 401 с.; Соколов А.К. Историческая география России. М.: Русское слово – учебник, 2016. 472 с.; и др.

Транспортное освоение Русского Севера

Студеным несколько веков в России называли Северный Ледовитый океан, а также Баренцево и Белое моря. С XI в. южный берег Белого моря заселялся в основном новгородцами, которые вместе с коренным населением Русского Севера – поморами – занимались рыболовным и зверобойным промыслами, судостроением, мореходством и торговлей. Поселение на месте нынешнего Архангельска было основано новгородцами еще в XII в. Позднее, в XIV в., в устье Северной Двины был основан мужской Михайло-Архангельский монастырь, давший впоследствии современное название городу. Монастырь стал центром духовного просвещения языческих народов Двинской земли. На высоком берегу, среди девственного бора, он служил ориентиром поморским судам. Неподалеку от монастырских стен, в гавани Святого Николая, в XVI в. появились иностранные торговцы. Первыми построили свой гостинный двор и амбары англичане, затем голландцы и немцы. По указу Ивана Грозного в 1584 г. посланные из Москвы воеводы П. Нащокин и Н. Волохов заложили у стен Михайло-Архангельского монастыря, на правом берегу Северной Двины, на мысу Пур-Наволок деревянную крепость. Вместе с прилегающим к ней поселком и пристанью это место получило название Новый Холмогорский город (Новохолмогоры). С 1613 г. – Архангельск. Это первый крупный морской порт Русского государства и центр торговли с западноевропейскими странами, преимущественно с Англией².

Город имел естественную, хорошо защищенную от ветров гавань, а крепость надежно запирала с моря неприятельским судам путь в глубь России. Развитию города в XVII в. способствовали рост беломорской торговли и покровительственные меры московских властей. Если в 1600 г. в порт на Белом море пришло всего 21 иностранное судно, то в 1621 г. – уже 67. Постепенно в порту появились артели лоцманов и грузчиков. Иностранцы везли в Россию сахар, мыло, бумагу, нитки, кружева, бархат, ножи, посуду, иголки, драгоценные камни, вина и другой товар европейских предприятий, а вывозили пшеницу, гречневую крупу, масло, сало, меха, смолу, деготь, слюду, золу, рыбий клей, рыбу и другие товары.

В 1693 г. Петр I заложил на острове Соломбала верфь и основал Адмиралтейство. В 1694 г. он участвовал в спуске на воду первого построенного в Архангельске торгового судна «Святой Павел».

²Большая Российская энциклопедия: В 35 т. Т. 27. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С. 109; Города России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 25.

Строительство судов в Архангельске продолжалось до 1862 г. Всего было построено 481 судно³.

Со времени образования централизованного Русского государства с центром в Москве формируется сеть старинных дорог. Среди них дорога на север, которая начиналась в районе нынешней Красносельской улицы Москвы. Далее она пролегла к Переславлю и Ярославлю. Специально эту дорогу, впрочем, как и другие, никто не строил. Колея накатывалась годами естественным образом. Поддерживали ее в работоспособном состоянии крестьяне окрестных сел в качестве официальной государственной повинности. Часто сухопутные пути комбинировались с водными. Торговцы везли свой товар к Белому морю сначала на телегах посуху до Вологды, потом перегружали его на речные суда и уже по Сухоне и Северной Двине доставляли к пристани на Белом море. Путь этот, длиной более 1500 верст, в зависимости от времени года и погоды, можно было преодолеть примерно за месяц. По свидетельству английских путешественников, на дорогу от устья Северной Двины до Вологды затрачивалось в летнее время 14 суток, в зимнее – 8 суток⁴. Важным преимуществом пути были полноводные реки Русского Севера. Зимой на саних по замершим руслам рек ехать было быстрее и удобнее. Крупными торговыми пунктами и значительными пристанями на Сухоне были Тотьма и Великий Устюг. В Архангельский порт стекались грузопотоки из Архангельской, Вятской, других губерний и из Сибири. В структуре грузов преобладал хлеб, который до 1762 г. попадал за границу только через Архангельский порт⁵.

В 1828 г. было открыто движение по искусственной водной системе, соединившей Шексну с Сухоней. Водный путь в результате сложных гидротехнических работ прошел через ряд озер, соединенных шлюзовыми каналами. В честь главноуправляющего путями сообщения этот путь получил имя герцога Александра Вюртембергского [1 с. 167–168].

7 октября 1856 г. коммерции советник В.А. Кокорев направил письмо главноуправляющему путями сообщений и публичными

³Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 115; *Гранков Л.М.* Русское судоходство: История и современность: В 3 т. Т. 1: Коммерческий флот России: Страницы истории. М.: Морской флот, 2004. С. 222–228.

⁴История железнодорожного транспорта России, XIX–XXI вв. М.: Издательский дом Мещерякова, 2012. С. 16.

⁵Историческая география России, IX – начало XX в.: Территория. Население. Экономика: очерки. М.: Российская академия наук, Ин-т российской истории, 2013. С. 166–167, 171, 184.

зданиями К.В. Чевкину с предложением построить железную дорогу для соединения Волги и Сухоны. Кокорев указал на место максимальной близости двух рек, всего 180 верст. Железная дорога должна была пройти от Кинешмы на Волге через Галич и Солигалич в направлении реки Толшмы – притока Сухоны. Кокорев считал, что новая дорога удачно соединит хлебобородные губернии с лесными и рыболовными и вызовет резкий рост торговли на Русском Севере. Проект не был реализован⁶.

В 1894–1897 гг. Общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги построило узкоколейную линию от Вологды до Архангельска. Движение было открыто 22 октября 1898 г.⁷

В связи с планами освоения Сибири на рубеже XIX–XX вв. в Министерстве путей сообщения (МПС) рассматривались предложения о путях вывоза сельскохозяйственной продукции, леса, угля из Западной и Южной Сибири в обход центральных губерний Европейской России. В 1881 г. А.Д. Голохвастов предложил учредить акционерное общество «Сибирское общество торговли и Обской железной дороги». Железная дорога должна была соединить реку Обь с Хайпудырской губой – заливом на юго-востоке Печерского моря. Длина залива 46 км, ширина в средней части 33 км. В залив впадают две реки: Море-Ю и Кортаиха. По расчетам Голохвастова, одна верста новой дороги стоила почти в три раза дороже аналогичной дороги в Финляндии, но обеспечивала окупаемость при грузопотоке в 30 млн пудов ежегодно. Этим грузом преимущественно являлись лес и рыба, на которые в те годы был устойчивый спрос в Европе. Предложение Голохвастова обсуждалось в Императорском Русском географическом обществе, в Обществе содействия русской торговле и промышленности, получило поддержку академиков Императорской Петербургской Академии наук Г.П. фон Гельмерсена, А.Ф. Миддендорфа и Ф.Б. Шмидта. В частности, академик Шмидт отметил, что море в этом районе Северного Ледовитого океана долго остается незамерзающим из-за влияния Гольфстрима, а болотистые места не являются непреодолимым препятствием для строительства железной дороги⁸. В 1887 г. МПС разрешило А.Д. Голохвастову провести изыскания трассы, а затем постройку

⁶Российский государственный исторический архив. Ф. 207. Оп. 1. Д. 189 Л. 1 об. – 12 об.

⁷Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 1456.

⁸Голохвастов А.Д. Сибирское общество торговли и Обской железной дороги: Объяснительная записка. СПб., 1881. С. 4.

и эксплуатацию Обской железной дороги длиной 393 версты от Васюковских юрт на реке Малая Обь (близ Обдорска) до устья реки Коротаихи (Каратайки). Но результаты изысканий в МПС не поступили⁹. В 1897 г. Голохвастов направил новую записку в Министерство императорского двора. Проект был несколько изменен по сравнению с первым вариантом. Теперь груз предполагалось везти водным путем до Обдорска (с 1933 г. Салехард), затем железной дорогой к проливу Югорский шар, протяженностью 420 верст, чтобы обойти льды Карского моря. Он доказывал, что предлагаемый путь намного короче других проектов. Проект Голохвастова был отклонен императором Николаем II¹⁰.

По мере строительства Великого Сибирского пути встал вопрос о дополнительных подходах к нему из европейской части России, о подъездных путях для увеличения грузооборота на новой дороге и быстрой ее окупаемости. Для этого в 1896 г. построили линию от Екатеринбурга до Челябинска (252 км), а в 1899 г. от Перми до Котласа через Вятку (866 км). Так появился выход на Северную Двину, по которой грузы направлялись водным путем в Архангельск. В начале XX столетия была построена северная широтная магистраль от Санкт-Петербурга через Вологду до Вятки. После сооружения участка от Перми к Екатеринбургу возник прямой северо-западный ход Петербург–Вологда–Вятка–Пермь–Екатеринбург–Челябинск протяженностью 2342 км. Стало возможным связать кратчайшим путем Транссибирскую магистраль с портами Балтийского и Белого морей¹¹.

В МПС, конечно, понимали, что построенные на Русском Севере дороги не решают проблемы транспортировки все возрастающего потока грузов, и поэтому внимательно прислушивались к инициативным проектам биржевых комитетов, купечества, городских дум и др. Например, в 1907 г. инженер Е.К. Кнорре подал в Комиссию о новых дорогах прошение о создании «Общества Полярно-Уральской железной дороги» для постройки дороги от Оби, близ впадения в нее реки Соби (30 верст вверх по Оби от Обдорска), до Северного Ледовитого океана и строительства коммерческого порта в Варандейской бухте. Общая протяженность трассы – почти 400 км. Кнорре обещал построить дорогу за 3,5 года. Правительство могло выкупить ее в казну через 30 лет. Предполагалось, что государство позволит без

⁹Российский государственный исторический архив. Ф. 280. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

¹⁰Там же. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1201. Л. 3–22.

¹¹История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1836–1917 гг. СПб.: [АО «Иван Федоров»], 1994. С. 21–22.

пошлин приобретать все необходимое для постройки дороги, в том числе материалы, оборудование и подвижной состав из-за границы, а также разрешит построить телеграфную линию вдоль дороги с правом взимания платы за отправку частных телеграмм¹².

Почти одновременно возникло «Общество Камско-Печорской железной дороги», инициатором которого выступил чердынский купец Н.П. Алин. Компаньонами стали коллежский секретарь Н.С. Селиванов и потомственный почетный гражданин С.А. Верещагин. Дорога должна была связать Волго-Камский бассейн с огромным Печорским краем. В поддержку проекта в Министерство финансов поступила записка от чердынского уездного земства и чердынской городской думы. В ней подчеркивалось, что главным тормозом развития Печорского края было отсутствие связи с другими российскими городами. Сообщение с Россией совершалось «с неимоверными трудностями по 1000-верстному глухому тракту между Ижмой и Архангельском, по 700-верстному тракту между селом Троицком-Печорским», а зимой жизнь вовсе замирала. В записке говорилось, что важно построить 330 верст до Троицкого-Печорского, а дальше до Ухты найдутся средства частных лиц, если разведка и добыча нефтяных месторождений покажет их промышленные масштабы¹³.

Ярославский купец Г.А. Вриони предложил построить железную дорогу от Рыбинска до Обдорска общей протяженностью 1900 верст. Дорога должна была дать удобный выход к природным, лесным и нефтяным богатствам края из центра России. Проект поддержал городской голова Солигалича. По его словам, «экономический и материальный быт сельского населения находятся также в крайне тяжелых условиях, так как при всем желании населения улучшить сельское хозяйство или развить какую-либо промышленность» практически невозможно из-за плохих дорог. Был разработан Устав Общества Рыбинск-Обдорской северной железной дороги. Его учредителями, помимо Вриони, стал действительный статский советник Е.А. Сабанеев, капитан 1-го ранга в отставке А.П. Мамонов, председатель земской управы С.П. Мамонов, романо-борисоглебский землевладелец А.Е. Чесночков, коллежский советник И.Н. Ельчанинов и др. В Министерстве финансов ответили отказом ввиду малой изученности края и отсутствие достаточных данных о доходности линии¹⁴.

¹² Российский государственный исторический архив. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1381. Л. 8, 14 об.

¹³ Там же. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1168. Л. 41.

¹⁴ Там же. Д. 1113. Л. 10, 15, 22, 34–38, 147–171.

Инженер В.Н. Вольтман высказался за строительство железной дороги от пристани на Оби к Пинеге и Архангельску («Восточно-Уральско-Беломорская железная дорога»). Эта дорога позволяла не только доставить грузы промышленности Среднего Урала к морям, но и освоить богатый и малозаселенный край. Горные инженеры Н.С. Авдаков, Р.Ф. Цейдлер и коллежский советник А.А. Вертов высказались за строительство Обь-Беломорской железной дороги. Для увеличения экспорта леса барон В. Каульбарс и инженер Г.К. Гониг предложили построить дорогу от Котласа до Архангельска. Правда, во время летней навигации эта линия создавала конкуренцию местному пароходству. В 1913 г. эти и другие проекты были рассмотрены в Комиссии о новых дорогах. Члены Комиссии поддержали проекты сооружения Камско-Печорской (единогласно) и Обь-Беломорской железных дорог (большинством голосов)¹⁵. Некоторое время в МПС рассматривался проект Беломорско-Онежского водного пути. Правда, в министерстве признавали, что со строительством железнодорожного пути в Кемь этот проект утратит свое значение¹⁶.

В 1910 г. министр путей сообщения С.В. Рухлов во всеподданнейшем докладе писал о посланной в 1909 г. на север Урала экспедиции по поиску возможности соединения сибирских рек с реками европейского Севера России. В частности, была изучена возможность соединить приток Печоры реку Илыча с Сосвой (Сосьвой), притоком Оби. Предполагалось, что на трассе река Илыч – река Егра-Лята–горная речка Чупадо-Вож–ручей Кэлы–Водораздельное болото–река Манья–река Северная Сосва (Сосьва) можно построить несколько шлюзов и обеспечить с их помощью прохождение судов с осадкой 0,83 саж. Управление водных путей и шоссейных дорог МПС сочло технически возможным устройство непрерывного водного пути между Печорой и Обью, что позволяло перевозить ежегодно до 200 млн пудов в навигацию в каждую сторону¹⁷.

В 1913 г. Комиссия о новых железных дорогах Министерства финансов рассмотрела первый вариант Обь-Беломорской железной дороги и поддержала саму идею постройки этой магистрали. Предполагалось в первую очередь построить линию от Архангельска до села Троицкое на реке Печоре¹⁸.

¹⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 280. Оп. 1. Д. 61. Л. 39.

¹⁶ Там же. Ф. 229. Оп. 4. Д. 345. Л. 3 об.

¹⁷ Там же. Д. 549. Л. 107 об. – 108 об.

¹⁸ Там же. Ф. 274. Оп. 2. Д. 1053. Л. 79.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война отодвинула реализацию этих проектов на более позднее время, но не сняла с повестки дня. В военные годы была значительно усилена линия Петербург–Вологда, Вятка, перешиита на широкую колею линия от Вологды до Архангельска, построена Мурманская магистраль. Отныне грузы из Урала и Сибири могли перевозиться в незамерзающий порт в Баренцевом море. Однако дорога была принята лишь во временную эксплуатацию до устранения многочисленных дефектов, вскрытых при строительстве. Это означало разрешенную скорость не более 12 верст/час и недогруз вагонов и платформ на 20% из-за слабости полотна [2 с. 17].

В 1915 г. русский художник А.А. Борисов и юрист В.М. Воблый предложили обсудить проект «Великого Северного железнодорожного пути». Первой очередью реализации Великого Северного пути предусматривалось сооружение железнодорожной линии Обь–Котлас–Сорока (Беломорск)–Мурман, открывавшей хлебной и лесной торговле Сибири транспортный выход к морским коммуникациям с западноевропейским рынком. В том же году были проведены изыскания по предполагаемой трассе на средства художника Борисова и норвежца Ганевика¹⁹.

Проекты частных железных дорог в обязательном порядке рассматривались Вторым департаментом Государственного совета. 29 апреля 1916 г. в своем заключении он признал указанный проект «недостаточно выясненным как с экономической, так и с технической стороны» и предложил министрам путей сообщения и финансов еще раз изучить вопрос о соединении сибирских водных путей с портами на Белом море и мурманском берегу²⁰. Поскольку Россия в 1916 г. была лишена возможности использовать свои порты на Балтийском и Черном морях, интерес к побережью Северного Ледовитого океана оставался в центре внимания общественности. Особое межведомственное совещание по выработке плана железнодорожного строительства на 1917–1922 гг. высказалось в перспективе за соединение Оби с мурманским портом. Совещание под председательством товарища министра путей сообщения И.Н. Борисова рассматривало варианты строительства дорог на Севере России: Котлас – Сорока (800 верст), Обь–Котлас (1200 верст), Обь–Урало-Беломорская (1510 верст), Котлас–Пермь (700 верст), Котлас–Свирь (800 верст), Пермь–Печора (580 верст). В августе 1916 г. Совет Министров выделил деньги на изыскания трассы железных дорог: Обь–Беломорской и Котлас–Сорока.

¹⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 274. Оп. 2. Д. 1053. Л. 80.

²⁰ Там же. Ф. 350. Оп. 61. Д. 2370 Л. 1–13, 58–58 об.

22 октября министр путей сообщения А.Ф. Трепов во всеподданнейшем докладе писал императору о необходимости постройки линии Сорока–Котлас, чтобы дать сибирским грузам постоянный выход к морю, минуя загруженный Петроградский железнодорожный узел²¹. Управление постройки Мурманской железной дороги было обеспокоено тем, что после окончания войны грузы из глубинных регионов России пойдут вновь к балтийским портам. Путь же на Мурманск был кружным и более протяженным. Грузы шли через станцию Званку и Петрозаводск, что удорожало их доставку в порт. Для грузов из Сибири путь на Мурманск составлял 4531 версту (из Новониколаевска). Значительно короче была дорога в балтийские и черноморские порты. Управление постройки Мурманской железной дороги выдвинуло в 1917 г. проект Сибирско-Мурманской железной дороги, которая позволила бы дать более короткий выход к портам Баренцева и Белого морей сибирских и уральских грузов. Эта дорога могла бы привлечь грузы из Верхнего, Среднего Поволжья и Московского промышленного района. Согласно проекту дорога начиналась от разъезда № 37 (5-я верста от ст. Пермь) и соединялась с Мурманской ж. д. на станции Сорока²². При общей длине 1436 верст магистраль была рассчитана на пропуск 21 пары поездов в сутки.

После Февральской революции строительство железных дорог на Русском Севере рассматривалось в контексте социально-экономического развития всего края. Член Совета съездов представитель лесной промышленности и торговли лесовод Д.И. Зайцев писал: «Совет съездов лесопромышленников не может не признать, что в основание оценки железнодорожных направлений на Севере России должен быть положен принцип *лесопромышленного*, а не *лесовозного* того или иного направления железнодорожных линий»²³. Бюро экономических работ Л.Л. Рума и К^о высказывалось за первоочередное строительство дороги от Перми до Сороки, потому что для продукции сельского хозяйства важно, чтобы она не лежала несколько месяцев на складах замерзающего порта. Продолжались работы по доведению дороги до требуемых норм эксплуатации и обеспечения надежности движения.

²¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 229. Оп. 4. Д. 549. Л. 242 об.

²² Расстояние от Перми по новой линии до Архангельска 1281 км, до Мурманска – 2136, до Петрограда через Вятку 1750, а через Москву – 2016 км.

²³ Железнодорожное строительство на Севере России с точки зрения интересов лесной промышленности. Усть-Сысольск, 1917. С. 4, 5.

В ноябре 1917 г. правление Общества Северо-Восточной Уральской железной дороги обратилось с запросом о предоставлении концессии на разработку и строительство линии Акмолинск–бухта Индига, которая должна была связать Степной край с Северным Ледовитым океаном. 30 марта 1918 г. Общество получило от НКПС ссуду в 500 тыс. руб. на изыскания. Власти также обещали заключить концессионное соглашение с акционерами этой железнодорожной компании.

В печати обсуждались предложения строительства Печора – Беломорской железной дороги от села Троицкое до Архангельска с веткой на Усть-Цыльму. Инженер А.Н. Фролов, в частности, предлагал строить ее с участием иностранного капитала на концессионных началах, достаточно обеспечивающих интересы государства [3 с. 10, 14]. Главное управление государственных сооружений провело рекогносцировочные исследования по трассе Кострома – Кологрив–Никольск–Пинюг (станция на Котласской линии) и далее к Усть-Ухтинским нефтяным месторождениям. Рассматривался также вариант строительства магистрали от Никольска к Великому Устюгу и далее на Котлас.

Сооружение железнодорожной линии Сорока–Котлас (735 верст) проектировалось в Комитете государственных сооружений с целью ускорить доставку грузов из Сибири в Архангельск и Мурманск. Производились предварительные изыскания по трассе Обь–Беломорская, в первую очередь на участках Архангельск – Чимашевская, с ветвями к Усть-Цыльме и Надеждинскому заводу протяженностью 825 верст. В 1919 г. Комитет предлагал начать изыскания на линии Медвежья Гора–Повенец–Суда (500 верст). Все перечисленные магистрали являлись частью одной большой магистрали, проектируемой для соединения Северной России с Западной Азией²⁴.

Поскольку значительная часть северных морей на многие месяцы замерзала, одним из важнейших вопросов стал поиск наиболее удобных мест для сооружения новых портов, к которым впоследствии будут подведены железнодорожные пути. Большинство проектов можно было условно разделить на две группы. Одни авторы считали возможным соединить Обь с бухтами у Медынского

²⁴ Вестник путей сообщения. 1919. № 14–15. С. 19. При проектировании трасс на севере России учитывалось также наличие месторождений нефти. Экономическая записка о Московско-Ухтинской жел.-дор. магистрали (Москва–Кострома–Галич–Усть-Ухта) / Ред. В.И. Лавров. Кострома: Костромской губернский исполнительный комитет советов, 1922. 82 с.

заворота, мыса Константиновского, Болванского носа и устья реки Индиги. Другие предлагали соединить Обь с Печорой, а затем направить грузы водным путем к устью Печоры или по притокам Печоры и Индиги в устье Индиги, доступное для навигации более продолжительное время.

С началом Гражданской войны и переходом большинства наиболее удобных портов Балтики и Черного моря к сопредельным государствам проекты освоения Севера стали еще более актуальными. В 1918 г. на межведомственном совещании при Управлении внутренних водных путей была определена необходимость подробного изучения устья реки Индиги в связи с возможным строительством здесь портовых сооружений. Были сформированы и снаряжены изыскательские партии для изучения устья Индиги и трассы будущей железной дороги Индига–Тобольск.

Сотрудник Института исследования северных путей Г.Г. Поварнин представил в НКПС расчеты строительства новых железных дорог на севере Европейской России. Наиболее оптимальными он считал путь Мариинск–Томск–Чердынь–Б. Индига или Оренбург–Б. Индига (Пермь–Чердынь–Ухта–Б. Индига). Этот вариант отличался удобством устройства порта в устье Индиги. Длина бухты здесь достигала 30 верст, глубина 17 м. По наблюдениям местных жителей, бухта замерзала всего на полтора месяца. Средняя температура января составляла -14° (как на юге Исландии). Важно, что в январе здесь дули ветры в сторону Новой Земли и водное пространство не затиралось льдами. Поварнин обратил внимание на наличие в скалистом берегу фиордов длиной 3–5 верст, правда, с глубинами ниже 8,5 м. Расстояние от Оренбурга до Б. Индиги составляло 1800 верст²⁵.

Гражданская война задержала отправку экспедиций на два года. Первая из них отплыла на парусной шхуне «Александр» 7 августа 1920 г. Экспедиция доказала, что Индига удобна для устройства большого глубокого порта вследствие защищенности от ветров, обширности портовой территории и доступности со стороны океана в летнее время. Для изучения зимнего режима Индигской губы и устья, зимой 1921/22 г. были совершены новые экспедиции на ледоколах «Соловей Будимирович» и «Скуратов». Руководили работами инженер путей сообщения Г.Я. Наливайко и инженер-строитель Т.П. Марютин. Несмотря на то что эти рейсы по метеорологическим условиям оказались неудачными, обе экспе-

²⁵ Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 3. Д. 32. Л. 135–139 об.

диции окончательно установили целесообразность строительства в устье Индиги торгового порта – конечного узла железнодорожной магистрали из Сибири²⁶.

Заключение

Все эти проекты были в разное время отклонены министерскими чиновниками и парламентариями по разным причинам, преимущественно – финансовым.

В то же время вся наша история свидетельствует, что решение строить ту или иную дорогу на окраинах Российской империи – в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии – всегда было геополитическим, не рассчитанным на быструю отдачу вложенных средств. Например, Александр III принял решение о начале строительства Транссибирской магистрали исходя, из долгосрочных стратегических интересов России, вопреки предостережениям отечественных финансистов, подчас экономически обоснованным. Понимая всю тяжесть ответственности при решении вопроса о выделении огромных средств на сооружение Амурской железной дороги после разорительной войны с Японией и революционного лихолетья, глава российского правительства П.А. Столыпин утверждал, что это будет контрибуцией, которую русский народ выплатит своей же родине. Алгоритм в развитии транспортной инфраструктуры всегда один. Сначала государство строит дорогу, потом на ее основе происходит экономическое развитие края. И только затем, иногда через много лет, государство сможет вернуть затраченные средства от коммерческой эксплуатации этой дороги. Затраты на сооружение автомобильных дорог, морских и речных судов и портов, железных дорог и аэродромов диктуются также вопросами повышения обороноспособности страны, усиливающейся глобальной конкуренцией мировых держав за потоки грузов и пассажиров, практической реализацией возможностей социальной мобильности населения.

Окончание Гражданской войны и восстановление контроля за черноморскими и балтийскими портами отодвинули решение вопроса о сооружении новых дорог на Севере России.

²⁶ Предварительный отчет о портовых изысканиях в устьях рек Индиги и Пешы Северного Ледовитого океана, произведенные в 1920–1922 гг. // ВСНХ. Главное управление государственного строительства: Труды отдела водного строительства. Материалы по портостроению. Пг.: ВСНХ, 1922.

Распад СССР и утрата Россией большинства удобных портов на Балтийском и Черном морях вновь поставили в повестку дня вопрос о сооружении крупных магистралей к портам прибрежных российских морей Северного Ледовитого океана.

Литература

1. *Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России: Историко-географическое исследование. Казань: Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог, 1910. 464 с.
2. *Голубев А.А.* Магистраль к океану. К 100-летию железнодорожного транспорта Карелии. СПб.: Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, 2015. 82 с.
3. *Фролов А.Н.* Экономические перспективы района Печора – Беломорской железной дороги. Пг.: Народный комиссариат путей сообщения, 1920. 55 с.

References

1. Zagoskin NP. Russian waterways and marine works in pre-Peter Russia. Historico-geographical research. Kazan: Department of Domestic Water and Motorways Publ.; 1910. 464 p. [In Russ.]
2. Golubev AA. Arterial road to the ocean. To 100th centenary of the railroad transport of Karelia. Sankt-Petersburg: Petersburg State Railway University of Emperor Alexander I Publ.; 2015. P. 82 [In Russ.]
3. Frolov AN. Economical outlooks of Pechora–Belomor railroad. Petrograd: People's Commissariat of Railways Publ.; 1920. P. 55 [In Russ.]

Информация об авторе

Александр С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; as_senin@mail.ru

Information about the author

Aleksandr S. Senin, Dr. of Sci. (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6; Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; as_senin@mail.ru

УДК 327(47+53)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-61-75

Роль России на Ближнем Востоке и интенсификация ее отношений с арабскими монархиями Залива

Григорий Г. Косач, Елена С. Мелкумян

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, g.kosach@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются новые тенденции в политике России в регионе Ближнего Востока после того, как она стала активной участницей сирийского конфликта. Это обстоятельство воздействовало на рост интереса со стороны арабских государств, которые стали проявлять стремление к расширению с ней контактов. Монархии Персидского залива занимают центральное положение в арабском мире благодаря обладанию значительными ресурсами гидрокарбонатов и политической стабильности. В статье рассматриваются отношения России с этой группой государств в постсоветский период. Дается характеристика развития этих связей, которое зависело от внутривнутриполитических событий, происходивших в этот период в России, а также изменений в региональной ситуации.

Авторы статьи анализируют как политические, так и экономические связи, развивающиеся между Россией и арабскими монархиями Залива. Они обращают внимание на некоторые сферы взаимного сотрудничества, которые основываются на совпадении интересов обеих сторон. Это, прежде всего, нефтегазовая сфера, которая стала одной из успешно решенных проблем благодаря взаимным усилиям сторон.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, арабские монархии, Персидский залив, экономика, политика, военное сотрудничество

Для цитирования: Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Роль России на Ближнем Востоке и интенсификация ее отношений с арабскими монархиями Залива // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 61–75. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-61-75

Russian role in the Middle East and intensification of its relations with the Gulf Arab monarchies

Grigory G. Kosach, Elena S. Melkumyan

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
g.kosach@mail.ru*

Abstract. The article is analyzing new tendencies in the policy of Russia in the region of Middle East after the beginning of its active participation in Syrian conflict. This fact encouraged increasing interest of Arab state, which attempted to intensify contacts with it. The Gulf Monarchies occupies a central position in Arab world, due to their huge reserves of hydro carbonates and political stability. The article describes the relationship between Russia and this group of states in the post Soviet period. The article is characterizing the development of these ties, which were connected with the circumstances occurred in this period inside Russia and changes in regional situation.

The authors are analyzing political as well as economical relations, which were developing between Russia and Arab Monarchies of the Gulf. They concentrated on some spheres of cooperation, which were based on mutual interests. This is first the oil and gas field, which became one of the central problems, which was successfully reserved, due to common efforts of both sides.

Keywords: Russia, the Middle East, Arab Monarchies, The Persian Gulf, economy, policy, military cooperation

For citation: Kosach GG., Melkumian ES. Russian role in the Middle East and intensification of its relations with the Gulf Arab monarchies // *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019; 2:61-75. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-61-75

Введение

Россия возвращается на Ближний Восток и стремится упрочить свои связи с арабскими странами. Так утверждают работы последнего времени, подготовленные как отечественными, так и западными специалистами. Их аргументация опирается, главным образом, на участие России в сирийском конфликте. Успешные действия российских военных, оказавших помощь правительственным войскам в обеспечении их контроля над большей частью территории страны, демонстрация российских военных возможностей и вклад в борьбу с Исламским государством (ИГ), несомненно, стали весомыми доказательствами новой ближневосточной политики России. Россия продемонстрировала свою роль как одного из ведущих мировых игроков, сопоставимого с другими мировыми лидерами. По

словам американского эксперта Джона Паркера, «успех Москвы в проведении собственного курса в противовес Вашингтону вызвал уважение со стороны лидеров стран Ближнего Востока даже в таких странах, как Саудовская Аравия» [1].

Российскую политику отличает включенность с разной степенью прямого участия в разрешение всех сложных конфликтных ситуаций Ближнего Востока. Как отмечали авторы аналитического доклада, представленного в феврале 2018 г. на Ближневосточной конференции международного дискуссионного клуба «Валдай» в Москве, «России удастся сохранить окно возможностей. Этому способствуют ее рабочие отношения с различными участниками международных отношений» [2].

О позитивных сдвигах в положении России на Ближнем Востоке в последние годы писали и другие российские и зарубежные исследователи. Основная часть работ, посвященных политике России в этом регионе, анализирует те изменения, которые произошли после обострения региональной ситуации, связанного с гражданскими войнами в Сирии, Ливии, Йемене, интенсификации деятельности экстремистских террористических организаций. Среди этих работ монография В.М. Ахмедова [3], статья Алексея Хлебникова¹ и многие другие. В то же время исследований, посвященных эволюции отношений России с отдельными государствами Ближнего Востока, недостаточно.

В статье рассматриваются изменения, происшедшие под влиянием усиления присутствия России в ближневосточном регионе в ее отношениях с арабскими монархическими государствами Персидского залива, занимающими в настоящее время ведущие позиции на Ближнем Востоке. Смогла ли Россия добиться прорыва на этом направлении и каковы ее дальнейшие перспективы?

Россия: приоритеты ближневосточной политики

Определяя «стратегические национальные приоритеты внешнеполитической деятельности государства», действующая ныне и утвержденная в ноябре 2016 г. президентом В.В. Путиным Концепция внешней политики Российской Федерации выделяла,

¹Khlebnikov A. Policy of Russia in the Middle East in 2018: Scenarios, Risks, Possibilities. Eurasia. Expert. 10 January 2018 [in Russian]. Available at: <http://eurasia.expert/politika-rossii-na-blizhnem-vostoke-v-2018-godu-stsenarii-riski-vozmozhnosti> (accessed 11 January 2018).

в первую очередь, важность «упрочения позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира»². Эта постановка вопроса естественна для страны, стремящейся к восстановлению своего статуса великой державы, – по словам ее президента, «граница России нигде не заканчивается», делая обязательным ее присутствие во всех регионах мира³. Это присутствие – один из инструментов обеспечения «национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности», укрепления «позиций России в системе мирохозяйственных связей»⁴.

Ближний Восток – регион, имеющий длительную историю контактов с Россией. Эти контакты модифицировались в зависимости от изменения ее видения самой себя – православная империя, считавшая местных единоверцев основой своего регионального присутствия, советская держава, стремившаяся взаимодействовать с государствами ближневосточного региона не только с опорой на коммунистов, но и левых националистов, квалифицировавшихся в советской столице как «силы прогресса». Лишь накануне крушения Советского Союза эти контакты обрели черты прагматизма. Показателем этого процесса стало установление (либо восстановление) отношений с «консервативными» монархическими государствами Залива.

Этому способствовал Кувейт, единственная страна региона Залива, имевшая начиная с 1963 г. дипломатические связи с Москвой. Благодаря его усилиям в 1985 г. Оман установил дипломатические отношения с СССР, в 1986 г. произошел обмен дипломатическими представительствами между СССР и ОАЭ, а в 1988 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Катаром. В сентябре 1990 г. были восстановлены отношения с Саудовской Аравией и установлены с Бахрейном.

Выстраивая приоритеты российского внешнеполитического курса, Концепция внешней политики Российской Федерации

²Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016). Available at: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (accessed 20 February 2019).

³Путин рассказал об отсутствии границ у России. 24 ноября 2016 г. [Электронный ресурс]: <https://lenta.ru/news/2016/11/24/border> (дата обращения 17 февраля 2019).

⁴Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016). Available at: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (accessed 20 February 2019).

располагала их в иерархическом порядке: Ближний Восток следовал за Европейским союзом, США, Азиатско-Тихоокеанским регионом и ведущими азиатскими державами⁵. В сентябре 2015 г. эта иерархичность была нарушена, – мотив геополитики, определивший стремление восстановить статус России как глобальной державы, выдвинул Ближний Восток в центр внешнеполитической активности Москвы. Фактор же, обеспечивший эту коррекцию, – перманентная нестабильность этого региона, проявлением которой стала ситуация в Сирии.

Время, прошедшее с эпохи кризиса вокруг Кувейта в 1990–1991 гг., сузило российские возможности. Начавшаяся в конце сентября 2015 г. военная операция в Сирии, задачи которой российский президент квалифицировал как содействие «стабилизации легитимной власти» и нанесение «решающего удара по международному терроризму»⁶, происходила в условиях ухудшения положения России на международной арене из-за введенных Западом санкций. На Ближнем Востоке Россия должна была конкурировать с присутствовавшими там США и усилившимися региональными акторами, находя место в системе уже существующих отношений, балансируя между региональными державами и поддерживая с ними диалог, не всегда основанный на совпадении позиций. По выражению главы внешнеполитического ведомства Сергея Лаврова, речь шла о стремлении заявить о себе как об «ответственном» и «самостоятельном» партнере⁷.

Формально этот курс был успешен. Действуя вместе с Ираном (и опираясь на возможности Хизбаллы), Москва смогла сохранить режим Башара Асада. Инициировав процесс в Астане, Россия добилась уступок со стороны Саудовской Аравии, признавшей его в качестве дополнения к сирийско-сирийским переговорам в жевневском формате. Взаимодействие с Ираном, ставшим российским стратегическим партнером, не помешало Москве сохранить взаи-

⁵Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016). Available at: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkVB6BZ29/content/id/2542248 (accessed 20 February 2019).

⁶Встреча с военнослужащими Северного флота [Электронный ресурс]: <http://kremlin.ru/events/president/news/53940> (дата обращения 25 февраля 2017).

⁷Speech and replies on the questions of Lavrov, the Minister of Foreign Affairs of Russia in Forum in memory of Evgeny Primakov. Moscow, 30 June 2017 [in Russian]. Available at: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2804842 (accessed 1 July 2017).

мопонимание с Израилем. Преодоление последствий инцидента с российским самолетом позволило включить Анкару в Астанинский процесс, как и смягчить турецкое неприятие официального Дамаска. Россия сохранила контакты с негосударственными игроками: ХАМАС, Хизбалла и сирийские курды – партнеры Москвы вне зависимости от того, как к этому относятся в Тель-Авиве, Эр-Рияде и Анкаре. Тем не менее Россия далека от того, чтобы воздействовать (за пределами Сирии) на процесс эволюции ближневосточной ситуации и решение конфликтных ситуаций.

Ее подход к палестино-израильскому противоборству остается сконцентрированным на «равноудаленности» от выдвигаемых этими сторонами аргументов, как и далек от окончательного признания «арабской мирной инициативы» в качестве безусловного элемента международно-правовой базы урегулирования. Присутствуя в регионе и развивая контакты с участниками иных региональных конфликтов (Ливия и Йемен), Россия не выглядит активным участником процесса их урегулирования, оставаясь нейтральной стороной и в решении вновь возникающих региональных кризисов. Это было продемонстрировано в период возникновения Катарского кризиса в июне 2017 г., когда четыре арабские страны – Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ и Египет разорвали дипломатические отношения с Катаром и ввели против него блокаду. Состоявшиеся 26 марта 2018 г. в Москве переговоры Путина и эмира Катара Тамима бен Хамада Аль Тани не стали поводом для изменения нейтральной позиции России.

Россия и арабские страны Персидского залива: политический уровень отношений

Необходимость обеспечения региональной безопасности определяла ориентацию арабских монархических государств на союз с США и Европой, что не мешало этим государствам налаживать сотрудничество с Россией. Действия в этом направлении были затруднены возникавшими осложнениями в отношениях между отдельными государствами и Россией. Речь шла, в частности, о Катаре, где в феврале 2004 г. российские специальные службы ликвидировали одного из лидеров чеченских сепаратистов, Зелимхана Яндарбиева. В ноябре 2011 г. в международном аэропорту катарской столицы произошел инцидент с российским послом Владимиром Титоренко, ставший поводом для одностороннего понижения Россией уровня дипломатических отношений. Новый посол России в Катаре был назначен только в 2013 г.

В 2007 г. состоялся официальный визит президента России в Саудовскую Аравию и ОАЭ, что стало стимулом для налаживания отношений между Россией и региональной организацией – Советом сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), объединяющей все шесть арабских монархий Залива. После длительных консультаций в ноябре 2011 г. стороны подписали меморандум о взаимопонимании, создавший механизм для проведения постоянных консультаций между государствами Совета и Россией – Стратегический диалог Россия – ССАГЗ.

Заседания Стратегического диалога состоялись в 2014 и 2016 гг. В Совместном заключительном заявлении заседания, проходившего в мае 2016 г. в Москве, было отмечено, что «обе стороны имеют общие намерения укреплять и развивать дружбу и сотрудничество в рамках стратегического диалога между Россией и ССАГЗ». Было выражено общее согласие продолжить работу в этом формате для дальнейшей координации и сближения точек зрения по международным и региональным проблемам, а также расширять практическое сотрудничество в бизнес-сфере и в гуманитарных вопросах. Во время этой встречи были названы сферы возможного взаимодействия – борьба с терроризмом и контроль над использованием ядерной энергии. Стороны призвали к превращению региона Ближнего Востока в зону, свободную от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения⁸.

Визит в Москву в октябре 2013 г. министра иностранных дел Кувейта Сабаха Аль-Халеда Ас-Сабаха подтвердил готовность сторон к укреплению сотрудничества, включая политический диалог, социально-экономическое сотрудничество, инвестиционное взаимодействие. Была достигнута договоренность об ускоренном возобновлении работы Совместной Российско-Кувейтской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Было отмечено совпадение или близость подходов к проблемам Ближнего Востока и Северной Африки. Переговоры проходили в период, когда обе стороны поддерживали процесс реализации решения Организации по запрещению химического оружия и Совета Безопасности ООН о контроле химического оружия в Сирии и его последующего уничтожения. Обе стороны были заинтересованы в скорейшем разрешении си-

⁸Joint Statement of the Fourth Round of the Ministerial Strategic Dialogue between Russian Federation and the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC), Moscow, May 26, 2016 Available at: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNo (accessed 17 February 2019).

рийского конфликта и поддерживали созыв международной конференции по сирийскому урегулированию⁹.

В октябре 2014 г. состоялась встреча президента Путина и короля Бахрейна Хамада бен Исы Аль Халифа, посетившего Россию с рабочим визитом. Комментируя итоги этой встречи, российский президент ограничился заявлением о том, что две страны связаны «регулярными и прочными контактами»¹⁰. В августе 2015 г. король Бахрейна заявил о желании его страны укрепить военное сотрудничество с Россией¹¹, имея в виду в первую очередь потенциальное воздействие России на региональный курс Ирана.

Контакты арабских государств Залива с Россией были интенсифицированы после начала российской военной операции в Сирии в сентябре 2015 г. Руководители этих государств пытались добиться от нее уступок, прежде всего отказа от идеи сохранения Башара Асада. В 2015 г. и в первой половине 2016 г. Россию посетили главы Кувейта, Катара и Бахрейна. Основной темой двусторонних переговоров были вопросы, связанные с сирийским урегулированием. Несмотря на все усилия государств Залива, сблизить их позиции и позиции России по сирийскому вопросу не удалось. Однако контакты между ними продолжались.

Российско-саудовские отношения: конфликтность и компромиссы

Важнейшим фактором, определявшим развитие отношений между всеми монархическими государствами Залива и Россией, выступала конфликтность в сфере российско-саудовских контактов. Если после восстановления двусторонних отношений в 1990 г. преобладала линия на позитивное сотрудничество, то начавшиеся

⁹Q&A Session with Journalists of Minister of Foreign Affairs of Russia Sergei Lavrov in the joint press-conference after the negotiations with Minister of Foreign Affairs of the State of Kuwait Sabah Al Khalid Al Sabah, Moscow, 11 October 2013. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/maps/kw/-/asset_publisher/OZgDUWEplR7o/content/id/92714 (accessed 17 February 2019).

¹⁰Встреча с королем Бахрейна Хамадом Бен Исой Аль Халифой [Электронный ресурс]: <http://kremlin.ru/events/president/news/46774> (дата обращения 14 января 2019).

¹¹Bahrain reinforces ties with Russia – Gulf News, August 7, 2015. Available at: <https://gulfnews.com/world/gulf/bahrain/bahrain-reinforces-ties-with-russia-1.1447458> (accessed 8 August 2015).

в декабре 1994 г. военные действия в Чечне привели к первому кризису в двусторонних связях.

В 2000 г. российско-саудовские отношения претерпели изменения, вновь связанные с Чечней, – Москва нуждалась в более тесных контактах с Эр-Риядом, чтобы положить конец внешним связям чеченских сепаратистов. Исключение «чеченского вопроса» из сферы российско-саудовских отношений определило их выход из состояния стагнации, предопределенный состоявшимся в начале сентября 2003 г. официальным визитом в Москву будущего короля Абдаллы бен Абдель Азиза. Принимая фактического руководителя саудовского государства, российское руководство стремилось стабилизировать регион Северного Кавказа и исключить воздействие религиозного радикализма на общероссийскую ситуацию. Итогом его поездки в Москву стало создание «российско-саудовской рабочей группы по вопросам борьбы с терроризмом», а также заявление Абдаллы бен Абдель Азиза о том, что «чеченский вопрос – внутреннее дело России»¹². Этот визит содействовал и получению поддержки саудовской стороны вступлению России в качестве страны-наблюдателя в Организацию исламского сотрудничества. В феврале 2007 г. Путин посетил с официальным визитом Эр-Рияд.

Начавшееся сближение не стало устойчивой тенденцией. «Арабская весна» радикально изменила официальную и общественную риторику, как и политику в отношении Саудовской Аравии. В конце апреля 2012 г., давая общую оценку развитию событий в арабском мире, президент Дмитрий Медведев заметил: «“Арабская весна” закончится холодной “арабской осенью”» в силу того, что “к власти в ряде стран рвутся радикалы”¹³. Вернувшийся в 2012 г. на пост президента Путин квалифицировал новую ближневосточную ситуацию в терминах «регресс» и «варварство»¹⁴.

Российское и саудовское видения ближневосточной ситуации расходились. Если в Москве считали необходимым включить Асада в сирийский политический процесс, то в Эр-Рияде заявляли о «нелегитимности» сирийского президента. Если Россия настаивала в ходе переговоров по иранской ядерной программе на «неотъемлемых правах» Ирана на развитие мирной ядерной энергетики, то в Саудовской Аравии видели в Тегеране «стратегического противника». Москва не комментировала иранскую поддержку сирийского режима, как и не возражала против участия Хизбаллы во внутрисирийском конфликте. Эти обстоятельства заставляли саудовское руководство видеть в позиции России основную причину «сирийской катастрофы»¹⁵.

В начале лета 2015 г. российско-саудовские отношения вступили в эпоху преодоления кризисного состояния (Эр-Рияд не

поддержал введение антироссийских санкций после присоединения Крыма весной 2014 г.). Это доказывал визит (в то время) заместителя наследника саудовского престола принца Мухаммеда бен Сальмана в Санкт-Петербург, где состоялась его встреча с российским президентом. Подтверждением движения российской стороны к возобновлению контактов с Саудовской Аравией стала реанимация деятельности Российско-Саудовского Делового совета. В мае же 2015 г. Джидду посетил специальный представитель российского президента по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель главы внешнеполитического ведомства Михаил Богданов, который был принят королем Сальманом бен Абдель Азизом и министром иностранных дел Адилем Аль-Джубейром. В ходе встречи была подчеркнута «консолидация подходов Москвы и Эр-Рияда» по противодействию ИГИЛ¹⁶. В Москве осудили произошедший 22 мая 2015 г. взрыв в шиитской мечети в Эль-Катифе и заявили о «поддержке Саудовской Аравии по бескомпромиссному отпору террористам»¹⁷.

Создавалось впечатление, что после визита принца Мухаммеда бен Сальмана обе стороны оставили в стороне разногласия по вопросам ближневосточной ситуации, сосредоточив внимание на достижениях соглашений о сотрудничестве в сфере мирного использования ядерной энергии, космоса, строительства, военно-технического взаимодействия, энергетики и инвестиций. Однако эти соглашения остались декларациями о намерениях, – разногласия

¹² Принц Абдулла заявил, что вопрос Чечни – внутреннее дело России [Электронный ресурс]: <http://izvestia.ru/news/280837> (дата обращения 15 февраля 2019).

¹³ Интервью российским телеканалам [Электронный ресурс]: <http://www.kremlin.ru/news/15149> (дата обращения 17 февраля 2019).

¹⁴ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения 13 декабря 2013).

¹⁵ “Al Feisal replies to Putin” you are a part of Syrian problem, 23 March 2015 [in Arabic] Available at: <http://www.alriyadh.com/1034447> (accessed 02 February 2019).

¹⁶ About the working visit of Special envoy of Russian President in the Middle East and the countries of Africa, Vice-Minister of Foreign Affairs Bogdanov to Saudi Arabia. 27 May 2015. Available at: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/sps/EA78427E654A0B6E43257E520046A51B (accessed 28 May 2015).

¹⁷ Statement of Official Representative of the Ministry of Foreign Affairs of Russia Lukashkevitch about the terrorist act in Saudi Arabia, 23 May 2015. Available at: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNIr/content/id/1305806 (accessed 25 May 2015).

между Москвой и Эр-Риядом в связи с ситуацией в Сирии и ролью Ирана в регионе оказались непреодолимыми. Саудовская сторона заявила о неприемлемости предложенной В. Путиным региональной антитеррористической коалиции, включающей Тегеран и сирийский режим.

11 октября 2015 г. после начала действий российских военно-космических сил на сирийской территории состоялся второй визит принца Мухаммеда бен Сальмана в Россию. Его встреча с российским президентом в Сочи не стала серьезным прорывом в сфере российско-саудовских политических отношений.

В начале октября 2017 г. состоялся официальный визит короля Сальмана бен Абдель Азиза в Москву. В заявлении для прессы Лавров и Аль-Джубейр отметили, что двусторонние отношения достигли «исторического момента, обрели институциональный характер, в их развитии участвуют все государственные институты и структуры»¹⁸. Визит не ликвидировал различия в подходах к региональным проблемам, что было выражено саудовским монархом в ходе его встреч с президентом Путиным и премьер-министром Медведевым. Тем не менее обе стороны проявили готовность к развитию более глубоких контактов в сферах, далеких от политической ситуации в регионе. Заняв взвешенную позицию в отношении «дела Джамала Хашогги» (доказанную теплой встречей Путина и Мухаммеда бен Сальмана на саммите «Группы 20» в Буэнос-Айресе), а также проявив тенденцию к компромиссам в отношениях с ОПЕК, Россия стремилась сохранить понимание с Эр-Риядом по поводу основных проблем мирового развития.

Россия и арабские монархии Залива: экономический аспект взаимодействия

Российское торгово-экономическое взаимодействие с арабскими государствами Залива незначительно. Общий объем российско-оманской торговли в конце 2018 г. оценивался в сумму

¹⁸ Заявления для прессы министров иностранных дел России и Саудовской Аравии по итогам переговоров на высшем уровне [Электронный ресурс]: <http://kremlin.ru/supplement/5237> (дата обращения 6 октября 2017).

¹⁹ Владимир Дергачёв: «Иначе завтра снова будем говорить об очередном потерянном рынке...» [Электронный ресурс]: http://www.stoletie.ru/geopolitika/vladimir_dergachov_inache_zavtra_snova_budem_govorit_ob_ocherednom_poterannom_rynke_452.htm (дата обращения 17 февраля 2019).

менее \$90 млн¹⁹, российско-катарской в начале 2018 г. – \$73,3 млн²⁰, российско-бахрейнской в 2016 г. – \$61,3 млн²¹ и российско-эмиратской в 2017 г. – \$1,6 млрд²². Незначительны и торгово-экономические связи России с Кувейтом – в 2015 г. объем российского экспорта в эту страну составил \$45,1 млн, а импорта – \$3,8 млн²³. В сфере этих связей отсутствуют значимые российские инвестиции в местную экономику.

На этом фоне исключение представляют ОАЭ, где зарегистрировано более 40 представительств российских компаний, специализирующихся на нефте- и газодобыче, а также атомной энергетике – ЛУКОЙЛ, Росатом, Газпромэкспорт, Газпромнефть, Роснефтегазстрой. Развивая военно-техническое сотрудничество с ОАЭ, Россия является участником международной выставки военной техники IDEX в Абу-Даби, а также международной выставки Dubai Airshow. Значимое направление российско-эмиратского сотрудничества – ставший безвизовым туризм, – в 2017 г. ОАЭ посетили более 500 тыс. граждан России²⁴.

Встречаясь в феврале 2007 г. в Эр-Рияде с представителями деловых кругов, Путин отметил, что торгово-экономические отношения двух стран характеризуются «очень небольшими цифрами»²⁵. По данным российской статистики, в 2016 г. объем товарооборота между Россией и Саудовской Аравией составил \$491,7 млн (на 46,9% меньше, чем в 2015 г.). Российский экспорт сократился на 54,4% – с \$770,7 млн в 2015 г. до 350,9 млн в 2016 г. Объем импорта из Саудовской Аравии уменьшился на 9,3% – с \$155,4 млн в 2015 г. до 140,7 млн в 2016 г. Доля Саудовской Аравии во внешнеторговом обороте России в 2016 г. составила 0,105% против 0,176% в 2015 г. (75-е место). В экспорте России Саудовская Аравия занимает 70-е место (0,12% в 2016 г.), в импорте России – 75-е место (0,077% в 2016 г.)²⁶.

²⁰ Межгосударственные отношения России и Катара [Электронный ресурс]: <https://ria.ru/20180326/1517149575.html> (дата обращения 27 марта 2018).

²¹ Russia and Bahrain Relations, 8 February 2016 [in Russian]. Available at: <https://tass.ru/info/2648305> (accessed 10 February 2016).

²² Отношения России и Бахрейна. Досье [Электронный ресурс]: <https://ria.ru/20160324/1395685099.html> (дата обращения 17 февраля 2019).

²³ Отношения России и Кувейта [Электронный ресурс]: <https://tass.ru/info/2418963> (дата обращения 17 февраля 2019).

²⁴ Выступление на встрече с представителями деловых кругов Саудовской Аравии [Электронный ресурс]: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24037> (дата обращения 14 февраля 2007).

²⁵ Там же.

Итоги состоявшегося в Эр-Рияде в октябре 2018 г. форума Future Investment Initiative вселяли оптимизм. Как заявил глава Российского фонда прямых инвестиций Кирилл Дмитриев, «российские компании из нефтехимической отрасли» готовы вложить «миллиарды и десятки миллиардов долларов инвестиций в Саудовскую Аравию»²⁷. В октябре 2018 г. саудовский министр энергетики Халед аль-Фалех заявил о возможности инвестирования в проект производства сжиженного газа «Арктик СПГ-2»²⁸. В конце 2018 г. объем саудовских капиталовложений в российскую экономику составил более \$2 млрд. Российское бизнес-сообщество подчеркивало, что сотрудничество с Эр-Риядом «позволяет компенсировать санкции США в отношении энергетического сектора России», используя «американо-саудовский кризис из-за убийства Джамали Хашогги»²⁹.

С 2000 г. российские ракетоносители вывели на орбиту 14 саудовских спутников связи и дистанционного зондирования Земли. Роскосмос и саудовский Центр науки и техники занимаются подготовкой соглашений об исследовании космического пространства, хотя деятельность в этом направлении успешно оспаривается китайской стороной. На саудовском рынке присутствуют российские компании – ЛУКОЙЛ (в июне 2016 г. эта компания объявила о возможности ухода с саудовского рынка) и Стройтрансгаз.

Обладая опытом военно-технического сотрудничества с Кувейтом (в начале 2000-х годов) и ОАЭ, Москва стремилась распространить его на Саудовскую Аравию. На полях международной

²⁶ Отношения России и Саудовской Аравии. 4 октября 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/2475421> (дата обращения 5 октября 2019).

²⁷ Миллиардные инвестиции Саудовской Аравии в СПГ играют на руку России, 30 октября 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://rueconomics.ru/358431-milliardnye-investicii-saudovskoi-aravii-v-spg-igrayut-na-ruku-rossii> (дата обращения 2 ноября 2018).

²⁸ Саудовская Аравия может увеличить свои инвестиции в России, 1 декабря 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3818782> (дата обращения 1 декабря 2018).

²⁹ Миллиардные инвестиции Саудовской Аравии в СПГ играют на руку России, 30 октября 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://rueconomics.ru/358431-milliardnye-investicii-saudovskoi-aravii-v-spg-igrayut-na-ruku-rossii> (дата обращения 2 ноября 2018).

выставки вооружений и военной техники IDEX в Абу-Даби Россия подписала несколько крупных сделок по поставкам вооружения. ОАЭ заключили с Россией контракт на покупку противотанковых комплексов «Корнет-Э» и зенитных комплексов «Панцирь» почти на \$52 млн. Саудовская Аравия начала закупать в России автоматы Калашникова и рассматривает возможность создания на своей территории их лицензионного производства³⁰.

Важным показателем значимости российско-саудовского сотрудничества стало достижение в конце 2016 г. соглашения ОПЕК+, продленного в декабре 2018 г. при согласии России сократить уровень нефтедобычи. Российский министр энергетики Александр Новак, комментируя точки зрения обеих сторон в отношении рынка нефти, заявил: «У нас могут быть разные мнения, но мы приходим к консенсусу»³¹.

Заключение

Отношения между Россией и государствами зоны Персидского залива не опирались на тесные связи, заложенные в советский период. Напротив, СССР рассматривал эти государства в качестве безусловных союзников США и не стремился поддерживать с ними устойчивые связи.

Попытки российского руководства, предпринятые в 1990-е годы, интенсифицировать отношения с монархиями Залива не были успешными. Негативное влияние на их развитие оказала война в Чечне. В 2000-е гг. начался новый этап развития связей между ними. Однако и в этот период они не были равными: подъемы сменялись упадком в силу расхождений по сирийскому конфликту. Тем не менее политические контакты продолжались, так как обе стороны были обеспокоены ростом террористической угрозы. Экономические и военно-технические связи между Россией и монархиями Залива расширяются, хотя пока и не достигли высокого уровня.

³⁰ «Калашниковы» – в Саудовскую Аравию, «Панцири» – в ОАЭ: Россия заключила ряд крупных военных контрактов. 17 февраля 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2019/02/17/049> (дата обращения 17 февраля 2019).

³¹ «Трудно забегать вперед, даже на несколько месяцев». 25 декабря 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3842277> (дата обращения 26 декабря 2018).

Литература

1. *Parker J.W.* Understanding Putin through a Middle Eastern Looking Glass. Institute for National Strategic Studies. Strategic Perspectives, N 19. National Defense University Press. Wash. 2015. P. 1. 38 p.
2. *Звягельская И.Д., Кузнецов В.А., Наумкин В.В.* «Россия на Ближнем Востоке: игра на всех полях». Валдай, Международный дискуссионный клуб. М., 2018. С. 8.
3. *Ахмедов В.М.* Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. 193 с.

References

1. *Parker J.W.* Understanding Putin through a Middle Eastern Looking Glass. Institute for National Strategic Studies. Strategic Perspectives, N 19. National Defense University Press. Wash. 2015. P. 1. 38 p.
2. *Zviagelskaia . D., Kuznetsov V. A., Naumkin V.V.* "Russia in the Middle East: the game on all fields" Moscow, 2018. 8 p. [In Russ.]
3. *Akhmedov V.M.* Syrian uprising. History. Policy. Ideology. Moscow: Institute of Oriental studies of Russian Academy of Science Publ.; 2018. 193 p. [In Russ.]

Информация об авторах

Григорий Г. Косач, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; g.kosach@mail.ru

Елена С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12; g.kosach@mail.ru

Information about the authors

Grigory G. Kosach, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; g.kosach@mail.ru

Elena S. Melkumyan, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; the leading researcher, the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; bld. 12, Rojdestvenka st., Moscow, 107031, Russia; g.kosach@mail.ru

**«Сообщество единой судьбы»:
эволюция внешнеполитической концепции Китая
(конец 1990-х гг. – наст. вр.)**

Наталья Б. Помозова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, promozova@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа эволюции внешнеполитической концепции Китая с конца 90-х гг. по настоящее время.

Во второй половине 90-х гг. международная политика Китая вступила в активную фазу. Традиционно отдавая приоритет внутренней политике по отношению к внешней, руководство Китая столкнулось с очевидным дисбалансом растущей военно-экономической мощи КНР и положения страны на международной арене.

Вопреки расхожему мнению о том, что у Китая нет долгосрочной внешнеполитической стратегии, автор полагает, что она существует, но не носит открытого характера.

На основе анализа таких официальных источников, как Конституция КНР, доклады Генеральных секретарей на съездах Коммунистической партии Китая, «белые книги», автор предпринимает попытку рассмотреть эволюцию концепции международной политики КНР и проследить ее преемственность в указанный временной период.

Автор выдвигает гипотезу о том, что концепции «мирного возвышения» и «мирного развития» Китая подготовили почву для выдвижения руководством КНР беспрецедентно амбициозной доктрины «сообщества единой судьбы человечества». Данная доктрина, предполагающая значительные обязательства со стороны Китая как гаранта стабильности в мире, бросает вызов действующему «западному» мировому порядку, смещая центры силы на международной арене.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, концепция новой безопасности, мирное развитие Китая, сообщество единой судьбы, внешнеполитическая доктрина, Генеральные секретари Компартии Китая

Для цитирования: Помозова Н.Б. «Сообщество единой судьбы»: эволюция внешнеполитической концепции Китая (конец 1990-х гг. – наст. вр.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 76–88. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-76-88

“Community of common destiny”:
the evolution of the foreign policy concept of China
(the late 1990s – present time)

Natalia B. Pomozova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
npomozova@mail.ru*

Abstract. The article seeks to analyze the evolution of China’s foreign policy concept since the late 1990s to present.

In the second half of the 90s. China’s international policy has entered an active phase. Traditionally giving priority to domestic policy in relation to foreign one, the Chinese leadership has faced an obvious imbalance in the growing military and economic power of the PRC and the country’s position in the international arena.

Contrary to popular belief that China does not have a long-term foreign policy strategy, the author believes that it exists, but has a hidden character.

Based on an analysis of official sources such as the Constitution of the PRC, reports of the General Secretaries at congresses of the Chinese Communist Party, “white papers”, the author attempts to examine the evolution of the concept of international politics of the PRC and to trace its continuity in the specified time period.

The author hypothesizes that the concepts of “peaceful rise” and “peaceful development” of China prepared the ground for the leadership of the People’s Republic of China to put forward an unprecedentedly ambitious doctrine of the “community of common destiny for humanity”. This doctrine, which implies significant obligations on China as a guarantor of stability in the world, challenges the current “Western” world order, shifting the centers of power in the international arena.

Keywords: China, foreign policy, Communist Party of China, new security concept, China’s peaceful development, community of common destiny, foreign policy doctrine, General Secretaries of Communist Party of China

For citation: Pomozova NB. “Community of common destiny”: the evolution of the foreign policy concept of China (the late 1990s – present time) // *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019; 2:76-88. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-76-88

Введение

Продолжая еще советские традиции среднесрочного планирования, современный Китай уверенно «живет пятилетками». Учитывая его успехи в развитии практически по всем направлениям,

сегодня мир внимательно следит за съездами КПК, анализируя, в частности, содержание основных докладов Генеральных секретарей партии как основополагающих документов для жизни и деятельности этой огромной страны. В докладах представлены результаты проделанной за предшествующие очередному съезду пять лет работы, а также формулируются новые задачи, в том числе и в области международной политики Китая, представляя собой, таким образом, среднесрочную внешнеполитическую стратегию страны.

Около 70 лет назад, в момент, когда Китайская Народная Республика была образована, «холодная война» между Востоком и Западом была в самом разгаре. Западные силы во главе с США поставили КНР в условия экономической блокады и дипломатической изоляции. Тогда, оценив ситуацию, Мао Цзедун принял решение придерживаться «однобокого» внешнеполитического курса и взаимодействовать во всех областях с соседями и близкими по идеологии социалистическими странами, в число которых входил и СССР. При этом основной упор традиционно делался на внутреннюю политическую и экономическую ситуацию в Китае – «сначала навести порядок в доме, а потом приглашать гостей».

После долгих лет «закрытости» в КНР второй половины 90-х гг. наблюдался очевидный дисбаланс между растущей экономической мощностью и позициями государства на мировой арене. Стала очевидной необходимость выводить Китай на новый уровень в системе международных координат. В связи с этим происходит активизация международной политики, формулируются концепции, которые, в свою очередь, формируют долгосрочную внешнеполитическую стратегию. В данной статье мы рассмотрим их эволюцию начиная с конца 90-х гг. XX в. до настоящего времени.

Несмотря на то что Китай «живет пятилетками», было бы наивным полагать, что у руководства страны отсутствует долгосрочная внешнеполитическая стратегия. Так, амбициозная и резонансная доктрина «человеческого сообщества единой судьбы»¹, главным образом отражающая международную политику современного Китая, не появилась в одночасье, а явилась следствием принципиального решения «выйти из тени» и занять лидирующие позиции в системе международных отношений. Она стала логичным продолжением тех внешнеполитических концепций, которые разрабатывались в

¹ Впервые термин появился в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. См.: Текст доклада Ху Цзиньтао на 18 съезде Коммунистической партии Китая. URL: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012-11/16/content_27138030.htm (дата обращения 25 января 2019).

КНР по мере того, как руководство уделяло все больше внимания вопросам позиций Китая в мире.

Помимо докладов Генеральных секретарей КПК на съездах партии основными публичными документами, в которых отражаются новые дипломатические установки, являются документы Централных рабочих совещаний по вопросам внешней политики, так называемые «белые книги» – официальные сообщения, разъясняющие внешнюю политику государства, которые выпускает Департамент по внешнеполитическому планированию МИД КНР.

*Внешнеполитический вектор КНР
при Цзян Цзэминь.
Концепция новой безопасности*

Генеральный секретарь Компартии КНР Цзян Цзэминь в своем докладе XV съезду партии в 1997 г. говорит об «историческом этапе осуществления великого возрождения нации Китая на основе социализма»². Это возрождение предполагало усиление международной политики КНР с тем, чтобы заявить в мире о себе как о государстве, с которым придется считаться ключевым игрокам политической арены.

Для Китая характерна преемственность, эволюционный подход во всем, во многом благодаря которому руководителям страны удалось добиться впечатляющих результатов в различных областях. Так и во внешней политике Цзян Цзэминь, встав на путь «открытости вовне», «приглашая к себе» и «выходя за рубеж», следовал принципам, заложенным своим предшественником Дэн Сяопином. Эти принципы заключались в приоритете национального развития с учетом международной ситуации и исходя из интересов КНР. Данный внешнеполитический вектор в период Цзян Цзэминя дополнялся ориентацией на развитие внешнеэкономических связей, увеличением использования передовой иностранной техники и технологий, расширением экспорта, внедрением новых форм внешних экономических связей и привлечением иностранного капитала [1 с. 94–107]. Концепция «возрождения величия китайского народа», обозначенная Генеральным секретарем КПК на XV съезде, которая играла значительную роль во внутренней политике государства и являлась национальной идеей, выполнявшей идеологические функции, распространялась в том числе и на внешнюю

²Текст доклада Цзян Цзэминя на XV съезде КПК. URL: http://www.bjreview.com.cn/90th/2011-03/25/content_357542.htm (дата обращения 25 января 2019).

политику. Увеличив экономическую мощь за счет стратегии под лозунгом «идти вовне», предполагалось поднять престиж страны, обозначить ее место на международной арене.

Национальная идея, призванная сплотить все слои китайского общества как на родине, так и за рубежом, заключающаяся в создании самой мощной экономической державы мира и сформулированная как «великое возрождение китайского народа», предопределяет участие Китая в глобальных экономических процессах в качестве противовеса развитым странам, и в первую очередь США. Но помимо экономической составляющей этой стратегии, очевидна также и политическая компонента, о которой Пекин не заявляет открыто. Однако на XV съезде в 1997 г. Цзян Цзэминь неоднократно упоминал о необходимости борьбы против гегемонизма, однополярной системы мирового устройства³. На XVI съезде в 2002 г. он говорит о «старом мировом порядке, нечестном и иррациональном, который нужно фундаментально менять», в докладе появляется словосочетание «новый международный политический и экономический порядок» [2 с. 157], которое представляет собой внешнеполитический вектор Китая, актуальный и в настоящее время. Значимой составной частью данной доктрины является «концепция новой безопасности», основанная на понимании того, что «народы соседних стран могут жить в мире и гармонии настолько долго, насколько будут находиться эффективные и разумные пути решения возникающих между ними разногласий. По словам Цзян Цзэминя, она строится на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий между странами» [3 с. 120]. Данная теория направлена в большей степени на политику в отношении соседей Китая. Это подтверждается фактом того, что в течение нескольких лет Китай урегулировал практически все территориальные споры, подписал с АСЕАН Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море, что продемонстрировало приоритеты мирного сосуществования КНР с соседями.

«Мирное развитие Китая»

С приходом к власти Ху Цзиньтао во внешнеполитическом дискурсе китайской элиты появились новые теории, главной из которых стала концепция «мирного возвышения». После визита

³Текст доклада Цзян Цзэминя на XV съезде КПК. URL: http://www.bjreview.com.cn/90th/2011-03/25/content_357542.htm (дата обращения 25 января 2019).

в США в 2002 г., во время которого бывший исполнительный ректор партийной школы при ЦК КПК Чжэн Бицзянь провел ряд встреч в высших кругах американской власти, осенью 2003 г. он выступил на форуме в Боао (о. Хайнань) и выдвинул тезис о «мирном возвышении» Китая⁴. Речь была адресована мировой общественности, обеспокоенной стремительным ростом экономики и военной мощи КНР и видевшей в этом «китайскую угрозу». Эта концепция стала активно транслироваться руководством Китая. Так, в декабре 2003-го о ней высказались Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао, в марте 2004 г. Вэнь попытался представить развернутую трактовку ее содержания, а в апреле 2004 г. о ней вновь говорил Ху Цзиньтао⁵.

Однако формулировка концепции шла вразрез с теоретическим наследием Дэн Сяопина, который говорил о том, что во внешней политике Китаю необходимо «держаться в тени и не проявлять себя». Несмотря на то что ситуация внутри страны изменилась, эволюционный подход, как мы отмечали выше, свойственен руководству Китая, и формулировка «мирного возвышения» подвергалась критике ключевыми сотрудниками Министерства иностранных дел. В конце 2004 г. новый тезис о «мирном развитии» вошел в оборот внешнеполитического дискурса руководителей КНР как реакция на восприятие данной концепции за рубежом. На XVII съезде КПК обсуждению формулировки ее названия была посвящена отдельная дискуссия, в результате которой было принято решение смягчить термин и в публичном пространстве употреблять «мирное развитие», ставшее «новой философией как внешней, так и внутренней политики Китая» [4].

Нам представляется справедливым мнение о том, что такая замена формулировки носила номинальный характер и была предназначена в большей степени для внешнего дискурса, в то время как фактически суть концепции тяготела к «мирному возвышению», что прекрасно воспринималось в стране и решало таким образом и внутривнутриполитические задачи, в частности, воспитания патриотизма у населения страны, вписываясь в логику «возрождения великой китайской нации».

Тем не менее опубликованная в 2005 г. «белая книга» под названием «Путь мирного развития Китая» официально закрепила терминологию главной на тот момент внешнеполитической доктрины. Документ состоит из пяти разделов:

⁴China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian, 1997–2005 // Brookings Institution Press, 2005. С. 14–19.

⁵Ломанов А.В. Ся Липин, Цзян Сиюань. Чжунго хэпин цзюэци (Мирное возвышение Китая). 2005. URL: http://www.globalaffairs.ru/book/n_4246 (дата обращения 25 января 2019).

1. Мирное развитие – неизбежный путь модернизации Китая.
2. Способствуя всеобщему миру и развитию посредством роста Китая.
3. Развитие, опирающееся на собственную силу, реформы и инновации.
4. В поисках взаимной выгоды и совместного развития с другими странами.
5. Создавая гармоничный международный порядок всеобщего мира и процветания⁶. Анализ текста документа показывает, что именно данная концепция «подготовила почву» для актуальной, весьма амбициозной внешнеполитической доктрины Китая.

В четвертом абзаце текста выступления Ху Цзиньтао на XVIII съезде партии впервые появляется термин «сообщество с единой судьбой» («community of common destiny») [2 с. 156–161]. Это в очередной раз подтверждает факт наличия у Китая долгосрочной внешнеполитической стратегии, так как впоследствии данная концепция займет центральное место во внешнеполитическом дискурсе преемника Ху Си Цзиньпина.

Именно Ху Цзиньтао вошел в историю как Председатель КНР, при котором Китай начал «великое возрождение», заявив о себе не только как о мощной экономической державе, но и как о важнейшем игроке на международной арене, с которым приходится считаться всем странам. При этом внешнеполитический дискурс трансформировался при Ху таким образом, чтобы убедить весь мир в том, что стремительный скачок КНР в экономической и военной областях не представляет никакой угрозы для других государств и развитие страны будет и впредь происходить исключительно мирным путем. Более того, руководство Китая видит свою задачу в том, чтобы помогать и способствовать процветанию и других (в первую очередь это касается соседей и развивающихся стран), осознавая при этом свою ответственность как управленцев одного из главных субъектов международных отношений.

Сообщество единой судьбы

В октябре 2013 г. на XIX съезде КПК одним из тезисов доклада Генерального секретаря стал тезис о вступлении социализма с китай-

⁶Текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. URL: http://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm (дата обращения 25 января 2019).

ской спецификой в новую эпоху⁷. Это касается не только внутренней политики, но и внешней, что подтверждает риторика части доклада, посвященная международной политике КПК [2 с. 156–161].

Политика Си Цзиньпина, с одной стороны, сохраняет преемственность с внешнеполитической линией предыдущих четырех поколений китайской власти, а с другой – имеет значительные отличия.

Формула Дэн Сяопина «затаиться и ничем не показывать себя» исчерпала свою актуальность на фоне роста экономической и военной мощи. Наблюдается значительная активизация международных инициатив, беспрецедентное количество поездок лидера за рубеж, проведения масштабных международных мероприятий в Китае. В традициях, заложенных предыдущим поколением руководителей, опасения экспансии Китая руководство КНР пытается нивелировать дипломатической риторикой, убеждая мир в том, что страна не только идет по пути «мирного развития», но и, позиционируя себя как одного из главных игроков на международной арене, готова поделиться плодами успехов, взяв на себя ответственность за мирное и взаимовыгодное сосуществование всех государств. Китай подкрепляет этот тезис «дипломатии с китайской спецификой» своими действиями. Так, во время мирового финансового кризиса руководство Китая поступилось экономической выгодой и помогло ряду государств Юго-Восточной Азии избежать дефолта. Таким образом власти Китая обозначили КНР как надежного и ответственного партнера в международных отношениях, отдав предпочтение долгосрочным репутационным дивидендам.

Традиционно внутренняя политика имеет в КНР приоритет важности по сравнению с внешней, поэтому внешнеполитический дискурс обращен не только вовне, но и внутрь страны, к гражданам Китая. Так, например, по мнению И.Е. Денисова, «мотивами Дэн Сяопина при выработке «скромной» внешнеполитической доктрины были не только экономия ресурсов, необходимых прежде всего для внутреннего развития, но и боязнь проиграть на всемирной шахматной доске более опытным державам... Проигрыш «на внешнем фронте» для китайского руководства означал бы шаг к делигитимации власти КПК, и, судя по всему, мотивы сохранения и укрепления партийной власти по-прежнему определяют любые крупные внешнеполитические шаги»⁸.

⁷Текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. URL: http://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm (дата обращения 25 января 2019).

⁸China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2005 // Brookings Institution Press, 2005. 40 p.

В этом отношении наблюдается преемственность Си Цзиньпина, который, несмотря на амбициозную риторику («сообщество единой судьбы», дипломатия с китайской спецификой, дипломатия Си⁹, «диалог КПК с миром») и глобальные инициативы («Один пояс – один путь», Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и прочие), в их практической реализации ведет себя достаточно осторожно. Так, например, начиная с 2015 г. в Китае на официальном уровне запрещено называть «Один пояс – один путь» «программой», «повесткой», «стратегией», что дает китайским властям возможность избегать конкретных обязательств и приспосабливаться к меняющимся как внутренним, так и внешним обстоятельствам. Лидерами КНР часто делаются заявления в духе китайской риторики, понятные и позитивно воспринимаемые внутри страны, но оставляющие мировому сообществу возможность для интерпретаций. Например, термин «более справедливый и рациональный мировой порядок», к которому часто апеллирует руководство Китая, в том числе в рамках концепции «сообщества с единой судьбой», имеет весьма размытое значение. Таким образом, дипломатическая риторика в значительной степени служит решению внутренних задач.

В феврале 2018 г. пленум ЦК КПК одобрил внесение поправок в Конституцию, касающихся возможности переизбираться лидеру КНР после 10-летнего нахождения у власти бесчисленное количество раз. Это гарантирует Си возможность контроля реализации долгосрочных стратегий под своим руководством и выводит его возможности как глобального лидера на новый уровень. Кроме того, в новой редакции от 11.03.2018 г. в преамбуле к Конституции появился абзац о том, что «будущее Китая тесно связано с будущим всего мира... Китай отстаивает стратегию открытости, ориентированную на взаимную выгоду и совместный выигрыш... продвигает создание человеческого сообщества с единой судьбой»¹⁰.

С приходом к власти Си Китай заявил о себе как об одном из ключевых государств, глава которого выступает в качестве глобального лидера, ориентированного не только на «великое возрождение китайской нации», но и претендующего на роль гаранта спокойствия в мире. Его образ формируется именно в этом ключе. Так,

⁹Термин утвердился в официальном дискурсе Китая. Подтверждением этому служит факт использования национального информационного агентства Синьхуа хэштега #Xiplomacy.

¹⁰Конституция КНР, преамбула. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения 25 января 2019).

вопреки тому, что впервые об инициативах Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века, направленных на усиление позиций Китая в мире, упоминал премьер-министр Ли Кэцян, их авторство приписывают Си Цзиньпину.

Изначально словосочетание «единая судьба» (*mingyun gong-tongti*) использовалось в политическом дискурсе Китая в отношении Тайваня. Термин «сообщество единой судьбы» впервые был употреблен официально применительно к другим суверенным государствам в опубликованной в 2011 г. «Белой книге», посвященной мирному развитию Китая¹¹. Затем на XVIII съезде КПК в 2012 г. в своем докладе Си говорил об этой беспрецедентной по своим масштабам внешнеполитической инициативе. Такая модель бесконфликтного сосуществования государств провозглашает своими принципами уважение суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран, отвечает тенденциям глобализации и представляет собой альтернативу действующей западной модели международного порядка, которая, в свою очередь, испытывает трудности с концептуализацией собственной внутренней модели, отягощаемой постоянными кризисами и трудноприменимой при «экспорте» в другие страны.

На 70-й Генассамблее ООН в 2015 г. Си Цзиньпин представил миру эту доктрину: «Мы должны выстраивать партнерские отношения, при которых страны будут относиться друг к другу как к равным, участвовать в консультациях и демонстрировать взаимопонимание... Мы должны создать архитектуру безопасности, включающую в себя справедливость, делать совместный вклад во взаимное развитие, предполагающее общие выгоды... Мы должны продвигать открытое, инновационное развитие, в которое будут вовлечены все страны и которое всем приносит пользу... Мы должны расширять межгосударственные обмены, чтобы способствовать гармонии и уважению различий... Мы должны создать экосистему, которая отдает приоритет экологии и сохранению природных ресурсов»¹².

Для трансляции глобальных инициатив китайского руководства постоянно создаются новые площадки. Так, в 2014 г. впервые про-

¹¹ Белая книга. «Мирное развитие Китая», 2011. Официальный сайт Правительства Китая. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm (дата обращения 25 января 2019).

¹² Речь Председателя КНР на 70-й Генеральной Ассамблее ООН. 2015. URL: <http://webtv.un.org/meetings-events/general-assembly/general-debate/70th-session/watch/china-general-debate-70th-session/4515429999001/?term=&sort=popular> (дата обращения 25 января 2019).

шла конференция «Диалог КПК с миром», целью которой является информировать зарубежных партнеров о политике Коммунистической партии Китая. В 2017 г. в рамках данного мероприятия в Пекине Председатель КПК призвал политические партии всего мира участвовать в процессе построения сообщества единой судьбы.

Преимственность руководства Китая прослеживается и во внешнеполитическом инструментарии, которому должна быть присуща китайская специфика. На Центральном рабочем совещании по вопросам внешней политики в 2014 г. Председатель КНР говорил о необходимости «продвигать дипломатию с китайской спецификой, китайскими особенностями»¹³, а на совещании в 2018 г. Си призвал использовать «уникальную дипломатическую модель с китайской спецификой для построения сообщества единой судьбы человечества»¹⁴.

На XIX съезде КПК Си Цзиньпин заявил о том, что концепция перешла из теоретической фазы в практическую. Ее формулировка была закреплена в поправках к уставу партии, принятых на XIX съезде, а годом ранее, в 2017 г., ООН включила ее в ряд резолюций и других официальных документов [5].

Заключение

Внешнеполитическая доктрина Китая и ее растущая популярность вызывает значительный интерес международного сообщества. Размытая формулировка, неясность заложенных смыслов и связанных с ней намерений порождают многочисленные споры о ее будущем в сфере международных отношений и тех задачах, которые намерено решить руководство Китая посредством ее применения. Так, Дэнхуа Чжан в своей статье «Концепция “сообщество единой судьбы” в китайской дипломатии: значения, мотивы и последствия» высказывает мнение о том, что с ее помощью Китай в первую очередь стремится решить практические и принципиальные вопросы своей внешней политики, не демонстрируя в их решении гибкости, а взаимодействовать с другими государствами руководство КНР готово по менее значимым для страны проблемам [6].

¹³ Материалы Центрального рабочего совещания по вопросам внешней политики. 2014. Электронный ресурс: <http://sr.china-embassy.org/eng/zyxw/t1217004.htm> (дата обращения 25 января 2019).

¹⁴ Материалы Центрального рабочего совещания по вопросам внешней политики. 2018. URL: http://www.81.cn/jmywyl/2018-06/23/content_8069112.htm (дата обращения 25 января 2019).

Не споря с данным предположением, отметим, что внешне-политический вектор, в основе которого лежит беспрецедентно амбициозная стратегия, предполагающая смену до сих пор действующей «западной» модели международных отношений на новый порядок с «китайской спецификой», может демонстрировать определенную гибкость с учетом различных обстоятельств. Тем не менее ее главная цель – обеспечить Китаю роль лидера на международной арене. Вместе с тем, например, Н.В. Литвак, отмечая, что в современном по-прежнему однополярном мире, «исклечение представляет Китай, который может в перспективе повторить путь СССР и США по построению всестороннеразвитого научно-технического военного и промышленного комплекса, хотя и у него есть проблемы...» [7 с. 128], считает, что Китаю, «несмотря на потрясающие успехи в организации государства и экономической политике, необходимы еще годы для того, чтобы стремительно растущий учебно-воспитательный потенциал дал соответствующий научный и промышленный результат (при условии, конечно, сохранения текущей политики – судьба российского образовательного, научно-технического и военного потенциала у нас всех, что называется, перед глазами)» [7 с. 130]. Таким образом, с одной стороны, вышеприведенный внешнеполитический дискурс китайских руководителей представляет собой инструмент для выигрыша необходимого для наращивания своего потенциала времени, а с другой – реформа института сменяемости власти может поставить под вопрос продолжение успешного развития страны в этом направлении.

Литература

1. *Сыроежкин К.Л.* Внешнеполитические концепции Китая на современном этапе // Казахстан в глобальных процессах. 2009. № 4. С. 94–107.
2. *Помозова Н.Б.* Отражение внешнеполитического вектора в дискурсе докладов на XIV–XIX съездах Коммунистической партии Китая // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки. 2018. № 4. С. 156–161.
3. *Голобоков А.С.* Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. 2010. № 3. С. 117–122.
4. *Денисов И.Е.* Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 5 (10). С. 83–98.
5. *Литвак Н.В.* Кризис социологических концепций информационного общества в сфере социально-экономических отношений // Философия хозяйства. 2011. № 1 (73). С. 206–217.

6. Denghua Zhang. The Concept of “Community of Common Destiny” in China’s Diplomacy: Meaning, Motives and Implications. Asia and the Pacific Policy Studies: John, Willey and sons, Australia, Ltd.; 2018. 386 p.
7. Литвак Н.В. О некоторых аспектах информационной борьбы на Ближнем Востоке // Конфликтология. 2012. № 4. С. 125–133.

References

1. Syroezhkin KL. Foreign Policy Concept of China of Modern Period. *Kazakhstan in Global Processes*. 2009;4:94-107. [In Russ.]
2. Pomozova NB. The Reflection of the Foreign Policy Vector in the Discourse of Reports at the 15-19 CPC Congresses. *Governmental and municipal administration. Scholarly notes*. 2018; 4:156-61 [In Russ.]
3. Golobokov AS. Formation and Development of the Foreign Policy Doctrine of China. *Oikumena*. 2010; 3:117-22. [In Russ.]
4. Denisov IE. Foreign Policy of China during the Xi Jinping’s Period: Continuity and Innovation. *Kontury globalnikh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 2017;5:83-98. [In Russ.]
5. Litvak NV. Crisis of the Sociological Concepts of the Informational Society in the Area of the Social-Economical Relations. *Philosophia khozyaystva*. 2011;1:206-17. [In Russ.]
6. Denghua Zhang. The Concept of “Community of Common Destiny” in China’s Diplomacy: Meaning, Motives and Implications. Asia and the Pacific Policy Studies: John, Willey and sons, Australia, Ltd.; 2018. 386 p.
7. Litvak NV. About some Aspects of the Informational War in the Middle East. *Konfliktologia*. 2012;4:25-133. [In Russ.]

Информация об авторе

Наталья Б. Помозова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; npomozova@mail.ru

Information about the author

Natalia B. Pomozova, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; npomozova@mail.ru

Сотрудничество государства и общества в демографической сфере на примере КНР

Татьяна В. Слетнева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tatyankav1994@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается политика рождаемости в КНР с 1949 г. по настоящее время, ее влияние на социально-экономическую жизнь страны, сотрудничество государства и общества в демографической сфере. Автор указывает основные кампании ограничения деторождения в изучаемом регионе, анализирует причины перехода к политике «одна семья – один ребенок». Особое внимание в статье уделяется рассмотрению основных положительных, отрицательных аспектов данной политики, причинам отмены ее в 2016 г., а также факторам сотрудничества государства и общества в данной сфере.

Ключевые слова: демографическая политика КНР, кампания ограничения рождаемости, «большой скачок», концепция «одна семья – один ребенок», сотрудничество государства и общества

Для цитирования: Слетнева Т.В. Сотрудничество государства и общества в демографической сфере на примере КНР // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 89–97. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-89-97

Cooperation of the state and society in the demographic sphere the case study of the PRC

Tatiana V. Sletneva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
tatyankav1994@yandex.ru.*

Abstract. This article analyzes China's demographic situation since 1949 to nowadays, its impact on socio-economic life of the country, cooperation of the state and society in the demographic sphere. The author describes the main population control's campaigns in China, discusses the reason for the transition to the “one family – one child” policy. This article gives a special

attention to the positive and negative consequences of that policy, the reasons for its rejection in 2016, as well as factors of cooperation between the state and society in that sphere.

Keywords: demographic policy of People's Republic of China; population control's campaign, «Great leap forward», “one family – one child concept, cooperation of the state and society

For citation: Sletneva T.V. Cooperation of the state and society in the demographic sphere the case study of the PRC // RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series, 2019; 2:89-97. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-89-97

Введение

Демографическая политика КНР является актуальной темой с точки зрения исследования перспектив модернизации страны, так как результаты претворения данного курса в жизнь оказывают большое влияние на развитие всех сфер общественной жизни изучаемого региона. Экономическая, политическая, социальная стабильность, жизненный уровень, распределение ресурсов тесно взаимосвязаны с проведением кампании планирования семьи, так как динамика прироста населения во многом определяет будущее процветание государства и его статус на международной арене. С точки зрения изучения демографии Китай уникален тем, что является самой многонаселенной страной мира. Согласно статистике, численность населения в год образования КНР составляла около 540 млн человек [1 с. 42]. В 2015 г. достигла показателя 1,367 млрд человек¹. Таким образом, на протяжении 67 лет численность населения возросла в 2,5 раза.

Цель исследования. В статье будет предпринята попытка анализа демографической ситуации КНР с 1949 г. по настоящее время, факторов сотрудничества государства и общества в этом направлении, дана оценка влияния политических установок, а именно курса «трех красных знамен», «культурной революции», политики ограничения рождаемости на реализацию изучаемого аспекта.

Источники и литература. При исследовании данной актуальной темы были использованы труды Дай Лунбинь, Ли Сымина, Меликсетова, Певерелла, официальные издания и материалы Государственного статистического управления Китая, Конститу-

¹中国人口数量2015全国总人口136782万人 (Общая численность населения Китая в 2015 г. составила 1,367 млрд человек) [Электронный ресурс] // 中国新闻网 («Миньнаньван»). URL: <http://www.mnw.cn/news/shehui/726472.html> (дата обращения 22 декабря 2017).

ция КНР 1982 г. Благодаря вышеуказанным источникам удалось получить более наглядную картину изучаемого вопроса, а также детально рассмотреть основные положения политики ограничения рождаемости и ее влияние на общественную жизнь страны.

Основная часть

Перед тем как исследовать аспекты сотрудничества государства и общества КНР в демографической сфере, необходимо обратиться к истокам актуальной проблемы планирования семьи.

Японо-китайская война 1937–1945 гг., гражданская война 1946–1949 гг. нанесли катастрофический ущерб демографической ситуации Китая. После провозглашения КНР в скором времени руководством правящей партии был поставлен вопрос о претворении в жизнь важной задачи – осуществления прироста населения с целью обеспечить государство рабочей силой для возрождения китайской нации. Увеличение численности населения трактовалось в качестве источника благоденствия страны, «самого ценного капитала и гарантии быстрого построения социализма в Китае» [1 с. 42].

Вследствие провозглашенного демографического курса, развития медицины, сокращения детской смертности, успехов индустриализации (первая пятилетка 1953–1957 гг.), социальной и политической стабилизации страны, общая численность КНР к 1957 г. увеличилась на 148,6 млн человек [2 с. 7]. Столь высокий коэффициент рождаемости встревожил КПК. Основной причиной стал тот факт, что увеличение демографического роста может оказать негативное влияние на экономическую ситуацию, стать серьезной проблемой обеспечения населения КНР необходимыми жизненными ресурсами. Поэтому в 1956–1958 гг. руководством КПК была введена первая кампания по ограничению рождаемости в стране [2 с. 7]. В результате политики «трех красных знамен» (1958 г.) программа регулирования деторождения была свернута. Это случилось потому, что главная цель курса «большого скачка» предполагала достигнуть за короткий срок объемов производства передовых стран в области промышленности и сельского хозяйства. Для успешной реализации столь грандиозной цели необходимо было огромное количество рабочей силы, что потребовало отменить кампанию ограничения деторождения. Провал политического курса «большого скачка» привел к катастрофическим последствиям. Высокая смертность, страшный голод из-за неурожаев стали повесткой дня на Лушаньском пленуме в 1959 г. Курс «трех красных знамен» был осужден маршалом Пэн Дэхуаем. Согласно

статистике, более десяти миллионов китайцев погибли от голода на протяжении 1958–1962 гг. [З с. 667]. Поэтому 1960–1961 годы ознаменовались отрицательным приростом населения.

После четырех голодных и трудных лет экономическое состояние страны несколько стабилизировалось. В 1963–1964 гг. в производственной сфере Китая наблюдался высокий коэффициент развития. Показатели сельского хозяйства ежегодно возрастали на 10%, а темпы роста промышленности достигали около 20% [З с. 674]. Эти факторы благоприятно повлияли на увеличение рождаемости в стране. Данные всекитайской переписи населения 1964 г. показали, что общая численность Китая достигла показателя 700 млн человек [4 р. 23]. Чтобы избежать демографического взрыва, с 1962–1966 гг. руководство страны начало вторую кампанию регулирования рождаемости. В 1962 г. ЦК КПК и Госсоветом КНР была принята директива «Относительно добросовестной пропаганды ограничения деторождения», целью которой было сдерживание естественного прироста населения [5 р. 182].

В целом данный курс имел положительные результаты, однако на дальнейшее успешное осуществление изучаемой политики повлияла «культурная революция» 1966–1976 гг., которая оказала негативное влияние на развитие всех сфер общественной жизни. В силу столь значимого исторического события кампания ограничения рождаемости была свернута. Благодаря успешной реализации курса планирования семьи до 1966 г., в КНР имелись значительные успехи в области развития медицины, повышения качества жизни, что способствовало снижению показателя смертности. Высокий уровень прироста населения во второй половине 60-х гг. (43,6‰) в сопоставлении с низким коэффициентом смертности (7,6‰) стал следствием возникновения демографического давления в начале 70-х гг. XX в. [2 с. 7].

Вышеуказанный период считается важным этапом становления демографической политики КНР. В 1973 г. проблема регулирования рождаемости была включена в повестку четвертого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны. Его цель заключалась в снижении показателя естественного прироста населения в городах примерно до 10‰, в деревнях – до 15‰ [2 с. 8]. Кампания по ограничению рождаемости содержала следующие положения: поздний брак, позднее рождение ребенка, здоровое потомство².

²中国计划生育 (Планирование семьи в Китае) [Электронный ресурс] // The state council information office of the people's republic of China. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/1995/Document/307993/307993.htm> (дата обращения 26 декабря 2017).

Однако этот курс не дал желаемых результатов. К 1978 г. численность Китая достигла около миллиарда человек [4 р. 18]. Руководство КНР, чтобы уменьшить демографическое давление, с 1979 г. ввело политику планирования рождаемости «одна семья – один ребенок», целью которой было сокращение численности населения, достижение показателя 1,2 млрд человек к 2000 г., ослабление негативного влияния прироста населения на экономику, ресурсы, окружающую среду [4 р. 18].

Для эффективности проведения курса планирования семьи были введены экономические санкции, строго наказывающие за рождение второго ребенка. Те, кто нарушал установленные положения, должны были выплачивать штраф в течение от 5 до 15 лет, который варьировался от 10 до 50% от ежегодного дохода супругов [4 р. 22]. Важно отметить, что политика рождаемости имеет специальные положения, которые разрешают заводить второго ребенка следующим категориям граждан. Во-первых, если каждый из супругов – единственный ребенок в семье (проводится с 2013 г.)³. Во-вторых, национальным меньшинствам (около 8% от всего населения). Руководство КНР предоставляет возможность национальным автономным районам повсеместно проводить свою политику планирования семьи [6 р. 27]. В-третьих, супругам из деревень. Требование нового демографического курса (1979 г.) ограничиться только одним ребенком встретило неодобрение крестьянских семей, так как они стремились увеличить число рабочей силы и производительность преимущественно за счет мужской части. Поэтому руководство страны разрешило заводить второго ребенка в деревне, особенно если первый является инвалидом или девочкой [6 р. 28].

В целом политика ограничения рождаемости выполнила основные задачи, которые были поставлены. К примеру, удалось сократить естественный прирост примерно на 400 млн человек, достичь желанного показателя 1,2 млрд человек к 2000 г., а также повысить уровень жизни населения, что оказало значительное влияние на социально-экономическое развитие страны [4 р. 24].

Китай за последние десять лет находится на стадии низкого прироста населения, следовательно, изучаемый регион вошел в ряд стран с низкой рождаемостью, т. е. совершил переход к современной модели воспроизводства.

³China allows all couples to have two children [Электронный ресурс] // The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/china/21677273-china-has-abandoned-its-more-35-year-old-one-child-policy-now-couples-can-have-two-china> (дата обращения 24 декабря 2017).

Проанализировав основные положительные аспекты, необходимо обратиться к негативным результатам, которые стали причиной отмены политики «одна семья – один ребенок» с 2016 г.⁴

Во-первых, диспропорция полов. По традиции в китайских семьях приоритет отдается рождению мальчиков. Он обусловлен следующими факторами: поддержание генеалогической линии, содержание в материальном плане престарелых родителей. Существует мнение: вырастить сына – обеспечить себе старость «янэр-фанлао» (养儿防老). В силу этого китайское общество столкнулось с проблемой полового дисбаланса. Результаты шестой переписи населения КНР показали, что соотношение мужчин и женщин составило 118 к 100 [2 с. 13]. Ученые выделяют возможные причины резкого преобладания мальчиков. Во-первых, повышение смертности девочек вследствие недостаточной заботы, а также из-за умышленных убийств новорожденных; во-вторых, утаивание девочек от регистрации; в-третьих, искусственный аборт, если ожидается не мальчик [7 р. 6]. По причине гендерной дискриминации правительство КНР приняло законодательство, запрещающее посредством УЗИ устанавливать пол ребенка, так как половой дисбаланс создает проблему дестабилизации брачно-семейных отношений.

Второй важной проблемой является тенденция современного китайского общества «пожить для себя, состояться как личность» [1 с. 46]. Она выражается в том, что супружеские пары (в основном представители среднего класса) отказываются заводить детей. Это обусловлено следующими факторами: стремление к благосостоянию, реализации своего личностного потенциала и др. Важно отметить, что политика ограничения рождаемости 80-х гг. XX в. наложила отпечаток на формирование новых ценностных ориентаций современного общества.

Синдром маленьких императоров является третьей актуальной проблемой КНР, так как имеет негативное влияние на социальную жизнь страны. Проведение демографической политики «одна семья – один ребенок» затронуло моральный облик современного китайского общества [4 р. 36]. Данный феномен нашел свое выражение с точки зрения дезориентации воспитательного процесса. Старшее поколение относится к внукам, правнукам как к маленьким императорам, задирая подарками и поощряя их поведение. Этот синдром может стать роковым в китайском обществе, так как эти аспекты способствуют росту эгоизма, самодовольства среди подрастающего поколения.

⁴*Tian Shaohui*. Top legislature amends law to allow all couples to have two children [Электронный ресурс] // Xinhua. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-12/27/c_134955448.htm (дата обращения 24 декабря 2017).

Следующими проблемами являются старение населения и сокращение демографического дивиденда. Проведение политики планирования семьи стало следствием резкого снижения показателя деторождения, уменьшения количества молодежи, увеличения пожилого населения. Согласно определению ООН, КНР является страной со стареющим обществом, так как численность людей пенсионного возраста составляет более 15,5% от общего населения страны (конец 2014 г.) [2 с. 11]. Благодаря данной тенденции существует мнение: состарились раньше, чем пришел достаток «вэйфу сяньлао» (未富先老).

Старение населения тесно взаимосвязано со старением рабочей силы, что оказывает непосредственное влияние на сокращение трудовой активности и производительности. По прогнозам, к 2050 г. численность населения КНР в возрасте более 60 лет достигнет показателя 29,28% [1 с. 46]. Данная ситуация ставит под угрозу развитие экономики изучаемого региона. Вследствие этого было принято решение об отмене политики «одна семья – один ребенок». Согласно законодательству, с 2016 г. каждой супружеской паре разрешено заводить второго ребенка.

Важно отметить, что отказ от данного демографического курса приведет к увеличению темпов роста трудовых ресурсов, снизит нагрузку на стареющее население и будет способствовать устойчивому и здоровому развитию экономики.

Заключение

В настоящее время руководство КНР предпринимает активные попытки поощрения политики рождаемости⁵. Это решение продиктовано следующими опасениями. Государство обеспокоено проблемами диспропорции полов, старения населения, а также новой укоренившейся тенденции «пожить для себя, состояться как личность». Данные аспекты несут угрозу с точки зрения социально-экономического развития страны.

С целью избежать негативного проявления вышеперечисленных факторов КНР перешла от политики «ограничения рождаемости» к политике сотрудничества с населением в демографической сфере. Она проявляется в следующих направлениях. Во-первых, руководство КНР решило проводить разъяснительную работу среди

⁵Tian Shaohui. Top legislature amends law to allow all couples to have two children [Электронный ресурс] // Xinhua. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-12/27/c_134955448.htm (дата обращения 24 декабря 2017).

молодежи о значимости прироста населения, акцентируя внимание на особом месте семейных ценностей в китайском обществе, а также на то, что старение населения дезорганизует процесс процветания страны. Великий учитель Конфуций говорил: «Государство – это большая семья, а семья – это малое государство»⁶. Этот принцип является основополагающим конфуцианского учения. Следовательно, вышеуказанные социальные институты являются сообщающимися сосудами, и их взаимное процветание дополняет друг друга.

Во-вторых, государство КНР намерено создавать наиболее благоприятные условия, при которых рождение и содержание ребенка не будет непосильным бременем для родителей. В настоящее время активно реализуется кампания, направленная на совершенствование политики планирования семьи в целях содействия долгосрочному и сбалансированному развитию. Ее главной задачей является улучшение сферы здравоохранения в отношении матерей и детей. Кроме этого, будет усовершенствована система регистрации новорожденных. Ожидается, что к 2020 г. численность населения Китая достигнет показателя 1,42 млрд человек⁷.

В-третьих, курс социально-экономического развития КНР на период XIII пятилетки (2016–2020 гг.) имеет следующее важное положение: увеличить расходы на здравоохранение и планирование семьи⁸. Это решение является ключевым, так как показывает заинтересованность власти в стимулировании рождаемости.

Таким образом, сотрудничество государства и общества в демографической сфере станет важным катализатором возрождения семейных ценностей Китая, улучшения качества жизни населения, а также во многом определит будущее процветание изучаемого региона и его статус на международной арене.

Литература

1. Назарова Р.Ф. Демографическая политика КНР: история и современность // Вестник Амурского государственного университета. 2010. № 50. С. 42–48.
2. Демографические изменения и семейная политика в России и Китае: сб. ст. / Под ред. Н.Г. Скворцова, А.В. Петрова. СПб.: Астерион, 2015. 128 с.

⁶Конфуций. Лунь юй [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=29283> (дата обращения 28 декабря 2017).

⁷Китай определил задачи в экономике на 2016 год и XIII пятилетку [Электронный ресурс] // Риа Новости. URL: <https://ria.ru/economy/20160305/1385131917.html> (дата обращения: 28 декабря 2017).

⁸Там же.

3. Меликсетов А. История Китая. М.: Высшая школа, 2002. 736 с.
4. Powell T. The Negative Impact of the One Child Policy on the Chinese Society as it Relates to the Parental Support of the Aging Population. Washington: Georgetown University, 2012.
5. 李思明. 持续与变迁: 当代中国的政经、社会 and 空间发展. (*Ли Сы Мин*. Развитие политического общего права и общества современного Китая). 香港教育图书公司 (Издательство учебной литературы Гонконга), 2008. 485页 (485 с.).
6. 中国国情 (Страноведение Китая). 北京: 北京语言文化大学 (Пекин: Пекинский институт языка и культуры), 2001. 90 页 (90 с.).
7. Chan C., D'Arcy M. Demographic Consequences of China's One-Child Policy. Ford School of Public Policy: University of Michigan, 2006.

References

1. Nazarova R. China's population policy: history and contemporaneity. Bulletin of the Amur State University. 2010;50:42-8. [In Russ.]
2. Skvortsov NG., Petrov AV., ed. Demographic changes and family policy in Russia and China. St-Petersburg: Asterion Publ.; 2015. 128 p. [In Russ.]
3. Meliksetov A. China's history. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 2002. 736 p. [In Russ.]
4. Powell T. The Negative Impact of the One Child Policy on the Chinese Society as it Relates to the Parental Support of the Aging Population. Washington: Georgetown University, 2012.
5. 李思明. 持续与变迁: 当代中国的政经、社会 and 空间发展. (Li Siming. Development of the political common law and society of modern China). 香港教育图书公司 (Izdatel'stvo uchebnoi literatury Gonkonga Publ.), 2008. 485 页 (485 p.).
6. 中国国情 (China's actual conditions. China geography), 北京: 北京语言文化大学 (Пекин: Пекинский институт языка и культуры), (Beijing. Beijing Institute of Language and Culture), 2001. 90 页 (90 c.).
7. Chan C., D'Arcy M. Demographic Consequences of China's One-Child Policy. Ford School of Public Policy: University of Michigan, 2006..

Информация об авторе

Татьяна В. Слетнева, студентка магистратуры факультета истории, политологии и права, Российский государственный гуманитарный университет; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; tatyankav1994@yandex.ru

Information about the author

Tatiana V. Sletneva, graduate student of the Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; tatyankav1994@yandex.ru

Концепция «Исламского пробуждения» как внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран в XXI в.

Никита А. Филин, Владимир О. Кокликов,
Николай А. Медушевский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; n.filin@rggu.ru, azzuro@list.ru,
lucky5659@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются сущность и функционирование концепции «Исламского пробуждения» (ИП) (перс. – бидарийе эслами) в Иране, которая была актуализирована иранской политической элитой в качестве описания событий, связанных с «Арабской весной», а также внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран (ИРИ) в 2010-х годах. Как показывает данное исследование, этот термин появился в иранском социально-политическом дискурсе еще в предыдущие десятилетия и имеет сходство с понятием «исламское возрождение», охватывающем в исламском мире в разные исторические периоды огромное число разнородных движений.

Авторы статьи проводят анализ идеологических корней данной концепции, которые восходят к идеям основателя ИРИ аятоллы Рухоллы Хомейни, получившим название «Экспорт исламской революции» (перс. – содурэ энглеабе эслами). Большое внимание уделяется выявлению сущности данной концепции и ее отличию от ИП, что также было выявлено настоящим исследованием.

В настоящей статье также анализируются основные принципы концепции «Исламского пробуждения», проявляемые как в высказываниях высших представителей иранской политической элиты, так и в школьном учебнике по современной истории Ирана.

Авторы также стремятся рассмотреть динамику употребления термина «Исламское пробуждение» в иранском социально-политическом дискурсе, заключающуюся в сильном росте его упоминания в 2011 г. и постепенном сокращении его использования после 2013 г., что было связано как с уменьшением влияния событий «Арабской весны» в регионе Ближнего и Среднего Востока, так и с изменением внешнеполитических взглядов главных политических деятелей внутри Ирана.

Ключевые слова: Иран, Исламское пробуждение, Экспорт исламской революции, «Арабская весна», внешняя политика

Для цитирования: Филин Н.А., Кокликов В.В., Медушевский Н.А. Концепция «Исламского пробуждения» как внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран в XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 98–109. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-98-109

The concept of «Islamic Awakening»
as the foreign policy doctrine
of the Islamic Republic of Iran in the 21st century

Nikita A. Filin, Vladimir O. Koklikov,
Nikolai A. Medushevskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
n.filin@rggu.ru; azzuro@list.ru, lucky5659@yandex.ru*

Abstract. The article examines the essence and functioning of the concept of «Islamic Awakening» (IA) (Persian – bidariye eslami) in Iran, which has been actualized by the Iranian political elite as a description of events related to the Arab Spring, as well as the foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran (IRI) in the 2010s. As this study shows, this term appeared in Iranian sociopolitical discourse in previous decades and has similarities with the concept of «Islamic revival», covering a vast number of diverse movements in the Islamic world in different historical periods.

The authors of the article analyze the ideological roots of this concept, which dates back to the ideas of the founder of the Islamic Republic of Iran, Ayatollah Ruhollah Khomeini that received the title «Export of the Islamic Revolution» (Persian – sodure engelabe eslami). Much attention is paid to identifying the essence of this concept and its difference from IA, which was also revealed by the present study.

This article also analyzes the basic principles of the concept of «Islamic Awakening», manifested both in the statements of the highest representatives of the Iranian political elite and in the school textbooks on the modern history of Iran.

The authors also seek to examine the dynamics of using the term «Islamic Awakening» in the Iranian social and political discourse, which demonstrates a strong increase in its mentioning in 2011 and a gradual decrease after 2013, which was related to a decline in the influence of Arab Spring in the Near and Middle East region and changes in the foreign policy views of the main political figures inside Iran.

Keywords: Iran, Islamic Awakening, Export of the Islamic Revolution, Arab Spring, foreign policy

For citation: Filin NA., Koklikov VO., Medushevskii NA. The concept of “Islamic Awakening” as the foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran in the 21st century // *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019;2:98-109. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-98-109

Введение

Интерес к изучению иранской внешнеполитической концепции «Исламского пробуждения» появился после 2011 г., когда он стал основой идеологии Ирана в описании событий «Арабской весны» и его взаимоотношений со странами региона Ближнего и Среднего Востока. Сам термин «Исламское пробуждение» на тот момент не был новым в иранском религиозно-политическом дискурсе и в какой-то степени соотносился с понятием «Исламское возрождение», охватывающем в исламском мире в разные исторические периоды «огромное количество разных движений, как радикальных и обособленных, так и плюралистичных; как расположенных к научной картине мира, так и антинаучных; как прежде всего религиозных, так и главным образом политических; как демократических, так и диктаторских; как миролюбивых, так и воинственных» [1].

В отечественной и западной историографии данной концепции уделяется не очень много внимания. В России сюжетами, связанными с «Исламским пробуждением», занимается А.В. Баранов. В своих работах [2; 3] он подробно разбирает принципы данной концепции в контексте событий «Арабской весны». Среди западных исследователей следует выделить работы П. Мохсени¹ и С. Хадери-Арайи [4], в которых авторы дают полный анализ концепции ИП в контексте внешней политики Ирана.

Вместе с этим в научном дискурсе на данный момент наблюдается недостаток комплексного исследования проблемы концепта «Исламского пробуждения» в его взаимосвязи с историческим процессом, а также причинами усиления его проявления и затухания в иранском социально-политическом дискурсе.

Тем не менее об актуальности проблемы и ее социополитическом значении свидетельствуют данные статистических обследований, например данные Информационного агентства ИСНА (ISNA) (рис. 1).

¹*Mohseni P.* The Islamic Awakening: Iran’s Grand Narrative of the Arab Uprisings // *Middle East Brief*. № 71. April 2013. URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/meb/MEB71.pdf> (дата обращения 18 января 2019).

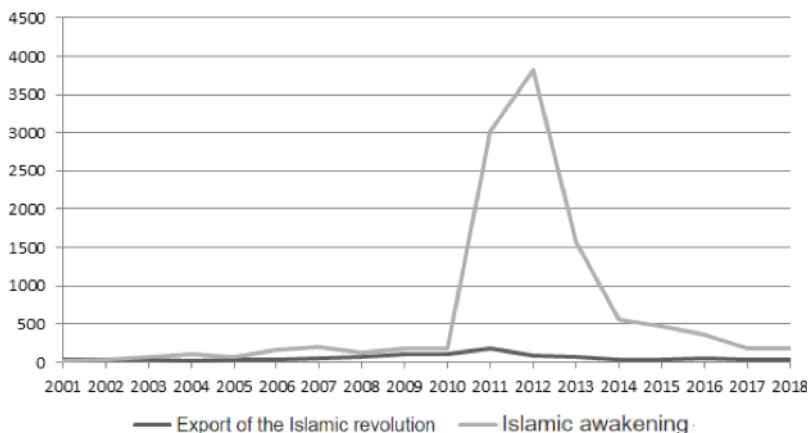

Рис. Частота упоминания фраз «Экспорт исламской революции» и «Исламское пробуждение» с 2000 по 2018 г. в иранском политическом дискурсе².

Исследовательская проблема

Концепция «Исламского пробуждения» является многогранной, и ее интерпретации можно обнаружить в политических и религиозных концепциях различных исламских государств и организаций. Тем не менее один из ключевых концептов модели «Исламского пробуждения» сформировался в Республике Иран после Исламской революции. Данный концепт стал одним из первых и оказал большое влияние на остальной исламский мир. Более того, это влияние сохраняется. В данной связи проблема исследования существует в двух измерениях. Во-первых, неоднозначны сроки существования в Иране концепции «Исламского пробуждения». Во-вторых, проблема связана с формулировкой реального смысла концепции, который многократно трансформировался вслед за изменениями в национальном политическом и религиозном дискурсе.

Предметом данной статьи, таким образом, выступает иранская интерпретация концепции «Исламского пробуждения» в контексте эволюции ее религиозно-политического содержания. Раскрывая общий современный смысл данной концепции, следует пояснить,

²Mohseni P. The Islamic Awakening: Iran's Grand Narrative of the Arab Uprisings // Middle East Brief. № 71. April 2013. URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/meb/MEB71.pdf> (дата обращения 18 января 2019).

что под ней подразумевается «процесс подъема осознанности в исламской умме, возрождение ислама в человеке и обществе... Воскресение исламских ценностей и возвращение к исламской самости» [5].

Во многом формирование и развитие концепции «Исламского пробуждения» порождает религиозно-политический конфликт, что также связано с проблемой исследования. В частности, современная, даже школьная трактовка концепции констатирует поиск «действительной... исламской идентичности, через возвращение к исламской самобытности» [5].

Цель данной статьи – представить результаты исследования концепции «Исламского пробуждения», рассмотренной в том числе как внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран в конце XX – начале XXI в. Достижение поставленной цели в рамках данного подхода сопряжено с 1) выявлением идеологических корней и основных принципов концепции и 2) в анализе эволюционных трендов данной концепции вплоть до настоящего времени.

Методология исследования

Проведение исследования, представленного в данной статье, потребовало применения комплекса методов, обобщенных междисциплинарным подходом. В качестве ключевых методов следует отметить графический метод анализа статистических данных, пример которого представлен на рисунке, сопоставительный статистический метод (данные Информационного агентства ИСНА) и метод анализа религиозно-политического дискурса Ирана, выполненный на основании национальных источников – преимущественно речей религиозных и политических лидеров. Дискурс-анализ в проведенном исследовании был представлен в русле метода концептуального анализа. Его объектами выступили концепты (смыслы), передаваемые отдельными словами, словосочетаниями и целыми текстами, например обращениями лидера к нации. В числе концептов первые места заняли «Исламское пробуждение», «Исламское возрождение», «Экспорт исламской революции» и некоторые другие. Для каждого концепта были определены ряды специфических характеристик, которые позволили, с одной стороны, развести понятия, а с другой – уточнить их смыслы, часто размытые политизированной риторикой отдельных ораторов.

Помимо перечисленных методов применялся хронологический подход к исследованию текстов выступлений иранских лидеров.

Результаты исследования

По итогам проведенного многостороннего анализа обозначенной проблемы авторами данной статьи было установлено, что идеологи «Исламского пробуждения» в Иране возводят происхождение данного термина к речам и трудам основателя Исламской Республики Иран Рухоллы Хомейни³, который, хотя и применял данный термин, делал это говоря о пробуждении либо иранской нации, либо мусульман, не используя слово «исламское»⁴.

Основополагающей внешнеполитической концепцией во время нахождения у власти Рухоллы Хомейни с 1979 по 1989 г. был «Экспорт исламской революции», воплотивший в себя его религиозно-политические идеи. По его мнению, «Экспорт» являлся неотъемлемой частью политики Ирана⁵. Среди важных целей революции можно выделить следующие: 1) отрицание колонизации и иностранного господства; 2) поддержка мусульман и угнетенных во всем мире; 3) развитие убеждений, идей и культуры ислама, поддержка мусульман во всем мире; 4) стремление к укреплению основ единства исламской уммы во всем мире; 5) стремление к пробуждению и единству угнетенных во всем мире; 6) предупреждение и осуждение нарушающих права людей во всем мире⁶.

Однако основополагающей главной чертой концепции «Экспорта исламской революции» был взгляд на Иран как на центр «революции», а на иранского руководителя как на лидера всех мусульман [6]. Несмотря на шиитскую ориентируемость, Исламская революция 1979 г. в Иране послужила мощным катализатором для развития исламизма в странах мусульманского мира [7].

Однако в скором времени ситуация изменилась, поскольку под «экспортом революции» подразумевалось главенство шиитской версии ислама, и идеи аятоллы Хомейни встретили резкое

³Баранов А.В. Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. 2014. № 9. С. 190–204.

⁴Страницы имама Хомейни (сахифёе имам Хомейни). Тегеран: Институт составления и публикации произведений имама Хомейни (отдел международных отношений), 1999. Т. 10. 536 с.

⁵Страницы имама Хомейни (сахифёе имам Хомейни). Тегеран: Институт составления и публикации произведений имама Хомейни (отдел международных отношений), 1999. Т. 12. 512 с.

⁶Теоретические основы экспорта революции с точки зрения имама Хомейни (мабание назарие содуре энглаб аз моназаре эмам хомейни) // Официальный сайт Али Хаменеи «Khamenei.ir», 23.09.2007. URL: <http://farsi.khamenei.ir/others-article?id=10232> (дата обращения 18 января 2019).

отторжение со стороны государств с преобладающим суннитским населением [8].

После смерти Рухоллы Хомейни в 1989 г. концепция «Экспорта исламской революции» стала отодвигаться на второй план, что было связано с прагматической внешней политикой президента страны (1989–1997) Али Акбара Хашеми-Рафсанджани.

Следующий президент Мохаммад Хатами (1997–2005) выдвинул внешнеполитическую концепцию «Диалога цивилизаций», подразумевающую равенство народов и государств⁷.

Пришедший ему на смену Махмуд Ахмадинежад (2005–2013), несмотря на некоторые радикальные внешнеполитические взгляды (например, по поводу уничтожения Израиля), в целом заявлял о стремлении Ирана к равноправному отношению со странами мирового сообщества⁸.

Нынешний президент Ирана Хасан Роухани в своих выступлениях отказался от радикальных внешнеполитических высказываний, настаивая на прагматичной политике страны⁹.

Вместе с этим упоминание в официальных выступлениях концепции «Экспорта исламской революции» полностью не ушло из иранского социально-политического дискурса, но оставалось незначительным.

Другую динамику показывает употребление выражения «Исламское пробуждение». Как видно из рисунка, данный термин начал набирать популярность с начала 2000-х. В 2011 г. термин «Исламское пробуждение» набрал крайне высокую популярность в русле иранской политической риторики, что имеет явную связь с интерпретацией иранской политической элитой событий «Арабской весны».

Здесь показательна эволюция смыслового содержания концепта «Исламское пробуждение».

Первое известное упоминание относится к 15 августа 2000 г. и связано с высказываниями уполномоченного представителя Лидера страны в Корпусе стражей исламской революции ходжат

⁷Страницы имама Хомейни (сахифе-е имам Хомейни). Тегеран: Институт составления и публикации произведений имама Хомейни (отдел международных отношений), 1999. Т. 10. 536 с.

⁸Обращение Президента Исламской Республики Иран Махмуда Ахмадинежада к Генеральной Ассамблее ООН 25 сентября 2007 г. // Махмуд Ахмадинежад: Избранное. Казань: Intelpress+, 2010. 147 с.

⁹Абедини В. Выступления в ООН Рухани и Обамы разбили лед ирано-американских отношений // ИНОСМИ.РУ. Iranian Diplomacy, 30.09.2013. URL: <https://inosmi.ru/world/20130930/213423420.html> (дата обращения 18 января 2019).

оль-эслама Салеком Кашани. Он сказал: «...Духовный лидер [Али Хаменеи] считает исламско-духовное пробуждение и единство мусульман стратегическими факторами для создания великой исламской уммы, и все должны стремиться к ее созданию... Первое влияние, которое оказал имам [Хомейни] на силы, заинтересованные в Исламской революции во всем мире, – их стремление к пробуждению и вере в себя»¹⁰.

В данный период наблюдается неотделимость понятий «Экспорт исламской революции» и «Исламское пробуждение». В этот период понятие «Исламское пробуждение» относилось главным образом к Палестине. Затем с 2003 г. в речах иранских политических деятелей оно стало касаться все больше стран, так как на этот период приходится вторжение США в Ирак¹¹.

В этот период начало формироваться и идеологическое обоснование данной концепции. Примером может служить высказывание одного из главных идеологов «Исламского пробуждения» советника Лидера страны доктора Али Акбара Велаяти: «...Иран и ислам имеют друг с другом неразрывную связь. За два последних века без ислама и исламского пробуждения не было бы возможности сохранения нашего народа и за кулисами всех социально-политических движений прошлых лет был сильный исламский стимул»¹², а также «Пробуждение мусульман само по себе важнейшее оружие для их правления»¹³.

В более поздний период, 15 марта 2009 г., поддержкой идей «Исламского пробуждения» отметился и будущий президент ИРИ

¹⁰ Обращение Президента Исламской Республики Иран Махмуда Ахмадинежада к Генеральной Ассамблее ООН 25 сентября 2007 г. // Махмуд Ахмадинежад: Избранное. Казань: Intelpress+, 2010. 147 с.

¹¹ Мохсен Резаи перед депутатами парламента: если народ будет с режимом и революцией, угрозы для страны не будет существовать (мохсен резай дар джаме намайяндегане маджлес: аяр мардом ба незам ва энглаб башанд, тахдиди барае кешвар воуджуд нахахад дашт) // Информационное агентство ИСНА, 09.04.2003. URL: <https://www.isna.ir/news/8201-03671/> (дата обращения 18 января 2019).

¹² Али Акбар Велаяти: отрицание иранской идентичности – действие, которое не идет на пользу (али акбар веляяти: нафие хоувияте ирани амали бе масляхат нист) // Информационное агентство ИСНА, 30.04.2003. URL: <https://www.isna.ir/news/8202-03455/> (дата обращения 18 января 2019).

¹³ Велаяти: мы должны иметь сдерживающую силу – пробуждение мусульман есть важнейшее оружие (веляяти: баяд годрате баздарандеги даште башим – бидарие мосальманан мохемтарин селах аст) // Информационное агентство ИСНА, 28.07.2007. URL: <https://www.isna.ir/news/8605-02637/> (дата обращения 18 января 2019).

Хасан Роухани. Он заявил, что «Исламская революция в Иране принадлежит не только шиитам и не только народу Ирана, но была большим извращением в исламском мире, первый шаг на пути которого сделал Иран»¹⁴.

Проведенное исследование выявило, что события «Арабской весны» дали сильный импульс к развитию идей «Исламского пробуждения» в Иране. Это использовалось в качестве платформы для расширения влияния Ирана на региональные события. Отправной точкой актуализации данной концепции можно считать речь Али Хаменеи 4 февраля 2011 г.¹⁵

В 2013 г. взгляды Али Хаменеи получили более подробную интерпретацию. По его мнению, корень «Исламского пробуждения» заключается в «возрождении человеческой чести и достоинства в тени ислама», а приоритетом победивших (Арабских) революций является создание «строга на основе исламских принципов» и «процветающей исламской цивилизации»¹⁶.

Однако Хаменеи отказывается соглашаться с мнением, что Иран стремится экспортировать в страны региона собственную религиозно-политическую модель. «Это все тридцатилетняя ложь, которую распространяют, чтобы отделить народы друг от друга и лишить их помощи друг другу, и ее все время повторяют... мы не оставим задачи, которые возложил на наши плечи ислам»¹⁷.

¹⁴Роухани: Перед проектом исламофобии Запада у исламского мира нет пути, кроме единства (Роухани: джахане эслам дар могабеле пружее эсламсаитие гарб рахи джоз вахдат надарад) // Информационное агентство ИСНА, 15.03.2009. URL: <https://www.isna.ir/news/8712-13888/> (дата обращения 18 января 2019).

¹⁵Аятолла Али Хаменеи. Пятничные молитвенные проповеди в Тегеране + перевод проповеди на арабском языке (хотбехайе намазе джомэе техран + тарджомэе хотбейе араби) // Официальный сайт Али Хаменеи «Khamenei.ir», 04.02.2011. URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=10955> (дата обращения 18 января 2019).

¹⁶Аятолла Али Хаменеи. Ответ лидера революции на двадцать вопросов касательно «Исламского пробуждения» (пасохе рахбаре энгелаб бе 20 порсеш дарбарее «бидарие эслами») // Официальный сайт Али Хаменеи «Khamenei.ir», 23.04.2013. URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=22406#8> (дата обращения 18 января 2019).

¹⁷Роухани: Перед проектом исламофобии Запада у исламского мира нет пути, кроме единства (Роухани: джахане эслам дар могабеле пружее эсламсаитие гарб рахи джоз вахдат надарад) // Информационное агентство ИСНА, 15.03.2009. URL: <https://www.isna.ir/news/8712-13888/> (дата обращения 18 января 2019).

В итоге концепция «Исламского пробуждения» получила не только официальную трактовку, но и официальное выражение, в том числе в системе школьного образования, что стало свидетельством ее реального внутривластного потенциала в сфере формирования национального самосознания. Примером этого может служить учебник современной истории Ирана для 11-го класса под авторством А. Велаяти, Дж. Манеш и др. Интересно, что при сравнении разных изданий данного учебника, 2009 и 2016 гг., обнаруживается добавление информации об «Исламском пробуждении». Например, в учебнике версии 2016 г. оказывается, что антиалкогольное движение 1890-х годов «привело к большей консолидации шиитского духовенства и верующих, тем самым показав, что исламское пробуждение в Иране достигло политической и интеллектуальной зрелости» [5], а также что в 1940–1950 гг. Кумская семинария «не избежала движения исламского пробуждения... и сыграла важную роль в сохранении мусульманского общества Ирана от политических и социальных кризисов того периода» и т. п. Таким образом, концепция «Исламского пробуждения» постепенно обретает характеристики идеологической модели, которая опирается на исторические факты для расширения и укрепления своего современного, формирующего мышление нации содержания.

Вывод

Главным отличием от концепции «Экспорта исламской революции» (где Иран представлялся центром мусульманского мира) для «Исламского пробуждения» стала идея полицентричности возникновения данного феномена, а также естественного хода его развития без опоры на шиитский ислам. Это должно было избавить Иран от обвинений в стремлении искусственно революционизировать исламский мир, как это было с «Экспортом исламской революции». Продвижение идей «Исламского пробуждения» можно охарактеризовать как политику «мягкой силы», которую Иран начал использовать в 2000-х гг. для продвижения своих внешнеполитических интересов, но постепенно, особенно после событий «Арабской весны» 2011–2013 гг., расширил ее и на внутривластный контекст, обратившись к своеобразному процессу идеологической интеграции внешней и внутренней политики, примеры которой сегодня можно обнаружить в большинстве исламских государств региона.

Литература

1. *Lapidus I.M.* A History of Islamic Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 971 p.
2. *Баранов А.В.* «Исламское пробуждение» и «Арабская весна»: внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 71–77.
3. *Баранов А.В.* Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. 2014. № 9. С. 190–204.
4. *Ghaderi Araee S M.* Impact of Islamic Revolution in Iran And Islamic Awakening In the world // International Journal of Humanities and Social Science Invention (IJHSSI). V. 7. № 1. 2018. P. 76–81.
5. *Velayati A.A., Manesh J.E. and others.* The modern history of Iran. Tehran: Publishing of textbooks of Iran, 2016. 253 p.
6. *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. 480 с.
7. *Пластун В.Н.* Деятельность экстремистских сил и организаций в странах Востока. Новосибирск: Сова, 2005. 474 с.
8. *Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. М.: РОССПЭН, 2001. 237 с.

References

1. *Lapidus I.M.* A History of Islamic Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 971 p.
2. *Baranov AV.* “Islamic Awakening” and “Arab spring”: foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran. Saratov: Saratov University Press (Series “History. International Relations”) 2013;3:71-7. [In Russ.]
3. *Baranov AV.* The concept of “Islamic Awakening” by Ayatollah Ali Khamenei. History and Historical Memory. 2014;19:190-204 [In Russ.]
4. *Ghaderi Araee SM.* Impact of Islamic Revolution in Iran And Islamic Awakening In the world. *International Journal of Humanities and Social Science Invention (IJHSSI)*. 2018;1:76-81.
5. *Velayati AA., Manesh JE. et al.* The modern history of Iran. Tehran: Publishing of textbooks of Iran. 253 p.
6. *Kepel G.* Expansion and decline of Islamism. Moscow: Ladomir Publ.; 2004. 480 p. [In Russ.]
7. *Plastun V.N.* Activities of extremist forces and organizations in the countries of the East. Novosibirsk: Sova Publ.; 2005. 474 p. [In Russ.]
8. *Khatami M.* Islam, dialogue and civil society. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2001. 237 p. [In Russ.]

Информация об авторах

Никита А. Филін, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; n.filin@rggu.ru

Николай А. Медушевский, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; lucky5659@yandex.ru

Владимир О. Кокликов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, azzuro@list.ru

Information about the authors

Nikita A. Filin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; n.filin@rggu.ru

Nikolay A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; lucky5659@yandex.ru

Vladimir O. Koklikov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 38, Ostozhenka st., Moscow, Russia; azzuro@list.ru

Исследования истории Великой Отечественной войны

УДК 94(438)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-110-130

О неудачной попытке создания польских партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны

Сергей В. Благов

*Калининградский государственный технический университет,
Калининград, Россия, press@klgtu.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена проблематике формирования просоветского польского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны на территории Западной Белоруссии. Глядя на расширение влияния Армии Крайовой в Вилейской области, руководство партизанских отрядов решило вовлечь местных поляков в движение сопротивления на стороне СССР. Выполнение этой задачи во всех западных областях СССР шло тяжело. Однако, не имея соответствующего опыта в вопросах создания собственного польского партизанского движения, партизанским командованием Вилейской области летом 1943 г. были допущены грубые ошибки. К примеру, основу данного отряда составили разоруженные партизаны Армии Крайовой. В результате новое подразделение просуществовало всего несколько недель и вскоре превратилось из союзного во вражеское, обострив и без того напряженную обстановку в вилейском подполье. На основе архивных данных, воспоминаний, а также трудов предшественников автор анализирует условия, в которых происходило создание польского партизанского отряда, его социальный, национальный, численный состав, исследует данные о личности командира Викентия Мрачковского и его роли в судьбе подразделения. Отдельное внимание уделено причинам и последствиям распада польского партизанского отряда.

Ключевые слова: история, партизан, Вилейская область, Беларусь, Польша, поляк, Армия Крайова, ЦШПД, Великая Отечественная война, Вторая мировая война

Для цитирования: Благов С.В. О неудачной попытке создания польских партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 110–130. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-110-130

© Благов С.В., 2019

About the unsuccessful attempt of the creation of the Polish partisan formations during the Great Patriotic war

Sergey V. Blagov

*Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia,
e-mail: press@klgtu.ru*

Abstract. This article is about the problem of the pro-Soviet Polish partisan movement's formation during the Great Patriotic War in the territory of Western Belarus. Looking at the expansion of the influence of the Army Krajowa in Vileika region, the command of the partisan detachments decided to involve local Poles into the resistance movement on the side of the USSR. Since there was no such experience in this region, in the process of creating its own Polish partisan detachment in the summer of 1943 they made a big mistakes. As a result, the new division existed for only a few weeks and turned from the ally into the enemy. The author analyzes the conditions of the creation of the Polish partisan detachment, its social, national features, its size, he explores the personality of the commander Vincenty Mroczkowski and his role in the fate of the division. Special attention is paid to the causes and consequences of the collapse of the Polish partisan detachment.

Keywords: history, partisan, Great Patriotic war, World War Two, Poland, Vileyka region, Armia Krajowa, Pole, CHPM, Belarus

For citation: Blagov SV. About the unsuccessful attempt of the creation of the Polish partisan formations during the Great Patriotic war // *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019; 2:110-30. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-110-130

Введение

Проблема формирования просоветского польского партизанского движения на оккупированных западных территориях СССР слабо освещена как в отечественной, так и в зарубежной литературе. В Польше эти аспекты фигурируют в общих работах периода ПНР или в современных исследованиях, посвященных противостоянию советского подполья с Армией Крайовой. В СССР на пике популярности работ по тематике Великой Отечественной войны вспоминали лишь положительные примеры сотрудничества польских и советских партизан. Тем временем создание единого антифашистского фронта на территориях западных областей БССР и УССР, до 1939 г. входивших в состав Польши, сталкивалось с большими

трудностями. Среди прочего, они были связаны с идеологической работой проправительственного польского подполья в лице Союза вооруженной борьбы, затем Армии Крайовой, наличием постоянной угрозы со стороны оккупационных властей, а часто и неосмотрительными действиями местных партизанских органов.

Некоторые попытки создать польские формирования в составе советских партизанских сил в итоге имели обратный эффект и превращались в открытое противоборство потенциальных союзников. Впервые в годы Великой Отечественной войны такая ситуация сложилась именно в Вилейской области БССР. Последствия конфликта имели характер открытого противостояния польского и советского подполья. Цель данной статьи – на основании имеющихся источников исследовать ход создания первого польского национального отряда на территории Вилейской области БССР и проанализировать причины неудачных попыток активизировать подпольную деятельность польского населения, предпринятых советскими партизанами.

Вилейская область была образована в составе Белорусской ССР в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 декабря 1939 г. по итогам присоединения к Советскому Союзу восточных регионов Польши. По площади она немногим уступала территории бывшего Виленского воеводства. От него к Литве отошла столица – Вильно с прилегающим районом, что составило менее четверти от всей области. Установить точную численность населения и его национальный состав на момент создания Вилейской области не представляется возможным. С учетом динамики демографических процессов можно использовать данные Всеобщей переписи населения Польши 1931 г. На этот год в Браславском, Дисненском, Молодеченском, Ошмянском, Поставском, Свенцяном и Вилейском поветах, составивших Вилейскую область БССР, проживали 867 тыс. человек, около 810 тыс. из которых были сельскими жителями. Учитывая темпы прироста населения, можно предположить, что к 1939 г. его численность примерно равнялась 1 млн человек. По признаку родного польского языка и католического вероисповедания можно установить, что чуть более половины населения относилось к полякам¹.

С приходом советской власти местные жители столкнулись с новыми общими для территорий Западной Украины и Западной Белоруссии реалиями. Ускоренными темпами начала проводиться

¹Drugi Powszechny Spis Ludności z dn. 9. XII 1931 r.: mieszkania i gospodarstwa domowe, ludność, stosunki zawodowe: województwo wileńskie bez miasta Wilna [Электронный ресурс]: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/doccontent?id=2110&dirids=1> (дата обращения 22 ноября 2018).

коллективизация, сопровождающаяся репрессиями в отношении местной польской интеллигенции. В преимущественно аграрном регионе насаждение колхозов было воспринято негативно.

По этой причине приход немецких войск летом 1941 г. воспринимался зачастую крестьянами как шанс вернуть прежнюю собственность. Есть факты, что в момент оккупации Вилейской области местные поляки не только выдавали немецким войскам партийных работников и коммунистов, но и совершали нападения на отступающих красноармейцев [1 с. 57]. Терминология официальной советской историографии объясняет это тем, что к началу Великой Отечественной войны в западных районах Белоруссии «еще не полностью завершился процесс ликвидации всех эксплуататорских классов, только лишь началась перестройка на социалистический лад всей жизни»². К 5 июля 1941 г. Вилейская область была полностью оккупирована, и 1 сентября того же года ее территория вошла в состав созданного гитлеровцами Генерального округа Белоруссия. Регион был выделен в отдельный окружной район Крайсгебит Вилейка.

Еще в июле 1941 г. для переброски в направлении Вилейки на территории Витебской области были созданы несколько партизанских групп, но пробиться через линию фронта смогла только одна из них. Осенью 1941 г. в тыл для организации партизанского движения прибыл заместитель председателя Вилейского обласполкома Ф.Г. Марков. Он начал работу по созданию партизанских групп из окруженцев и бывших военнопленных. По официальным данным, первый советский партизанский отряд в Вилейской области образовался только в мае 1942 г.³

К этому времени отношение польского населения к оккупационным властям и советским партизанам успело кардинально поменяться. С одной стороны, были установлены дипломатические и даже союзнические отношения между польским правительством

²За край родной: Воспоминания партизан и подпольщиков Барановичской области. Минск: Беларусь, 1978. С. 7.

³В источниках есть информация о группе отрядов, действовавших в Вилейской области до мая 1942 г., например отряд лейтенанта РККА Свентаржицкого, организованный в апреле 1942 г. Он состоял в основном из местных жителей и насчитывал 70 человек. См.: Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1942). Минск: Беларусь, 1983. С. 161. Беседа с тов. Соломоновым Иваном Сергеевичем, связным из отряда им. Кузнецова, прибывшим на лечение. 3 декабря 1942 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. Оп. 4. Д. 68. Л. 13.

в эмиграции и СССР, в Советском Союзе шло комплектование польской армии. С другой стороны, изменилось и отношение немецких оккупационных властей к полякам. До 1942 г. они занимали все ключевые административные посты в Крайсгегите Вилейка, но в конце 1941 г. начались массовые увольнения поляков из местных органов самоуправления и полиции⁴. К концу 1942 г. польское население уже насильно вывозили на работы в Германию. По данным советских партизан, в некоторых районах доходило до того, что для идентификации поляков им на одежде положено было носить белую букву «П»⁵.

По мнению советских партизан, такие меры немцы могли предпринять в качестве реакции на активизацию деятельности польского подполья⁶. Работа Союза вооруженной борьбы, который в феврале 1942 г. был переименован в Армию Крайову, действительно была заметна. Вильно хоть и отделили от остальной территории воеводства, но не для поляков. Этот город стал ключевым центром польского подполья для территории Западной Белоруссии. В Вилейской области сторонников деятельности Армии Крайовой оказалось гораздо больше, чем у советских партизан, в чем последние вскоре убедились. «Особенно хорошо относится [к нам] польское население. У всех их имеется оружие и патроны, которыми они частично делятся с нами и оставляют себе» — так в отчетах характеризовали поляков Вилейской области советские партизаны в 1942 г.⁷ Они слали в центр рапорты об успешной агитационной работе среди жителей⁸, но в то же время признавали, что свое бу-

⁴Об обстановке в Вилейской области. От 5 января 1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 68. Л. 145 об. — 146.

⁵Докладная записка т. Климову, секретарю Вилейского обкома КП(б)Б, партизана Ловина Антона Демьяновича от 6 января 1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 68. Л. 174.

⁶Об обстановке в Вилейской области. От 5 января 1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 68. Л. 146.

⁷Докладная записка № 1 секретарю Вилейского обкома т. Климову о боевой деятельности партизанского отряда Петрова в Вилейской области БССР. От 3 октября 1942 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 68. Л. 160.

⁸В одном из сообщений советских партизан Вилейской области рассказывалось о том, что весной 1942 г. среди местного населения распространили 40 листовок на польском языке о ходе войны и о планах Гитлера. Это поменяло их настроение, говорилось в документе (Докладная записка секретарю Вилейского обкома КП(б)Б тов. Климову от командира партизанской группы Азончика Александра Семеновича // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 68. Л. 165).

дущее местные поляки открыто связывали с Польшей. В одной из докладных записок указывалось, что польское население хоть и «против немцев, но ожидает прихода польской армии, генерала Сикорского. Поляки всегда спрашивают у партизан о Сикорском, польской национальной армии»⁹. Уже тогда советская подпольная разведка заговорила о целесообразности создания собственных польских отрядов в Вилейской области¹⁰.

По данным Ф.Г. Маркова, с польским подпольем он впервые столкнулся, находясь в Вильно в 1941 г. На протяжении 1942 г. он безуспешно пытался вовлечь поляков в совместную борьбу против немцев. Не добившись цели, Марков внедрил в ряды польского подпольного движения своих доверенных лиц, которые вели разведку и занимались его разложением¹¹.

К весне 1943 г.¹² на территории Поставского района Вилейской области БССР появился первый вооруженный отряд Армии Крайовой под командованием Антония Бужиньского (псевдоним «Кмитиц»). По сообщению Ф.Г. Маркова, с момента создания этого подразделения местное руководство советских партизан пыталось наладить контакт с новым формированием. 3 июня 1943 г. в районе озера Нарочь состоялась первая встреча. На ней Марков и Бужиньский¹³ договорились о совместной координации действий против немцев и

⁹ Докладная записка т. Климову, секретарю Вилейского обкома КП(б)Б, партизана Ловина Антона Демьяновича от 6 января 1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 68. Л. 173об.

¹⁰ Записка о настроениях польского населения в западных областях Украины и Белоруссии Димитрову от Пономаренко 23 декабря 1943 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 425а. Л. 79.

¹¹ Отчет о работе Вилейского подпольного обкома КП(б) Белоруссии за период август–ноябрь 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 491. Л. 21.

¹² Данные о времени появления отряда расходятся. Со ссылкой на других польских авторов, историк Б. Мусял называет март 1943 г. [1 с. 590]. Сам Ф.Г. Марков в отчете для ЦШПД обозначил период зарождения отряда АК «Кмитица» маем 1943 г. (см.: Информация о польском легионе Кмитица комиссара бригады им. Ворошилова Ф.Г. Маркова от 15 октября 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 488. Л. 189). Командир бригады им. Гастелло В.А. Манохин указывает, что отряд «Кмитица» появился лишь к июлю 1943 г. (см.: Докладная записка о состоянии в Ошмянском районе Вилейской области БССР от 19 августа 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 287).

¹³ В открытой энциклопедии Википедия на странице, посвященной Ф.Г. Маркову, приводится информация о том, что командир партизанской

установлении постоянной связи. Политические вопросы не обсуждались. Однако советские партизаны внедрились своих агентов в ряды отряда Армии Крайовой для ведения разведки и возможного разложения подразделения¹⁴. Вполне справедливо позднее партизанское командование Вилейской области отметит, что причина появления этого польского формирования состояла в противопоставлении укрепляющемуся «красному» вооруженному подполью¹⁵.

Если в начале июня 1943 г. партизаны Вилейской области еще не знали, как вести себя с независимыми польскими формированиями, то к концу месяца из Москвы пришли соответствующие распоряжения. Уже позади был вывод армии Андерса из Советского Союза в критический для всей войны момент, героическая победа под Сталинградом, разрыв дипломатических отношений между Польшей и СССР после «катынского дела» и начало формирования армии Берлинга в Советском Союзе. Поэтому постановление «О мероприятиях по дальнейшему развертыванию партизанского движения в западных областях Белоруссии» от 22 июня 1943 г. и «Закрытое письмо ЦК КП(б)Б о военно-политических задачах работы в западных областях БССР» несли в себе ряд радикальных рекомендаций. В последнем документе местным подпольным властям четко дали понять, какие средства необходимо пускать в ход в отношении «польских националистических организаций»: проводить разведку, разлагать, переподчинять, разоружать и чистить от враждебных элементов. В письме также официально было разрешено создавать польские национальные отряды советской ориентации¹⁶.

Таким образом, местные партизанские руководители получили широкие полномочия, которые тут же пустили в ход. С этого пери-

бригады им. Ворошилова с «Кмитицем» были одноклассниками, что не является правдой. Фамилия Бужинский также ошибочно приводится в качестве псевдонима командира отряда АК (См.: Марков Федор Григорьевич [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%A4%D1%91%D0%B4%D0%BE%D1%80_%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 [дата обращения 22 ноября 2018]).

¹⁴ Информация о польском легионе Кмитица комиссара бригады им. Ворошилова Ф.Г. Маркова от 15 октября 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 488. Л. 189.

¹⁵ Отчет о работе Вилейского подпольного обкома КП(б) Белоруссии за период август–ноябрь 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 491. Л. 21–22.

¹⁶ Закрытое письмо ЦК КП(б)Б о военно-политических задачах работы в западных областях БССР // РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 8. Л. 67.

ода командир бригады им. Ворошилова Ф.Г. Марков активизировал свою работу в отношении подразделения «Кмитица». Однако, по признанию самого лидера партизанского движения Вилейской области, эта деятельность плодов не принесла. Напротив, благодаря поддержке местного населения отряд Антония Бужиньского продолжал расти и достиг 300 человек. После того как метод разложения и переманивания польских партизан не дал своих плодов, Ф.Г. Марков, который, ко всему прочему, руководил военно-оперативным отделом в Вилейском подпольном обкоме КП(б)Б, решил объединить в противовес «польским националистам» местных «советских поляков». В своем письме от 4 августа 1943 г. он предлагал начальнику Центрального штаба партизанского движения создать целый «Польский союз борьбы с оккупантом» и просоветский польский отряд [2 с. 291–292]. Польский союз в итоге так и не появился, а вот идея с отрядом нашла продолжение. Достаточно подробно об этом Ф.Г. Марков рассказал в отчете, подготовленном для начальника ЦШПД П.К. Пономаренко: «Около Браслава был поляк Мрачковский, связан с 1941 г. с советскими партизанами, имел организованных 30 чел. белорусов. Мрачковский просил меня выслать телеграмму Ванде Василевской¹⁷, что и было сделано через Центральный штаб. Одновременно Мрачковского с его людьми я противопоставил против легиона Кмитица для его разложения и перевода на свою сторону»¹⁸.

Данное сообщение оставляет много вопросов, ответы на которые разбросаны в самых различных источниках. Первый и, пожалуй, самый простой вопрос – кто такой Мрачковский¹⁹? Проливают свет на этот счет данные, полученные от военврача

¹⁷ Ванда Василевская – польская писательница, коммунистка, председатель «Союза польских патриотов», организации, созданной в 1943 г. в СССР. Через СМИ, другие средства пропаганды СПП должен был влиять на общественное мнение польского населения в просоветском ключе. «Союз польских патриотов» также курировал создание на территории СССР польских вооруженных сил, в том числе и Польского штаба партизанского движения в 1944 г.

¹⁸ Информация о польском легионе Кмитица комиссара бригады им. Ворошилова Ф.Г. Маркова от 15 октября 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 488. Л. 189.

¹⁹ Вопрос возникает даже о правильном написании фамилии этого командира польского отряда. В польских исследованиях используется версия Мрочковский [16 с. 290; 17 с. 288; 18]. Б. Мусял в своей работе использует версию Мрачевский. Ошибка, скорее всего, вкралась из-за невнимательного перенесения ее из источника [2 с. 591–592].

Т.Н. Смолиной²⁰, которая тесно общалась с Викентием Мрачковским (псевдоним «Запора»). По ее данным, он родился в 1903 г., его семья владела достаточно крупным земельным участком. Во время Гражданской войны он переехал в Польшу, где проходил военную службу и имел награды. С 1937 г. работал техником на водопроводном канале в Вильно. После включения восточных областей Польши в состав СССР трудился в МТС. При немцах работал в автомастерской. Боясь быть отправленным в прифронтовую зону, ушел с семьей в леса, организовал свой отряд, установил связь с советскими партизанами и даже отличился в совместной подпольной работе²¹. Интересный штрих добавляют польские источники, указывающие, что в Мрачковском офицеры Армии Крайовой узнали взводного²² 19-го полка легкой артиллерии Войска Польского, в 1938 г. уволенного с военной службы за пьянство²³. Этот факт по времени практически идеально вписывается в биографию, составленную из советских данных, и может объяснить, почему он ушел на гражданскую службу. По итогам знакомства Смолина сделала однозначный вывод: «Несомненно, Мрачковский – враг большевизма и Советской власти, всячески пытаюсь маскироваться»²⁴.

²⁰ Польский автор Ян Станислав Смалевский, на основе воспоминаний одного из офицеров АК, сообщает, что в бригаде Армии Крайовой, в которой оказались и Смолина, и Мрачковский, между ними возникли тесные отношения. «...Тайком встречались, и дело тут было вовсе не в обычных дамско-мужских делах». Якобы вместе с ней Мрачковский, находясь в расположении лагеря АК, шпионил в пользу Советов.

²¹ Показания Смолиной Тамары Николаевны от 12 января 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 135 об.

²² Неизвестно воинское звание Викентия Мрачковского. Самое низшее из упомянутых – взводный – встречается только в приведенных выше воспоминаниях. В остальных источниках указываются его младшие офицерские звания подпоручик и капитан. Последнее, по данным того же Смалевского, Мрачковский получил от советского командования (см.: *Smalewski J.S. Z kart historii nieznanej: Sowietckie zdrady*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smalewski.c0.pl/index.php/z-kart-historii-nieznanej-sowieckie-zdrady-1> / [дата обращения 29 ноября 2018]). Для сравнения, в советских документах он упоминается как подпоручик Польской Армии (см.: Отчет о работе Вилейского подпольного обкома КП(б) Белоруссии за период август–ноябрь 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 491. Л. 22).

²³ См. также информацию о том, что Мрачковский служил в 19-м полку легкой артиллерии, у польского историка М. Юхневича [17 с. 306].

²⁴ Показания Смолиной Тамары Николаевны от 12 января 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 136.

Однако не будем столь категоричны к Мрачковскому, тем более что это суждение относится уже к 1944 г., а летом 1943 г. он проявлял достаточную лояльность к советским партизанам для того, чтобы возглавить первое польское национальное подразделение на территории Вилейской области БССР. Группа Мрачковского превратилась в отряд при трагическом стечении обстоятельств.

В августе 1943 г. в Ошмянском районе Вилейской области стали появляться новые «аковские» формирования²⁵. Возможно, это и подтолкнуло Ф.Г. Маркова к решительным действиям в отношении самого крупного соседнего отряда Армии Крайовой. Из отчета командира партизанской бригады им. Ворошилова следует, что 20 августа 1943 г. разведка донесла ему, что комсостав «подпольных организаций польского легиона» провел тайное совещание, на котором было принято решение активизировать антисоветскую работу, вплоть до разоружения советских партизан. Поэтому он решил действовать на опережение. С разрешения начальника ЦШПД П.К. Пономаренко 26 августа 1943 г. он провел операцию по разоружению отряда «Кмитица»²⁶. Ф.Г. Марков использовал для этих целей добрососедские отношения. Ничего не подозревавший Антоний Бужиньский вместе со своим штабом по приглашению соседей прибыл в расположение бригады им. Ворошилова, где и был арестован. Следом был разоружен лагерь отряда Армии Крайовой. Из 300 человек личного состава 200 оказались арестованными, остальные на базе отсутствовали. Следствие над «польскими националистами» вел начальник оперативной группы от литовского НКВД Йонас Вильджюнас, он же тов. Бер. В итоге 80 человек отпустили по домам, 70 передали в распоряжение Викентия Мрачковского²⁷, а оставшихся 50, включая командный состав, расстреляли²⁸.

²⁵ Показания Смолиной Тамары Николаевны от 12 января 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 136.

²⁶ Информация о польском легионе Кмитица комиссара бригады им. Ворошилова Ф.Г. Маркова от 15 октября 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 488. Л. 190.

²⁷ Данные о численности переданных Мрачковскому партизан «Кмитица» в разных источниках расходятся. Например, на основании данных того же Маркова в Белорусском штабе партизанского движения в ноябре 1943 г. насчитали 80 человек (см.: Справка о польской национальной организации от 21 ноября 1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 24). См. для сравнения в отчете Вилейского обкома в то же самое время, в ноябре 1943 г., насчитали 100 переданных в распоряжение Мрачковского «польских легионеров» (Отчет о работе Вилейского подпольного обкома КП(б) Белоруссии за период август–ноябрь 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 491).

²⁸ Информация о польском легионе Кмитица комиссара бригады им. Ворошилова Ф.Г. Маркова от 15 октября 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 488. Л. 190.

Фактически новый отряд оформился сразу после разоружения подразделения Бужиньского и передачи его «легионеров» Мрачковскому, о чем командир бригады им. Ворошилова докладывал в БШПД 30 августа 1943 г. [2 с. 293]. В переписке с руководителем партизанского движения П.К. Пономаренко вилейские партизаны предлагали в качестве варианта подчинение нового подразделения, которое они называли ввиду большой численности бригадой, непосредственно Союзу польских патриотов. Начальник ЦШПД выступил категорически против этой инициативы. 11 сентября 1943 г. прозорливый П.К. Пономаренко подготовил письмо на имя командиров бригад им. Ворошилова и Рокоссовского, в котором и вовсе написал, что никакую бригаду из разоруженных поляков создавать не следует, правильной – распределить этих партизан по своим подразделениям [2. с. 294].

Ф.Г. Марков к рекомендациям руководства отнесся прохладно. 16 сентября 1943 г. бригаде им. Ворошилова прошел приказ о создании нового подразделения. В нем говорится: «Бывший польский отряд подчиняется и вводится в состав партизанской бригады Маркова, как польский советский отряд на равных правах с остальными отрядами бригады»²⁹. Название созданного подразделения в приказе не указано, что вызывает споры среди исследователей. Польские и белорусские авторы пишут, что подразделение было названо в честь польского национального героя Бартоша Гловацкого³⁰ [2 с. 290; 3 с. 288; 4 с. 98]. Другая версия, которая также находит подтверждение в источниках, указывает на то, что он был назван в честь Ванды Василевской. Во-первых, так его в своей докладной записке от 19 августа 1944 г. называет командир соседней

²⁹ См. также приказ № 6 военно-оперативного отдела партизанского центра Вилейской области от 15 сентября 1943 г. (НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 68. Л. 61); в фондах Национального архива Республики Беларусь в этом же деле есть копия приказа с проставленной карандашом датой 15 сентября. Встречается в этом деле и еще одна дата – 6 сентября 1943 г., вписанная чернилами в дневник приказов. Однако, учитывая, что предыдущий приказ № 5 в этом дневнике носит дату 15 сентября, можно сделать вывод, что это просто опечатка, и правильной следует считать дату 16 сентября 1943 г. (см.: Приказ № 6 военно-оперативного отдела партизанского центра Вилейской области от 6 сентября 1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 68. Л. 243).

³⁰ *Smalewski J.S.* Śmierć „Zapory”. [Электронный ресурс]. URL: <http://pisarze.pl/publicystyka/2883-jan-stanisaw-smalewski-z-kart-historii-nieznaney-13.html> (дата обращения 1 февраля 2019).

партизанской бригады им. Гастелло В.А. Манохин³¹. Во-вторых, после того как это подразделение было ликвидировано, местные «аковцы» в качестве прикрытия, используя тактику партизанской мимикрии, представлялись отрядом им. Ванды Василевской³². Да и самого Мрачковского они пренебрежительно называли не иначе, как «Васильком»³³. Впрочем, такое язвительное прозвище мог получить и любой другой, кто был связан с просоветским польским партизанским движением, вдохновляющим Ванду Василевскую.

Численность отряда составляла ориентировочно 100 человек. Точную цифру назвать сложно, поскольку «польские легионеры», прибывшие из отряда «Кмитица», с первых же дней начали бежать из расположения советской бригады³⁴. Даже если считать по минимуму, что передано было 70 человек, к моменту исчезновения подразделения в нем будет на 10 партизан меньше. При этом боевых потерь у отряда не было. Судить о национальном составе подразделения также сложно. В группе Мрачковского Ф.Г. Марков усмотрел 30 белорусов. Описывая национальный состав отряда «Кмитица», командир бригады им. Гастелло В.А. Манохин также отметил, что поначалу его основу составляли белорусы-католики³⁵. Теперь бывшие «аковцы» составляли 70% партизан нового подразделения. Из этого можно сделать вывод, что существенную часть,

³¹ Докладная записка о состоянии в Ошмянском районе Вилейской области БССР от 19 августа 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 288.

³² Показания Смолиной Тамары Николаевны от 12 января 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 133 об.

³³ Там же.

³⁴ Командир партизанской бригады им. Гастелло В.А. Манохин пишет в докладной записке о том, что прикрепленные к отрядам бригады им. Ворошилова польские партизаны «все до единого через несколько дней бежали» [Докладная записка о состоянии в Ошмянском районе Вилейской области БССР от 19 августа 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 288]. Информация о бегстве поляков в первые же дни есть в воспоминаниях партизана этого отряда Антония Рымши (*Smalewski J.S. Sowieckie zdrady* [Электронный ресурс]. URL: <http://pisarze.pl/publicystyka/2242-jan-stanislaw-smalewski-sowieckie-zdrady-7-.html> [дата обращения 2 февраля 2019]). Начальник особого отдела бригады им. Ворошилова в отчете (Справка о проделанной работе особым отделом от ноября 1943 до 20 февраля 1944 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 265. Л. 288–289) уточнил, что «польские легионеры» продолжали дезертировать и в ноябре 1943 – феврале 1944 г. Из 27 беглецов часть присоединилась к бригаде АК.

³⁵ Докладная записка о состоянии в Ошмянском районе Вилейской области БССР от 19 августа 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 287.

если не большинство, в отряде Мрачковского представляли именно белорусы. Не смутил местное партизанское командование и сомнительный социальный состав бывшего подразделения Армии Крайовой. Вот как его характеризовал сам Ф.Г. Марков: «Бригада росла за счет скомпрометированных чиновников немецкой администрации, переходящей полиции с гарнизонов и направляемых людей из Виленского польского центра»³⁶. Эти люди теперь составляли большинство нового советского партизанского отряда.

Установить информацию о непродолжительной деятельности данного подразделения можно исключительно по воспоминаниям членов «аковского» подполья, оказавшихся в его рядах после разоружения «Кмитица». Я.С. Смалевский в своих трудах использует данные Антония Рымшы (псевдоним «Макс»). По его словам, советское командование относилось к полякам из нового подразделения с недоверием, что можно понять. Выразилось оно и в том, что оружие у бывших «легионеров» забрали в другие отряды бригады им. Ворошилова, взамен новым партизанам Мрачковского достались неисправные карабины с боезапасом по пять патронов на человека. Для идеологической обработки к подразделению был приставлен комиссар – польский еврей по фамилии Марецкий. Однако его работа оказалась непродуктивной. Дабы скрепить боевое братство, считает Рымша, польский отряд взяли в составе всей бригады им. Ворошилова на операцию против немецкого гарнизона города Мядель. Однако полякам доверили лишь охрану пекарни и доставку масла с молокозавода. По словам партизана «Макса», это была первая и последняя акция, в которой новый отряд принял участие вместе с советскими партизанами³⁷.

Дату и обстоятельства распада данного подразделения также достаточно трудно установить. Самое раннее упоминание о его распаде содержится в сообщении от 13 октября 1943 г. Старший помощник начальника 2-го отдела БШПД передает информацию от подпольных властей Вилейской области, где говорится, что «Мрачковский распустил свой отряд группами “на задание”... ушел и не вернулся»³⁸.

³⁶ Информация о польском легионе Кмитица комиссара бригады им. Ворошилова Ф.Г. Маркова от 15 октября 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 488. Л. 190.

³⁷ *Smalewski J.S.* Sowietckie zdrady [Электронный ресурс]. URL: <http://pisarze.pl/publicystyka/2242-jan-stanislaw-smalewski-sowieckie-zdrady-7-.html> (дата обращения 15 февраля 2019).

³⁸ Справка о польской национальной организации старшего помощника начальника 2 отдела БШПД капитана Косского от 21 октября 1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 23–24.

Если сопоставить данные источников, получается, что польский национальный отряд, созданный Ф.Г. Марковым, фактически перестал существовать едва ли не в тот же момент, что стал существовать на бумаге. Сам Марков, не называя сроков, 15 октября указывает, что в его отсутствие Викентий Мрачковский узнал о расстреле командования отряда «Кмитица» «и под впечатлением этого был завербован польскими националистами», а по факту покинул расположение бригады им. Ворошилова с 60 бойцами. В советском лагере он оставил 30 своих людей для того, чтобы они собрали оружие и позже присоединились к своему командиру. После ухода Мрачковского их расстреляли³⁹. В отчете Вилейского обкома КП(б)Б дается уточнение, что оставшиеся в лагере были еще раз разоружены и распределены по отрядам бригады им. Ворошилова. Также, если верить отчету, командование бригады выяснило, что они готовили массовый теракт против «ворошиловцев» и подпольного руководства области. Даже приводится его точная дата – ночь с 25 на 26 сентября, однако совершению террористического нападения помешала карательная экспедиция немцев⁴⁰.

Почему же Мрачковский вдруг решил уйти из расположения советских партизан? Мнение о том, что польский командир решил-ся на такой поступок после новости о том, что его подразделение подчинили бригаде им. Ворошилова, высказанной в отчете Вилейского обкома⁴¹, кажется сомнительным. Скорее всего, это просто совпадение по времени. Данная точка зрения разбивается и о тезис Ф.Г. Маркова о том, что Викентий Мрачковский сам просил связать его с Вандой Василевской, «рупором» польских коммунистов в СССР. Кстати, она ему ответила и даже пригласила на встречу в Москву. И здесь не обошлось без совпадений: письмо Пономаренко с информацией об этом было составлено прямо в день разоружения отряда «Кмитица». Начальник ЦШПД поручил командиру бригады им. Ворошилова обеспечить доставку Мрачковского в столицу [2 с. 293]. Еще один аргумент в пользу польского командира – он уже продолжительное время успешно сотрудничал с советскими партизанами ранее. Версия Маркова, что под впечатлением от расстрела Мрачковский «был завербован польскими националистами», сагитировал своих партизан и сам перешел на сторону

³⁹ Информация о польском легионе Кмитица комиссара бригады им. Ворошилова Ф.Г. Маркова от 15 октября 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 488. Л. 190.

⁴⁰ Отчет о работе Вилейского подпольного обкома КП(б) Белоруссии за период август–ноябрь 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 491. Л. 22.

⁴¹ Там же.

Армии Крайовой⁴², выглядит более правдоподобной. При этом, как отметил командир бригады им. Гастелло, около месяца командир польского отряда колебался и не присоединялся ни к советским партизанам, ни к подразделениям Армии Крайовой⁴³. Этот факт также находит подтверждение. В частности, лишь во второй половине октября 1943 г. разведка заметила, что Мрачковский с отрядом из 24 человек «ушел в направлении Вильно на связь с центром»⁴⁴.

Массовые расстрелы, как средство в борьбе за право господства в Нарочанской пуше, наверняка шокировали командира польского отряда. Они стали шоком для всего местного населения и подполья Армии Крайовой. Об этом руководству ЦШПД писал командир бригады им. Гастелло В.А. Манохин: «Почти демонстративный расстрел 80 поляков под Нарочем и возмутительное мародерство и грабежи, сопровождавшие процедуру разоружения – насторожили часть белорусов-католиков, отпугнули от нас». Саму операцию по разоружению он считал преждевременной и непродуманной. По мнению Манохина, санкцию на ее Марков получил в результате дезинформации ЦШПД⁴⁵. К слову, подтверждения данных о готовящемся разоружении советской бригады «аковцами» в архивах нет. Да и силой советские партизаны располагали достаточной для того, чтобы оказать этому достойное сопротивление. К описываемым событиям их численность в Вилейской области превышала 3000 человек⁴⁶, т. е. в 10 раз больше, чем у «Кмитица». Невзирая на обстоятельства личных отношений между командирами партизанских бригад им. Ворошилова и Гастелло, можно сказать однозначно, что положение советского подполья после расстрела «аковцев» в регионе значительно ухудшилось. Особенно тяжело приходилось именно партизанам В.А. Манохина, базировавшимся в Ошмянском районе. Лишившись поддержки местного населения и получив помимо немцев еще и открытых врагов в лице подразделений Армии

⁴² Информация о польском легионе Кмитица комиссара бригады им. Ворошилова Ф.Г. Маркова от 15 октября 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 488. Л. 190.

⁴³ Докладная записка о состоянии в Ошмянском районе Вилейской области БССР от 19 августа 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 288.

⁴⁴ Донесение Михайловича от 23 октября 1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 68. Л. 73об.

⁴⁵ Письмо капитана Манохина начальнику ВЧ 00125, ген.-лейтен. тов. Пономаренко от 20 января 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 77–77 об.

⁴⁶ Диаграмма роста численности партизан в Белоруссии с 1 января 1943 г. по 1 марта 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 18. Л. 157.

Крайовой, бригада им. Гастелло вынуждена была покинуть контролируемые ранее территории⁴⁷. Освобождены от сил АК они были только в ходе операции «Багратион» Красной Армии летом 1944 г.

Вот еще один инцидент, который мог стать последней каплей для колебавшегося Мрачковского, приводит в своей докладной записке командир бригады им. Гастелло В.А. Манохин. Он пишет, что сразу после разоружения отряда «Кмитица» из-за фронта прибыл один из партийных руководителей Вилейской области⁴⁸, который собрал совещание партизанских командиров по польскому вопросу. На него пригласили Мрачковского вместе со штабом. Новоприбывший партийный руководитель вначале просто позволил себе резкие высказывания: «Мы полячков били и будем бить». В завершение совещания «употребление слова “польские партизаны” было осуждено, а Мрачковскому было приказано – национальные гербы с головных уборов личного состава снять». После этого, по словам капитана Манохина, польский командир вместе со своим отрядом из расположения бригады и ушел^{49, 50}. Когда он определился, то оказался в расположении 5-й Виленской бригады АК. За основу для ее создания как раз взяли уцелевших бойцов отряда «Кмитица».

Мог ли Мрачковский уйти после описанного выше совещания? Безусловно да. Для польских партизан, воевавших в составе других соединений как на территории Белоруссии, так и на территории Украины, форма, подчеркивающая принадлежность к национальным вооруженным силам, была важнейшим, а иногда

⁴⁷ Докладная записка о состоянии в Ошмянском районе Вилейской области БССР от 19 августа 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 289–295.

⁴⁸ По мнению польского историка М. Гнатовского (*Gnatowski M. Dokumenty o stosunku radzieckiego kierownictwa do polskiej konspiracji niepodległościowej na północno-wschodnich Kresach Rzeczypospolitej w latach 1943–1944* // *Studia Podlaskie*. Т. 5. Białystok, 1995. S. 317), это был не кто иной, как 1-й секретарь Вилейского подпольного обкома КП(б)Б И.Ф. Климов, который примерно в это время вместе с руководителем по комсомольской работе Ф.А. Сургановым был переброшен из-за линии фронта.

⁴⁹ Докладная записка о состоянии в Ошмянском районе Вилейской области БССР от 19 августа 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 288.

⁵⁰ См. также: О Мрачковском // РГАСПИ. Оп. 1. Д. 67. Л. 81. В фонде 625 П.К. Пономаренко в РГАСПИ в деле, посвященном Армии Крайовой, также хранится отдельным листом отрывок докладной записки, посвященный данному совещанию.

единственным отличительным атрибутом. Она помогала находить расположение местного польского населения, в том числе привлекала в ряды новых партизан. Принуждение снять знаки отличия воспринималось однозначно как покушение на честь и достоинство польского офицера.

Судьба Викентия Мрачковского оказалась еще более драматической, чем всего польского подполья. Упоминающиеся в источниках характеристики типа «враг большевизма», скрывающий «подлинную физиономию», едва ли применимы к нему. Этого командира несостоявшегося польского советского отряда можно назвать скорее жертвой жестоких обстоятельств. Ему, однозначно, не хватало решительности, важного качества в военном руководстве, которого, к примеру, было в избытке у того же Маркова. Он еще летом 1943 г. не мог определиться, на чьей стороне воевать – Армии Крайовой или советских партизан. Однако его убедили пойти за «красными» подпольщиками [2 с. 290–291]. Если верить данным Антония Рымши, так же не долго он сопротивлялся, когда переходил на сторону АК⁵¹. Судя по данным, предоставленным военврачом Смолиной, Мрачковский, даже находясь в бригаде АК, продолжал колебаться: говорил о необходимости дружбы между Польшей и СССР, выражал желание уйти от «аковцев», восхищался генералом Берлингом⁵². По всей видимости, он просто хотел воевать против немцев, а не выяснять отношения между польскими и советскими группировками, но оказался чужим и среди своих, и среди чужих. В итоге в отечественной и в польской историографии о нем чаще пишут как о предателе. Такая характеристика применима, но только в условиях военного времени. Подобные метания, к сожалению, нередко сопровождают сложные военные конфликты, в которых участникам не до конца понятно, с какой стороны враг, и, как правило, заканчиваются трагедиями. Так произошло и с Мрачковским: при попытке уйти на этот раз из расположения бригады Армии Крайовой он был убит⁵³. Кстати, этот факт был подхвачен

⁵¹ *Smalewski J.S.* Sowieckie zdrady [Электронный ресурс]. URL: <http://pisarze.pl/publicystyka/2242-jan-stanislaw-smalewski-sowieckie-zdrady-7-.html> (дата обращения 15 февраля 2019).

⁵² Показания Смолиной Тамары Николаевны от 12 января 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 136.

⁵³ Существуют разные версии относительно гибели Викентия Мрачковского. Одну из них называет командир бригады им. Гастелло В.А. Манохин: «В декабре 1943 г. Мрачковский за отказ стрелять в советских партизан и за организацию подготовки выхода его отряда за фронт на соединение с частями Берлинга, за связь при этом с советскими партиза-

советскими партизанами. В воспоминаниях начальника БШПД П.З. Калинина говорится о том, что Вилейский подпольный обком распространял среди местного населения листовку «о расстреле бандитами офицера польской армии Мрачковского», который был популярен среди местного населения [5 с. 258]. Так, даже после смерти он продолжил участвовать в идеологической работе на стороне советских партизан.

Заключение

Что же касается в целом неудачи, постигшей командира партизанской бригады им. Ворошилова в деле формирования польского национального отряда, то здесь, действительно, можно отметить явные просчеты. Ф.Г. Марков признавал их. Но при этом жалел о том, что не расстреляли всех «аковцев» после разоружения. Удер-

нами, по решению того же Виленского центра, был расстрелян» (см.: Докладная записка о состоянии в Ошмянском районе Вилейской области БССР от 19 августа 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49). При этом Манохин сообщает, что передавал об этом в ЦШПД в январе 1944 г. какие-то документы за подписью самого Мрачковского. Однако в архивах они не значатся. О том, что Мрачковский хотел уйти от «аковцев», сообщала в своих показаниях военврач Смолина, находившаяся в бригаде Армии Крайовой. Она также показала, что за ее нахождение у «аковцев» он отвечал головой, но вскоре сбежала (см.: Показания Смолиной Тамары Николаевны от 12 января 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 134 об.). Польский историк Смалевский, работавший с воспоминаниями ветеранов АК, сообщает, что находившийся под постоянным подозрением Мрачковский в конце декабря 1943 г. пытался уехать за пределы лагеря с вышеупомянутой Смолиной и еще одним партизаном. Они были задержаны. При попытке оказать сопротивление Мрачковский был убит выстрелом в голову подпоручиком Чеславом Каролем Козловским («Богун»), исполнявшим обязанности руководителя военно-полевого суда в бригаде. Смолина призналась, что шпионила в расположении бригады Армии Крайовой, но была отпущена (*Smalewski J.S. Śmierć „Zarogę”* [Электронный ресурс]. URL: <http://pisarze.pl/publicystyka/2883-jan-stanisaw-smalewski-z-kart-historii-nieznanej-13.html> [дата обращения 21 февраля 2019]). По всей видимости, переосмыслив участие в партизанском движении Мрачковского, в своих воспоминаниях начальник БШПД П.З. Калинин рассказывает, что Мрачковский был тайно казнен 12 января 1944 г. Причина – вступление вопреки приказу в бой с эсэсовцами и стремление пойти на союз с советскими партизанами [34 с. 258].

жало его, по собственному признанию, лишь то, что «немцы и поляки могут это использовать для прейсгазеты второго “Катыня”»⁵⁴. На самом же деле новая кровь несколько не поспособствовала бы укреплению авторитета партизан в регионе и уж точно не лишила бы Армию Крайову поддержки, больно велики были их резервы. Только в Ошмянском районе Вилейской области в декабре 1943 г. разведка бригады им. Гастелло насчитала около 5000 «аковцев»⁵⁵. Получается, что советские партизаны только разворошили «осиное гнездо».

Четко исполнявший до этого поручения ЦШПД в отношении польского вопроса Ф.Г. Марков явно невнимательно отнесся к ключевому пункту, касающемуся создания польских национальных отрядов. В закрытом письме от партийного руководства, которое командир советской бригады, безусловно, читал, значилось: «В известных случаях, когда это необходимо по конкретной обстановке и при полном обеспечении нашим влиянием, можно организовать партизанские отряды, которые в большинстве будут состоять из поляков»⁵⁶. При всей расплывчивости формулировок о «конкретной обстановке» и «необходимости» полным влиянием советского партизанского руководства отряд Мрачковского, только собранный из разоруженных бойцов Армии Крайовой, точно не был объят. Более того, он не был похож ни на один из действовавших в годы Великой Отечественной войны на территории БССР польский партизанский отряд.

Поэтому ключевая ошибка заключалась в скоропостижности создания партизанского отряда, необдуманности его целей и задач. Не исключено, что Мрачковский мог стать человеком, собравшим на территории Вилейской области польский партизанский отряд. Однако подобные процессы практически на территории всех западных областей БССР занимали продолжительный период времени. Увеличить подразделение более чем в три раза за счет насильно включенных в его ряды только что разоруженных, негативно настроенных партизан – это очевидная ошибка. Обращает на себя внимание еще тот факт, что достаточно аккуратный в отношении польского вопроса начальник ЦШПД П.К. Пономаренко пропу-

⁵⁴ Информация о польском легионе Кмитица комиссара бригады им. Ворошилова Ф.Г. Маркова от 15 октября 1943 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 488. Л. 190.

⁵⁵ Докладная записка о состоянии в Ошмянском районе Вилейской области БССР от 19 августа 1944 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 289.

⁵⁶ Закрытое письмо ЦК КП(б) Б о военно-политических задачах работы в западных областях БССР // РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 8. Л. 67.

стил эти ошибки. Учитывая последствия, разоружение отряда «Кмитица» прошло совсем не так грамотно, как указывал, давая на эту операцию добро, руководитель партизанского движения. Тем более польский отряд был создан и вовсе вопреки рекомендациям из центра. Однако Ф.Г. Марков не только не получил взыскание, но и получил в лице Пономаренко защитника от нападок других командиров. За работу по организации партизанского движения командир партизанской бригады им. Ворошилова 1 января 1944 г. удостоится звания Героя Советского Союза.

В начале 1944 г. на территории Вилейской области все-таки появился польский отряд. Учитывая ошибки прошлого, его организаторов – Стефана Антосевича и Яна Фрея – подготовили в Польском самостоятельном специальном батальоне и десантировали в районе озера Нарочь. Хотя он и базировался некоторое время в расположении бригады им. Ворошилова, но действовал независимо [3 с. 364].

Литература

1. Musiał B. Sowieccy partyzanci: 1941–1944: Mity i rzeczywistość. Poznań: Zysk i S-ka, 2014. 653 s.
2. Boradyn Z. Niemen rzeka niezgody: Polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogródzczyźnie. Warszawa: Oficyna Wydaw. Rytm, 1999. 333 s.
3. Juchniewicz M. Polacy w radzieckim ruchu partyzanckim: 1941–1945. Warszawa: Wydawnictwo MON, 1973. 481 s.
4. Хацкевич А. К вопросу о разоружении формирований польской Армии Крайовой в Налибокской и Нарочанской пущах (1943–1944) // *Studia Podlaskie*. Т. 5. Białystok, 1995. S. 95–119.
5. Калинин П.З. Партизанская республика. М.: Воениздат, 1964. 336 с.

References

1. Musiał B. Soviet partisans: 1941–1944: Myths and Reality. Poznań: Zysk i S-ka, 2014. 653 s.
2. Boradyn Z. Neman, the river of troubles: Polish-Soviet partisan war in Novogrodek region. Warszawa: Oficyna Wydaw. Rytm, 1999. 333 s.
3. Juchniewicz M. Poles in the Soviet partisan movement: 1941–1945. Warszawa: Wydawnictwo MON, 1973. 481 s.
4. Khatskevich A. On the question of the disarmament of the formations of the Polish Home Army in the Naliboki and Naroch forests (1943–1944). *Studia Podlaskie*. Т. 5. Białystok Publ.; 1995. S. 95-119. [In Russ.]
5. Kalinin PZ. The partisan republic. Moscow: Voenizdat Publ.; 1964. 336 p. [In Russ.]

Информация об авторе

Сергей В. Благов, Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия; Россия, 236022, г. Калининград, Советский пр., д. 1; press@klgtu.ru

Information about the author

Sergey V. Blagov, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia; bld. 1, Sovietskiy av., Kaliningrad, 236022, Russia; press@klgtu.ru

Образ СССР в годы Великой Отечественной войны в швейцарской газете “Neue Zürcher Zeitung”

Лариса А. Мундт

*Российский государственный гуманитарный университет,
larisa.mundt@gmx.ch*

Аннотация. Цель статьи заключается в определении образа СССР в швейцарской ежедневной газете “Neue Zürcher Zeitung” во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В задачи входит выявление основных черт образа СССР в газете, изучение их динамики, определение «узловых» исторических событий, повлиявших на образ СССР в “Neue Zürcher Zeitung”, и изучение риторики в адрес СССР в этой газете, а также изучение стереотипов о «большевистской России» в швейцарской “Neue Zürcher Zeitung”.

В ходе исследования было выявлено, что для журналистов “Neue Zürcher Zeitung” СССР представлял собой «образ врага», что основывалось на базе противопоставления коммунистического мира демократическому, где первый являл собой страну несвободы и неравенства с характерными чертами внешней политики: «советский империализм», «панславизм» и «угроза».

Ключевыми событиями, оказавшими влияние на восприятие Советского Союза в этой газете, стали успехи Красной Армии под Москвой и Сталинградом, активизация швейцарских коммунистов и нарастание прокоммунистических настроений в Швейцарии, и попытка редакции газеты противостоять нарастающей «русофилии», а также отказ СССР от восстановления дипломатических отношений со Швейцарией в 1944 г. и окончание войны в Европе в мае 1945 г. На момент окончания войны СССР воспринимался в Швейцарии как опасное и военно мощное государство, «Колосс», идеологический проект и преемник царской России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, образ СССР, образ врага, швейцарская пресса, советско-швейцарские отношения

Для цитирования: Мундт Л.А. Образ СССР в годы Великой Отечественной войны в швейцарской газете “Neue Zürcher Zeitung” // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 131–139. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-131-139

The image of the USSR during the Great Patriotic war in Swiss newspaper “Neue Zürcher Zeitung”

Larisa A. Mundt

*Russian State University for the Humanities,
larisa.mundt@gmx.ch*

Abstract. The purpose of the article is to identify the USSR image in “Neue Zürcher Zeitung” daily newsletter. The three main tasks are to elicit basic USSR characteristics in the newsletter, learn their dynamics, identify “connecting” historical events that governed the USSR image in “Neue Zürcher Zeitung” and its rhetoric towards the USSR as well as learn stereotypes about ‘Bolshevik Russia’ in the Swiss “Neue Zürcher Zeitung”.

The research reveals that the “Neue Zürcher Zeitung” media showed the USSR as an “enemy” which was based on the idea of the two worlds opposition – communist to democratic, where the former one represented the country of no freedom with no equality along with its common characteristics such as “social imperialism”, “Pan-Slavism” and “threat”. The key events that formed the Soviet perception in the newsletter were military achievements of the red army during the Moscow and Stalingrad battles, activation of the Swiss communist party and pro-Communists ideas in Switzerland, “Neue Zürcher Zeitung” attempt to confront growing “Russophobia”, and the USSR denial to restore diplomatic relationships with Switzerland in 1944. In 1945, by the end of the war in Europe, the USSR was perceived by the Swiss’ as dangerous and military powerful state, ideological project and the successor of Tsarist Russia.

Keywords: Great Patriotic war, Image of USSR, image of enemy, swiss press, soviet-swiss relationship

For citation: Mundt LA. The image of the USSR during the Great Patriotic war in Swiss newspaper “Neue Zurcher Zeitung”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019; 2:131-39. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-131-139

Введение

Данная статья написана в рамках исторической имагологии и ставит своей целью определение образа СССР в годы Великой Отечественной войны в швейцарской либеральной прессе на примере газеты “Neue Zürcher Zeitung”. Для выполнения поставленной цели необходимо изучить черты образа СССР и проследить их динамику в ходе войны, а также определить исторические «узловые» события, оказавшие влияние на риторику журналистов в адрес СССР.

Вместе с тем определение стереотипов о России, актуальных в годы войны, поможет составить комплексное представление об образе СССР в швейцарской либеральной немецкоязычной прессе.

Ежедневная газета *“Neue Zürcher Zeitung”* была основана Соломоном Гесснером в 1821 г. [1 с. 120] и выпускается по сегодняшний день, являясь одним из самых уважаемых изданий в Швейцарии. *“Neue Zürcher Zeitung”* несет общественно-политический характер. В годы войны *“Neue Zürcher Zeitung”* контролировалась аппаратом цензуры и придерживалась политики швейцарского нейтралитета, вместе с тем эта газета была первой, где открыто заявлялся протест против большевизма и фашизма. Подобное отношение было связано с личностью главного редактора Вилли Бретчера, который был одинаково негативно настроен против «левой» и «правой» идеологий [2 с. 86].

Историческая имагология, объект изучения которой обозначается как «образ» – изначально «образ другого», привлекает исследователей всего мира. Изучение образа СССР в швейцарских газетах не характерно для отечественных исследователей, однако является довольно популярным направлением исследований швейцарских ученых [3–5].

К началу Великой Отечественной войны имидж СССР в Швейцарии, и в частности в *“Neue Zürcher Zeitung”*, был плох как никогда. Страна-агрессор, с характерными чертами: «большевизм», «империализм», «панславянизм», управляемая жестоким диктатором Сталиным, где большинство населения представляло собой необразованный и бескультурный народ рабов, находящихся под гнетом большевизма. После «позорного» окончания советско-финляндской «зимней войны» Советский Союз также перестал восприниматься как страна, обладающая слаженной армией, в восприятии СССР был характерен стереотип «Колосс на глиняных ногах», характеризующийся чертой «ущербность».

Первые месяцы войны не внесли существенных корректив в образ СССР в *“Neue Zürcher Zeitung”*. По информации из Берлина, опубликованной на первой странице *“Neue Zürcher Zeitung”* в самом начале войны, германское командование было потрясено количеством танкового вооружения в Красной армии, которое превзошло все прогнозы. Однако, согласно этой же статье, Красная армия, не была сформирована «в единый организм» на начало войны, она состояла из необразованных солдат, «которые готовы подрасть за сигарету»¹. Уверенность в скором закате большевистской России стала причиной интереса журналистов к ее судьбе после германского плана по «колонизации востока», который был представлен к реализации 22 июня 1941 г. Так, в газете писалось,

например, об ожидании русского дворянства в эмиграции реставрации монархии².

Изменение в образе СССР произошло после победы под Москвой. С интересом ожидали в Швейцарии прихода русской зимы, и возможного изменения положения на Восточном фронте в связи с ней. «Генерал Зима»³ считался в Швейцарии несомненным союзником русских в войне. Именно зимой удалось отбросить немецкую армию от Москвы, и стало очевидно, что молниеносную войну немцам осуществить не удастся. Этап битвы за Москву был характерен актуализацией стереотипа «русская зима», что было связано, в первую очередь, с погодными условиями зимней войны на Восточном фронте.

Отстояв столицу коммунизма, СССР начал возвращаться к образу мощного военного государства: «Сейчас, по прошествии года непрерывной войны на восточном фронте, знает весь мир, что человеческие силы России неисчерпаемы, ее безграничность и сила континентального климата даже для самой современной и сильной армии может стать смертельным предприятием»⁴.

Московская конференция 1941 г. стала причиной широкого резонанса в газете, не изменив при этом образа СССР как большевистской державы: «В глазах демократических государств заверения Москвы о солидарности могут иметь условное значение, и красивые слова о доверии и взаимном согласии вряд ли ослепят Англию и Америку во взгляде на большевизм»⁵. Черта «империализм» в восприятии СССР сохранялась в репрезентации образа СССР в “*Neue Zürcher Zeitung*” в 1942 г. несмотря на совместную работу с Великобританией и Америкой. «Имперский аппетит СССР»⁶ по отношению к Румынии и Болгарии вызывал живой интерес журналистов.

Битва за Сталинград повлияла на восприятие Советской армии в газетах, укрепляя милитаристическую составляющую образа

¹*Editorial aus Berlin*. Russian technic and people in war // *Neue Zürcher Zeitung*. 1941. 7 Juli. P. 7.

²W. J. Der Krieg und die russische Emigration // *Neue Zürcher Zeitung*. 1941. 10 Juli. P. 3.

³*Editorial*. Vom russischen Winter // *Neue Zürcher Zeitung*. 1941. 25 December. P. 2.

⁴*Editorial*. Der 22. Juni 1941 // *Neue Zürcher Zeitung*. 1942. 21 Juni. P. 1.

⁵W. J. Nach der Moskauer Konferenz // *Neue Zürcher Zeitung*. 1941. 7 Oktober. P. 3

⁶W. J. Osteuropäische Diskussionen // *Neue Zürcher Zeitung*. 1942. 17 Februar. P. 4.

СССР. В газете присутствовали статьи, обосновывающие значение Сталинграда. Внимание авторов в них было сконцентрировано, прежде всего, на важности для немцев заблокировать Волгу как канал для перевозки бакинской нефти в центр, однако после победы под Москвой журналисты уже не пытались предсказать возможный итог сражения⁷.

Таким образом, победа под Москвой и успешность противостояния под Сталинградом и усиление СССР как внешнеполитического субъекта стали причиной изменения образа Советского Союза в “*Neue Zürcher Zeitung*”, убрав черты «ущербность» и «слабость». Советская армия стала восприниматься газетой как сила, способная противостоять немецкой.

Стереотип «русский сфинкс», который актуализировался после победы под Сталинградом и в связи с усилением СССР как внешнеполитического субъекта, характеризовался переплетением страхов «советской угрозы», черты «двойственность» внешней политики вместе со стереотипом о загадочной русской душе.

«Русский сфинкс» загадочен и опасен. В “*Neue Zürcher Zeitung*” появилась специальная статья о «русском сфинксе», где были проанализированы будущие цели советской внешней политики, необходимость открытия второго фронта и тесное сотрудничество с идеологическими «антиподами»⁸. Автор статьи указывал на то, что Россия напоминала своим поведением сфинкса, молчащего или дающего уклончивые ответы, таким образом, позволяя союзникам строить предположение о том, что «советское царство» может допустить демократические изменения.

С началом Великой Отечественной войны к культурной и социальной жизни страны, которая «25 лет находилась за китайской стеной»⁹, начал проявляться интерес журналистов газеты “*Neue Zürcher Zeitung*”, однако начало войны не внесло серьезных коррективов в изменение восприятия жизни в СССР.

В газете указывалось, что Советским Союзом осуществляется сильнейший контроль своих граждан¹⁰. Интеллектуальный центр русского народа и русской культуры, согласно мнению

⁷ W.J. Die russischen Erdölreserven // *Neue Zürcher Zeitung*. 23 September. 1942. P. 3

⁸ W.J. Die Russische Sphinx // *Neue Zürcher Zeitung*. 1942. 17 Dezember. P. 1.

⁹ W.J. 25 Jahre Sowjetrussland // *Neue Zürcher Zeitung*. 1942. 6 November. P. 3.

¹⁰ Von Walter Bosshard. Weg der heimkehrenden Russen // *Neue Zürcher Zeitung*. 1941. 5 Oktober. P. 2.

журналиста “Neue Zürcher Zeitung”, после революции находился в Париже. Там, где русские иммигранты, «российская интеллигенция» восстановили центр духовной свободы: театры, школы, библиотеки, поэзию и философию. За поддержку этого слоя русского населения выступал журналист “Neue Zürcher Zeitung”, обращаясь к читателям газеты за помощью русской интеллигенции в 1942 г.¹¹

Успехи Красной армии, ее победа под Сталинградом и обоим значившееся неминуемое поражение гитлеровского блока стали причиной пробуждения интереса правительства Швейцарии к восстановлению дипломатических отношений с Советским Союзом [6]. Другим поводом пробуждения надежд в Швейцарии к восстановлению дипломатических и экономических отношений стал роспуск Коминтерна [6 с. 164].

Журналисты “Neue Zürcher Zeitung” к роспуску Коминтерна отнеслись с настороженностью, подозревая, что интересы СССР к установлению мировой революции могли выразиться в иной форме и только будущее должно было позволить определить, был ли роспуск Коминтерна красивым жестом или действительно значимым событием ради сближения с союзниками¹².

Вместе с тем роспуск Коминтерна стал причиной появления надежды швейцарских коммунистов на разрешение в восстановлении коммунистической партии Швейцарии, запрещенной в 1940 г. Редакция газеты “Neue Zürcher Zeitung” ставила своей задачей борьбу с «коммунизмом» в целом и швейцарскими коммунистами в частности, что сказалось на образе СССР в этой газете. Одновременно с поворотом к «русофилии» ведущих швейцарских газет¹³ и риторика журналистов “Neue Zürcher Zeitung” по отношению к СССР приобрела больше негативных черт¹⁴.

Критике журналистов подвергалось советское правительство, идеология, а также экономическая система в СССР. “Neue Zürcher Zeitung” ставила своей задачей противостоять «советской пропаганде», которая попадала в Швейцарию. В статье, опубликованной в этой газете в апреле 1944 г., приводилась рецензия на книгу Георг-

¹¹ W. J. Die Not der russischen Intellektuellen // Neue Zürcher Zeitung. 1942. 18 März. P. 2.

¹² W. J. Die Sowjetpresse im Krieg // Neue Zürcher Zeitung. 1944. 15 Februar. P. 1.

¹³ Editorial. Im Geiste Lenins // Neue Zürcher Zeitung. 1944. 27 Januar. P. 5.

¹⁴ Editorial. Komintern, Kommunisten und Sozialisten // Neue Zürcher Zeitung. 1943. 25 Mai. P. 4.

га Кайзера «Почему Россия такая сильная?»¹⁵, где автором высоко оценивались достижения советского правительства, плановая экономика, социальные реформы: свобода национальностей, образовательная реформа, санитарные улучшения и всеобщее страхование. По мнению Георга Кайзера, СССР доказал своим примером победу социалистической системы над капиталистической, предлагая перенять подобный успешный опыт Швейцарии. Автором статьи в газете “*Neue Zürcher Zeitung*” книга названа «демагогией» и «пропагандой»¹⁶. В конце статьи автор уверял, что сопротивляемость врагу не имела ничего общего с социалистическим режимом или приверженности ему советского населения. Успешность СССР в ведении военных действий в первую очередь была связана с фигурой русского (не советского) солдата, который исторически predisposed к «выдворению врага» за пределы своей территории. Попытка искусственно «привить» культуру советскому населению считалась в “*Neue Zürcher Zeitung*” провальной, изменения в Советской России – несущественными¹⁷.

На базе книги «Русская народная экономика в СССР» Сергея Николаевича Прокоповича, русского эмигранта, профессора экономики, в которой анализировалось развитие советской экономики со времен Гражданской войны, в “*Neue Zürcher Zeitung*” была создана серия одноименных статей¹⁸. Анализируя эту книгу, журналист пришел к следующим выводам: экономическая система в СССР оставалась ущербной и нежизнеспособной, «успешность» ее функционирования была обусловлена следующими факторами: наличием в СССР большого количества необходимых сырьевых ресурсов: нефти, угля, древесины, наличием в СССР достаточного количества земли, а следовательно, продовольствия, а главный фактор – принуждение советского населения, в особенности советского крестьянства, к работе.

Благодаря успехам Красной Армии СССР 1943–1944 гг. – все более усиливающийся на мировой арене внешнеполитический субъект, «красный сфинкс», чертами которого являлись «милитаризм», «империализм», «загадочность», «опасность», «панславизм», «пропагандизм».

¹⁵ U.M. Warum ist Russland so stark? // *Neue Zürcher Zeitung*. 1944. 2 April. P. 5.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ W. J. Was ändert sich in Russland // *Neue Zürcher Zeitung*. 1944. 21 April. P. 2.

¹⁸ Bd. Russlands Volkswirtschaft // *Neue Zürcher Zeitung*. 1944. 23 Juni. P. 6.

После отказа советского правительства в восстановлении дипломатических отношений “*Neue Zürcher Zeitung*”, редакция которой не пыталась поучаствовать в создании положительного образа СССР в начале 1944 г., указывала на то, что СССР на всех этапах войны продолжал оставаться тоталитарной державой. Журналисты напоминали, что именно в этой причине крылось столь долгое ожидание Конфедерацией восстановления дипотношений, в последующих статьях авторы «вспомнили» о «Зимней войне», и о «провокации русско-финляндского конфликта» со стороны СССР, о заключении пакта Молотова–Риббентропа и о «профашистской политике» самого СССР. В отражении статей газеты “*Neue Zürcher Zeitung*” Советский Союз – агрессор, беспричинно и непоследовательно меняющий свою политику¹⁹.

Заключение

Итак, отношение к СССР во время Великой Отечественной войны “*Neue Zürcher Zeitung*” характеризовалось несколькими этапами: самое начало Великой Отечественной войны, когда в образе страны сохранялись черты ущербности. Битва за Москву и Сталинград, продемонстрировавшие мужество советских граждан и убравшие эти черты из образа СССР. Проявление интереса к восстановлению дипотношений с СССР в Берне после победы Советской армии под Сталинградом и активизация швейцарских коммунистов. В этот момент редакция газеты противостояла «русофилии» в Швейцарии, в статьях присутствовала критика советской идеологии, правительства, экономики. И отказ советского правительства в восстановлении дипломатических отношений со Швейцарией, повлекший за собой критику политики СССР в газете. Отказ советского правительства в восстановлении дипломатических отношений со Швейцарией стал причиной персонификации угрозы в образе СССР, если до окончания Великой Отечественной войны черта «угроза» в образе СССР была абстрактна или заключалась в «мощи» советской идеологии, то после него Советский Союз стал восприниматься как военная мощная держава, угрожающая нейтральной Швейцарии.

Окончание войны характеризовалось возросшим авторитетом Советского Союза, вместе с тем черта «советский империализм» закрепились в газете. В образе СССР 1945 г. актуализировался стереотип «Колосс», одна из мировых держав, мощный внешнеполитический субъект.

¹⁹ W.J. Das Russische Nein // *Neue Zürcher Zeitung*. 1944. 6 November. P. 1.

Литература

1. *Ihle P.* Die journalistische Landesverteidigung im Zweiten Weltkrieg. Verlag Neue Zürcher Zeitung. Zürich, 1997. 236 p.
2. *Bretscher W.* Neue Zürcher Zeitung: 1933–1944. Siebzig Leitartikel von W. Bretscher. Zürich. 1945. Luchsinger, 1955. 285 p.
3. *Schafroth A.* Uskorenie, Perestroika, Glasnost. Die Rezeption der wirtschaftlichen und innenpolitischen Reformen in der UdSSR von 1985 bis 1988 in der “Neue Zürcher Zeitung”. Bern, 2003. 83 p.
4. *Albert C.* Der “Stalinismus” in der zeitgenössischen Perspektive. Das Bild der Sowjetunion in der Schweiz 1933–1936 anhand von ausgewählten überparteilichen, deutschschweizerischen Wochenzeitungen. Bern, 2004. 125 p.
5. *Moser A.* Land der unbegrenzten Unmöglichkeiten Das Schweizer Russland- und Russenbild vor der Oktoberrevolution. Chronos Verlag. Zürich, 2006. 448 p.
6. *Gehrig-Straube C.* Beziehungslose Zeiten: das schweizerisch-sowjetische Verhältnis zwischen Abbruch und Wiederaufnahme der Beziehungen (1918–1946) aufgrund schweizerischer Akten. Zürich, 1997. S. 619.

References

1. *Ihle P.* The journalistic national defense in the Second World War. Verlag Neue Zürcher Zeitung. Zürich, 1997. 236 p.
2. *Bretscher W.* Neue Zürcher Zeitung: 1933–1944. Seventy Articles of W. Bretscher. Zürich. 1945. Luchsinger, 1955. 285 p.
3. *Schafroth A.* Uskorenie, Perestroika, Glasnost. The reception of economic and domestic reforms in the USSR from 1985 to 1988 in the “Neue Zürcher Zeitung”. Bern, 2003. 83 p.
4. *Albert C.* The “Stalinism” in the contemporary perspective. The image of the Soviet Union in Switzerland 1933–1936 on the basis of selected non-partisan, German-Swiss weekly newspapers. Bern, 2004. 125 p.
5. *Moser A.* The search of endless impossibilities. The Swiss image of Russia and Russians before the October Revolution.. Chronos Verlag. Zürich, 2006. 448 p.
6. *Gehrig-Straube C.* Unrelated times: the Swiss-Soviet relationship between demolition and resumption of relations (1918–1946) on the basis of Swiss documents. Zürich, 1997. S. 619.

Информация об авторе

Лариса А. Мундт, соискатель на степень кандидата исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; larisa.mundt@gmx.ch

Information about the author

Larisa A. Mundt, Russian State University for the Humanities: Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; larisa.mundt@gmx.ch

Современные латиноамериканские исследования

УДК 323(72)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-140-152

Проект индейской интеграции в научном творчестве Андреса Молины Энрикеса

Татьяна С. Молодчикова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tatiana20emr@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена изучению проекта индейской интеграции и создания единой мексиканской нации, разработанного известным мексиканским социологом, юристом и философом Андресом Молиной Энрикесом в своей работе «Великие национальные проблемы» (1909). В своем главном теоретическом труде автор представляет обширную панораму всех социальных групп Мексики, которых классифицировал согласно их расе и уровню культурного развития. Одна из центральных идей исследования заключается в том, что метисная раса представляет собой прогресс и должна занять лидирующие позиции в новом постреволюционном государстве. Необходимо отметить, что работа «Великие национальные проблемы» стала настоящим манифестом Мексиканской революции (1910–1917), а ее автор – одним из авторов Конституции 1917 года, и в частности 27-й статьи, в которой определялась новая аграрная система в стране.

Ключевые слова: индейская интеграция, Мексика, национальная политика, Андрес Молина Энрикес, эволюционизм

Для цитирования: Молодчикова Т.С. Проект индейской интеграции в научном творчестве Андреса Молины Энрикеса // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 140–152. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-140-152

Project of Indian integration in the scientific works of Andrés Molina Enríquez

Tatiana S. Molodchikova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
tatiana20emr@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of the project of Indian integration and the creation of a single Mexican nation, created by the famous Mexican sociologist, lawyer and philosopher Andres Molina Enriquez in his work “The Great National Problems” (1909). In his main theoretical work, the author presents an extensive panorama of all social groups in Mexico, which he classified according to their race and level of cultural development. One of the central ideas of the study is to state that the mestizos represent progress and should take a leading position in the new post-revolutionary state. It should be noted that the work “Great National Problems” became a real manifesto of the Mexican Revolution (1910–1917), and its author was one of the authors of the 1917 Constitution, and in particular, Article 27, which defined the new agrarian system in the country.

Keywords: Indian integration, Mexico, national politics, Andres Molina Enríquez, evolutionism

For citation: Molodchikova TS. Project of Indian integration in the scientific works of Andres Molina Enriquez. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019; 2:140-52. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-140-152

Введение

В период Мексиканской революции (1910–1917) и в последующие несколько десятилетий проблема национального строительства и «индейская проблема» в частности вышли на авансцену мексиканской политической и интеллектуальной жизни. Функция выработки нового национального дискурса была принята мексиканскими интеллектуалами, педагогами, философами и антропологами. Одним из первых, кто поднял проблему индейской интеграции, был знаменитый мексиканский юрист, социолог и государственный деятель Андрес Молина Энрикес (1868–1940).

Самыми главными теоретическими влияниями в Мексике конца XIX – начала XX в. были эволюционизм и позитивизм, которые составили идеологическую основу режима Порфирио Диаса (1830–1915).

Начиная с 70-х годов XIX столетия американский археолог Адольф Бандельер ввел в мексиканское интеллектуальное поле идеи своего учителя – Льюиса Генри Моргана, согласно которым ацтеки преодолели этап «дикости» и находились на развитой фазе «варварства» [1 с. 11]. Идеи эволюционизма были восприняты мексиканскими интеллектуалами, и прежде всего Андресом Молиной Энрикесом, адвокатом по образованию и социологом по призванию.

Методологический подход Андреса Молины Энрикеса к изучению мексиканского общества

Андрес Молина Энрикес родился 2 августа 1866 г. в городке Хилотепек в штате Мехико. В университете Толуки получил образование юриста, однако, по собственному признанию, всегда считал себя социологом и зачастую выказывал свое пренебрежительное отношение к адвокатской профессии [2 с. 28]. В конце XIX – начале XX в. начал журналистскую работу и опубликовал ряд статей на социологические и политические темы.

В самом начале своего профессионального пути Молина Энрикес был увлечен позитивистскими и эволюционистскими идеями, прежде всего Льюисом Спенсером и Чарльзом Дарвином. В 1897 г. опубликовал свою первую брошюру под названием «Евангелие новой реформы» (“*Evangelio de una nueva reforma*”, 1895), в 1902-м – «Вопрос дня. Национальная агрикультура» (“*La cuestión del día. La agricultura nacional*”, 1902), в 1905 г. – «Хуарес и реформа. Историко-социологическое исследование» (“*La Reforma y Juárez. Estudio histórico – sociológico*”, 1905).

В начале XX в. Молина Энрикес переехал в Мехико, где продолжил заниматься адвокатской практикой, а также сотрудничал с рядом столичных периодических изданий, где публиковал свои социологические исследования.

Самое значительное влияние на социологию Молины Энрикеса оказал Герберт Спенсер, который, в свою очередь, в рамках эволюционистского и органицистского подхода определил социологию как «науку, призванную реконструировать естественную историю общества, и вместе с тем все те структурные и функциональные изменения, которые переживает общество в ходе своей эволюции»¹.

¹ *Moya López L.A.* Andrés Molina Enríquez: Una sociología de la raza // Sociología. 1994. № 26 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sociologiacamexico.azc.uam.mx/index.php/Sociologica/article/view/697> (дата обращения 25 августа 2018).

Такое определение предполагает самую тесную связь между социологией и историей, что нашло свое отражение в научной работе Андреса Молины Энрикеса.

Главный методологический принцип Молины Энрикеса можно обозначить следующим образом: чтобы изучить общественное состояние народа, принципы его эволюции, необходимо изучить его особенности производства, в первую очередь производство зерновых, которые составляют основу питания народа [3 с. 30]. Мексиканский мыслитель подчеркивал, что человеческие общества крепко связаны с конкретными зонами производства пищи, и связь народа и земли – это непреложное условие эволюции и основа национальной идентичности.

Под влиянием европейских позитивистов Молина Энрикес пришел к мысли о необходимости реконструкции естественной эволюции мексиканского общества, посредством изучения развития семьи, трансформации политической организации, религиозных и социокультурных структур, которые в каждую историческую эпоху напрямую зависели от организации форм собственности на землю.

Постепенно Молина Энрикес сформировал социоисторическую доктрину, основанную на роли различных этносоциальных групп в развитии государства.

«Великие национальные проблемы»

В своем главном теоретическом исследовании «Великие национальные проблемы», опубликованном в 1909 г., Молина Энрикес представил обширную панораму социальных групп страны, классифицированных согласно своей «расе»² и уровню культурного развития.

Книга вышла в 1909 г. и первоначально не имела особого резонанса в интеллектуальных кругах. Но уже во время революции 1910–1917 гг. работа стала чуть ли не главным идеологическим оружием (к примеру, закон 6 января 1915, 27-я статья Конституции были разработаны под влиянием или при непосредственном участии самого Молины Энрикеса) [3 с. 23]. По словам мексикан-

²Необходимо отметить, что несмотря на то, что современные исследования выделяют от 3 до 7 различных рас, а в некоторых случаях и вовсе отказываются от понятия расы, в начале XX века термин раса использовали для описания социальных и морфологических различий между людьми. Отсюда на страницах исследований Молины Энрикеса постоянно появляются понятия «метисная раса», «индейская раса», «белая раса».

ского историка Луиса Чавеса Ороско, «без преувеличения можно сказать, что “Великие национальные проблемы” для Мексиканской революции было тем же самым, что и “Общественный договор Руссо для Великой французской революции”» [4 с. 224].

Проблематика работы «Великие национальные проблемы» концентрируется вокруг понятия расы и ее связи с формами собственности и производства.

По мнению Молины Энрикеса, главное отличие мексиканского общества, которое делает его «мессианским», является его сложный расовый состав [3 с. 33]. Понятие «раса» у автора размыто, иногда оно является синонимом нации и народа, иногда относится только к физическим характеристикам, и, наконец, встречается обозначение расы как социального класса, объединенного общими интересами³. Тем не менее, исходя из логики всей работы, раса для Молины Энрикеса представляла собой скорее не биологическую, а социальную категорию.

Одна из ключевых идей этой работы заключается в том, что метисная раса представляла собой прогресс. Так называемый средний метисный класс – это жители центральной и северной частей страны, работники самых продуктивных предприятий, деятели искусства и науки. В отличие от Герберта Спенсера, для которого смешение рас было скорее негативным фактором в развитии государства [5 с. 92], Молина Энрикес пытался найти научные основания, объясняющие возвышение и гегемонию метисного элемента.

Для этого Молина Энрикес прибегает к эволюционной теории Чарльза Дарвина, обращая внимание на существование двух типов процессов, участвующих в развитии любого живого существа: индивидуальный отбор, позволяющий выжить только самым приспособленным видам, и коллективный отбор, обеспечивающий существование только самых адаптивных социальных групп⁴.

Этой группой, по мнению Молины Энрикеса, должны стать метисы, которые в период порфириата окончательно превратились в лидирующую группу мексиканского общества. Они обладали всеми необходимыми, по мнению автора, биологическими, этническими и культурными характеристиками, чтобы сыграть значительную роль в истории Мексики.

³*Molina Enríquez A.* Los grandes problemas nacionales. México: Ediciones Era, 1981. P. 370.

⁴*Moya López L.A.* Andrés Molina Enríquez: Una sociología de la raza // Sociología. 1994. № 26 [Электронный ресурс] URL: <http://www.sociologicamexico.azc.uam.mx/index.php/Sociologica/article/view/697> (дата обращения 25 августа 2018).

Напротив, креолы и индейцы представляли собой декаданс⁵. Первые составляли паразитирующее меньшинство, живущее за счет ренты с латифундий, а вторые, хотя и составляли количественное большинство и юридически были равны первой группе, находились в более низком положении в течение веков угнетения и грабежа⁶. Остановимся подробнее на тех характеристиках, которые дает автор индейскому населению Мексики, так как индейская тема если не сказать, что была в центре внимания исследователя, то уж, по крайней мере, является одним из ключевых пунктов его теории развития мексиканского государства.

В тексте «Великих национальных проблем» мы можем встретить следующие характеристики индейцев: «эволюционно отсталые», «со сломленной волей», «пассивные», «лживые», «наполовину идолопоклонники»⁷. В то же время Молина Энрикес уделяет большое внимание антропологическим характеристикам индейцев и приходит к выводу, что для этих народов характерно древнее происхождение и так называемая «расовая сила» (т. е. прохождение длительного эволюционного и селективного процесса)⁸. Автор выступает против идеи неполноценности индейского населения, основанной на неполноценности этой расы как таковой. Напротив, пишет Молина Энрикес:

Организм индейца полностью приспособлен к национальной территории – родной земле. Это высоко адаптивный организм. Несмотря на все войны, которые ведут европейцы на континенте, им не удалось полностью уничтожить индейское население. Скажем так: у белой расы больше энергии действия, у индейцев больше развита энергия сопротивления. И способность к сопротивлению должна рассматриваться как наиболее важная, потому что сопротивление по времени всегда продолжительней активной энергии. Метисы же, в свою очередь, объединили в себе способность к сопротивлению и высокую адаптивность индейцев, и активность и прогресс белой расы⁹.

⁵Molina Enríquez A. Los grandes problemas nacionales. México: Ediciones Era, 1981. P. 97.

⁶Ibid. P. 108.

⁷Ibid.

⁸Ibid. P. 342.

⁹Ibid. P. 343.

Модель унификации мексиканского общества

Каким же образом Молина Энрикес выстраивает свою модель унификации мексиканской нации?

«Совершенно ясно, – пишет автор, – что создание единой нации из всех групп населения – это результат создания *Родины* (курсив мой. – Т. М.), что, в свою очередь, является работой по унификации условий бытовой жизни (то, что автор называет *hogar* [исп. очаг]), с одной стороны, и идеалов – с другой. Родина – это не раса, не народ, не общество, не государство, а земля, занимаемая согласно праву собственности, объединенная общим идеалом»¹⁰.

Унификация бытовой жизни является результатом решения проблем собственности, орошения, распределения земли и проблемы населения. В случае унификации условий владения собственностью и распределений земли большая часть жителей республики окажутся в более или менее равных условиях жизни. Таким образом, каждый житель, имеющий свой собственный очаг, будет чувствовать необходимость защищать его в случае войны. Унификация идеалов должна производиться посредством унификации каждой из их составляющих, т. е. происхождения, религии, расы (или типа) обычаев, языка, состояния эволюционного развития, желаний, целей и стремлений¹¹.

И если унификация идеалов – это вопрос времени и в целом, по мнению автора, довольно естественный процесс, то процесс перераспределения земли является задачей государства. Более того, уничтожение крупной собственности – это всегда насильственный и кровавый процесс, который возможен только путем революции¹².

Для решения проблемы земельной собственности среди индейского населения автор «Великих национальных проблем» предлагает следующую схему: в зависимости от уровня эволюционного развития каждой индейской группы в стране могут быть созданы различные условия наделения земельными участками. Для населения, ведущих кочевой образ жизни, должны быть созданы военные резервации с хорошими условиями жизни, для более развитых индейских общин – общинная организация с назначаемым государством главой общины, который бы их обучал развитым формам агрикультуры, пока постепенно у индейцев не сложится понимание того, что такое индивидуальная собственность. Те группы, которые

¹⁰ *Molina Enríquez A.* Los grandes problemas nacionales. P. 375.

¹¹ *Ibid.* P. 396.

¹² *Ibid.* P. 257.

научились бы пользоваться общинной землей, нужно превратить, по мнению Молины Энрикеса, в индивидуальных собственников¹³.

Таким образом, мы видим, что конечной целью экономической интеграции индейцев являлось превращение их в мелких индивидуальных собственников. Молина Энрикес, придерживаясь своей эволюционистской теории, подчеркивал, что это постепенный процесс, включающий разные подготовительные этапы, а отсталость индейцев связана не с их принадлежностью к той или иной расе и не с их необразованностью и интеллектуальной неполноценностью, а с эволюционной отсталостью¹⁴.

Совершенно точно можно утверждать, что в Мексике в начале XX в. не существовало никакого единства в идеалах, и объяснение этому кроется в истории и сложном расовом составе мексиканского общества.

Каким же образом, согласно Молине Энрикесу, мексиканскому обществу удастся достичь унификации идеалов?

1. Унификация происхождения

Унификация происхождения, по мнению автора, может быть достигнута только с разложением группы креолов, так как система колониального подчинения привела к тому, что и индейцы, и метисы уже ощущают общность своего происхождения¹⁵.

2. Религиозная унификация

В известной степени на момент начала XX в. она и так уже существовала. Тем не менее индейское население все еще продолжало исповедовать свой собственный вариант католицизма, который автор книги называет «идолопоклоннический католицизм»¹⁶, креолы являлись фанатичными, «чистыми» католиками, а метисы, в свою очередь являлись носителями самой чистой и сильной формы веры. Католическая церковь с ее принципами строгой дисциплины должна была способствовать стиранию этих различий.

3. Унификация морфологического типа

Для достижения унификации морфологического типа не надо принимать специальных мер, согласно теории Молины Энрикеса, это станет результатом естественного процесса метисации. Сопротивление этому процессу, по мнению автора, будут оказывать метисное и креольское население Мексики, так как для них это

¹³ Molina Enríquez A. Los grandes problemas nacionales. P. 192–194.

¹⁴ Ibid. P. 192.

¹⁵ Ibid. P. 397.

¹⁶ Ibid. P. 402.

будет означать понижение социального статуса. Проблема унификации морфологического типа для Молины Энрикеса была тесно связана с господствующим эстетизмом в Мексике, воспевающим «европейский тип» красоты. Автор настаивал на необходимости пропагандировать в искусстве метисную красоту и подчеркивал связь эстетического состояния с экономическим: «индейцы некрасивы, потому что живут в бедности»¹⁷.

4. Унификация привычек

Многие креольские авторы в Мексике в начале XX в. полагали, что изменение привычек народа зависит только от желания принять изменения, и обвиняют метисов и индейцев в их нежелании перенять европейские привычки. Молина Энрикес, напротив, придерживался той точки зрения, что привычки всегда вырабатываются в ходе процесса адаптации к окружающей среде, закрепление какой-либо привычки – это всегда результат длительного эволюционного процесса, так как они несут жизненно важную адаптивную функцию

В общем и целом автор «Великих национальных проблем» выступает резко против всякого насаждения американских или европейских обычаев: будь то кухня, платье, дома, города и т. д. «Метисы должны распространить свои привычки и обычаи на все остальное население, так как эти привычки были постепенно выработаны совместными усилиями индейцев и испанцев, и отражают физиологические особенности и тех и других»¹⁸. К примеру, резкой критике со стороны мексиканского юриста подверглось набирающее силу феминистическое движение, которое является тем же самым, что «атрибуировать одному органу функции другого, желать слышать глазами и видеть руками»¹⁹.

5. Унификация языка

Как бы это ни показалось странным, но главной проблемой для Молины Энрикеса являлось не существование огромного количества индейских языков в стране, а засилье английского, французского и итальянского в науке и искусстве и политике. Для достижения языковой унификации автор выделяет два направления работы: обучение индейского населения испанскому языку и, с другой стороны, защита испанского языка от иностранного влияния²⁰.

¹⁷ *Molina Enríquez A.* Los grandes problemas nacionales. P. 192–194.

¹⁸ *Ibid.* P. 407.

¹⁹ *Ibid.* P. 408.

²⁰ *Ibid.* P. 411.

6. Унификация эволюционного состояния

Молина Энрикес, как уже было упомянуто выше, признавал очевидность эволюционной отсталости индейцев; и процесс приведения всех к одному и тому же эволюционному состоянию составлял долгую и трудную работу. Что касается ускорения эволюционного развития индейского населения, то на протяжении многих веков считалось, что главный инструмент преодоления эволюционной отсталости – это массовое образование. Для Молины Энрикеса это являлось анахронизмом. Автор весьма скептически относился к популярной в его время идее об образовании как способе решения «индейской проблемы»:

Необходимо избавиться от креольских иллюзий относительно всемогущества образования и массового обучения; было бы очень кстати признать, что индейцы находятся в нынешнем положении не по причине неграмотности, а вследствие эволюционной отсталости, и наша задача – ускорить процесс их развития» [4 с. 226].

Никакая школа за 8–10 лет не способна, по мнению автора «Великих национальных проблем», преодолеть тысячелетний курс эволюции. Напротив, индейцы вынуждены прекращать свои ежедневные работы, многие важные сооружения вместо того, чтобы улучшать повседневную жизнь, превращаются в учебные помещения, и от сухой доктрины, преподаваемой в школах, нет никакой практической пользы²¹. Единственное реальное средство для преодоления эволюционной отсталости, согласно автору, – перераспределения земель и превращение индейцев в мелких собственников.

7. Унификация стремлений, целей и желаний

Унификация стремлений, целей и желаний зависит от того, что Молина Энрикес называет «характер» каждой из этносоциальных групп. В Мексике каждая из трех больших социальных групп (индейцы, метисы и креолы) имеют свой характер. Обобщая, Молина Энрикес выделяет следующие черты характера, свойственные населению Мексики: индейцы – пассивные, бесстрастные и неразговорчивые; метисы – энергичные, серьезные и упорные, а креолы – смелые, импульсивные и легкомысленные. Характер напрямую зависит от окружающих климатических и исторических условий (среди индейцев, по мнению Молины Энрикеса, не были так часты войны, поэтому они пассивны и молчаливы), метисы

²¹ *Molina Enríquez A.* Los grandes problemas nacionales. P. 415.

же представляли собой компромисс двух характеров. Характер индейцев, основополагающий в новой нации, – энергия сопротивления и патриотизм. В метисах также есть революционный дух, то есть энергия изменения, энергия воли, так и энергия сопротивления, и патриотизм, доставшийся в наследство от индейского прошлого²².

Метисы, подчеркивал Молина Энрикес, были единственными способными развивать националистический дух: креолы имели психологию иностранцев, а индейцы – местечковую психологию²³. Таким образом, решение национальной проблемы состояло в распространении метисности: индейцы должны превратиться в метисов не только посредством смешанных браков, но и посредством кастелинизации, образования и перераспределения земель. Идея биологической и культурной метисации стала очень популярна в мексиканском интеллектуальном пространстве²⁴ и во многом определила развитие мексиканской антропологической и философской мысли в последующие десятилетия.

Заключение

Ряд исследователей и среди них Гильермо Бонфил Баталья [4 с. 229] полагают, что Андрес Молина Энрикес может рассматриваться как один из основоположников индихенизма в антропологии, выразившего идею о необходимости интеграции индейской части общества в единое национальное пространство. Однако, в строгом смысле этого слова, Молина Энрикес едва ли может считаться предвестником индихенистского движения или одним из первых его представителей хотя бы потому, что ни в одной из своих работ автор не высказывается о необходимости улучшения социального и экономического положения индейского населения, или о защите их культурных особенностей. Однако важным изменением является включение индейской проблемы в сферу актуальной социальной и экономической жизни общества, а не только как факт исторического наследия. Проблема индейского населения для автора является лишь частью критической ситуации в стране, решение которой может быть обеспечено толь-

²² *Molina Enríquez A.* Los grandes problemas nacionales. P. 417.

²³ *Ibid.* P. 102.

²⁴ Самая известная работа, в которой проводилась идея создания уникальной метисной нации, принадлежит перу Хосе Васконселоса: *Vasconcelos J.* Raza cósmica. México, 1948.

ко структурными изменениями (как, например, изменения форм собственности на землю²⁵).

Исходя из вышесказанного можно заключить, что Андрес Молина Энрикес, с одной стороны, являлся одним из создателей мексиканской социологии и, основываясь на идеях Чарльза Дарвина и Герберта Спенсера, создал органицистскую концепцию развития мексиканского общества, в основу которой была положена идея о национальной гомогенности, так называемая социология расы²⁶, а с другой стороны, внес значительный вклад в развитие проблемы национального и расового вопроса в Мексике, рассматривая его сквозь призму сразу нескольких дисциплин: антропологии, истории, социологии и биологии.

Литература

1. *Morgan L.* Ancient Society. Tucson: University of Arizona, 1985. 560 p.
2. *Basave Benítez A.* Andrés Molina Enríquez: con la Revolución a cuestas. México: Fondo de Cultura Económica, 2002. 173 p.
3. *Córdova A.* El pensamiento social y político de Andrés Molina Enríquez // Los grandes problemas nacionales y otros textos, 1909–1911 // Molina Enríquez A. México: Era, 1983. P. 9–68.
4. *Bonfil Batalla G.* Andrés Molina Enríquez y la sociedad indianista mexicana. El indigenismo en las vísperas de Revolución // Anales del Instituto nacional de antropología e historia. 1965. Tomo 18. P. 217–232.
5. *Basave Benítez A.* México Mestizo. Análisis del nacionalismo mexicano en torno a la mestizofilia de Andrés Molina Enríquez. México: Fondo de cultura económica, 1992. 167 p.

References

1. *Morgan L.* Ancient Society. Tucson: University of Arizona, 1985. 560 p.
2. *Basave Benítez A.* Andrés Molina Enríquez: with the revolution in tow. México: Fondo de Cultura Económica, 2002. 173 p.

²⁵ Андрес Молина Энрикес является создателем и проводником 27-й статьи Конституции 1917 г., в которой были заложены основы земельной политики государства и создание системы эхидальной собственности на землю.

²⁶ *Moya López L.A.* Andrés Molina Enríquez: Una sociología de la raza // Sociología. 1994. № 26 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sociologiacamexico.azc.uam.mx/index.php/Sociologica/article/view/697> (дата обращения 25 августа 2018).

3. Córdova A. The social and political thought of Andrés Molina Enríquez // The great national problems and other texts, 1909–1911 // Molina Enríquez A. México: Era, 1983. P. 9–68.
4. Bonfil Batalla G. Andrés Molina Enríquez and the Mexican Indianist society. Indigenism on the eve of Revolution.
5. Basave Benítez A. Mexico Mixed. Analysis of Mexican nationalism around the mestizophilia of Andrés Molina Enríquez. México: Fondo de cultura económica, 1992. 167 p.

Информация об авторе

Татьяна С. Молодчикова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; tatiana20emr@gmail.com

Information about the author

Tatiana S. Molodchikova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; tatiana20emr@gmail.com

Формирование образа доиспанских культур побережья Эквадора в научной литературе XX–XXI вв.

Александра С. Москалевич

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, owellwo1@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения формирования образа доиспанских культур побережья Эквадора в историографии XX–XXI вв.

Со второй половины XX в. в исторической науке четко прослеживается тенденция к изучению историографии. Тем не менее в зарубежной науке историография Эквадора изучена недостаточно, а в отечественной историографии данная тематика остается незатронутой даже фрагментарно. Таким образом, основной целью данной статьи становится рассмотрение эволюции концепций и актуальной для ученых проблематики доиспанского прошлого Эквадора в XX–XXI вв. Автор статьи стремится проследить весь путь зарубежной историографии от первых до современных работ, в частности работы Дж. Дорси, М. Савиля, Э. Эстрады, К. Эванса, Б. Меггерс, Д. Лотропа, Х. Маркоса, К. Стотхерт и Х. Бенавидеса. Рассмотрены различные периоды научного знания: движение от позитивизма к науке XXI в., которая отмечена переломом в развитии теоретических и методологических основ. Развитие историографии анализируется на основе концепции научных школ в интерпретации Н.В. Иллерицкой.

В основных выводах автором предлагается новая периодизация изучения доиспанских культур побережья Эквадора.

Ключевые слова: историография Эквадора, доколумбовы цивилизации, позитивизм, диффузионизм, «новая археология», неозволюционизм, транстихоокеанские контакты

Для цитирования: Москалевич А.С. Формирование образа доиспанских культур побережья Эквадора в научной литературе XX–XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 153–165. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-153-165

Formation of the image of pre-Hispanic cultures of the coast of Ecuador in the scientific literature of 1900–2010

Alexandra S. Moskalevich

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
owellwo1@gmail.com*

Abstract. This paper concerns the formation of the image of the pre-hispanic cultures of the Ecuador coast in the 20th – 21th centuries historiography.

Since the middle of the 20th century the study of historiography has become a real trend in the history. Historiography of Ecuador however, is insufficiently studied in the foreign literature and is not studied at all by the Russian historians. Thus, the main purpose of this paper is the study of the evolution of concepts and essential problematics to the scientists of the pre-Hispanic past of Ecuador in the 20th – 21th centuries. The author seeks to study the entire path of foreign historiography from the first works to the modern ones, in particular, the works of G. Dorsey, M. Saville, E. Estrada, K. Evans, B. Meggers, D. Lothrop, J. Marcos, K. Stothart and H. Benavides. Various periods of scientific knowledge are reviewed: the progression from positivism to the science of the 21st century, which is marked by a turning point in the development of theoretical and methodological foundations. The development of historiography is analyzing on the base of the concept of scientific schools in the interpretation of N.V. Illeritskaya.

In conclusion author proposes new periodization of the study of pre-Hispanic cultures of the Ecuador coast.

Keywords: historiography of Ecuador, pre-Columbian civilizations, positivism, diffusionism, “new archeology”, neo-evolutionism, transpacific contacts

For citation: Moskalevich AS. Formation of the image of pre-Hispanic cultures of the coast of Ecuador in the scientific literature of 1900-2010. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019; 2:153-65. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-153-165

Введение

Традиция изучения культур Латинской Америки существует довольно продолжительное время, исследование доколумбовых цивилизаций началось практически сразу же после завоевания этих территорий европейцами. Сами конкистадоры, христианские миссионеры и хронисты фиксировали свои впечатления и воспо-

минания об увиденном в Новом Свете¹. После образования в XIX в. независимых государств историческая мысль Латинской Америки получила новый стимул развития, и все больше интеллектуалов обратилось к изучению вопросов древней истории и аборигенной культуры².

Если обратить внимание на историографию Латинской Америки, то станет очевидным, что наибольшее количество исследований связано с Мезоамерикой (историко-культурный регион, включающий территории Центральной и Южной Мексики, Белиза, Гондураса, Гватемалы, Западного Никарагуа и Сальвадора), ведь существует возможность изучать эти культуры удаленно, так как многие из них имели собственную письменность, и регионом Центральные Анд (Боливия и Перу), так как это регион развития широко известной культуры инков и более ранних культур (чавин, уари, наска, мочика), оставивших после себя монументальные архитектурные памятники.

Несмотря на то что Эквадор (одна из стран региона Северных Анд) изучен гораздо меньше, он всегда привлекал внимание исследователей. На территории Эквадора расположены как памятники ранних периодов перехода от охоты и собирательства к земледелию, одомашнивания животных и растений, так и более поздних периодов, например крепости и фортификационные сооружения инкского периода. Основные памятники находятся на Косте – побережье Эквадора, с ними и были связаны важнейшие исследования, так как именно в них ярче всего проявляется региональная специфика.

Со второй половины XX в. в исторической науке четко прослеживается тенденция к изучению историографии. В XXI в. это направление становится все более актуальным. Несмотря на это, зарубежная историография истории культур побережья Эквадора как таковая достаточно долго не привлекала целенаправленного внимания зарубежных исследователей, и сейчас интерес к ней остается лишь инструментальным (краткие историографические обзоры присутствуют в работах по специальным вопросам). Среди современных историографов можно отметить А. Сзасзди и Э. Саласара.

¹Александренков Э.Г. Испанские сведения об аборигенах Америки конца XV – XVI в. // Источники по этнической истории аборигенного населения Америки. М., 2012. С. 6–57.

²Острирова Е.С. Историческое прошлое Колумбии в идеологическом дискурсе XIX в. // Вестник РГГУ. 2013. № 1. С. 248–256; Острирова Е.С. Эпиграфика чибча-муисков: история одного научного мифа // Вопросы эпиграфики. М., 2013. С. 645–656.

Рассматривая национальную историографию Эквадора, историк из Университета Пуэрто-Рико Адам Сзасзди обращает внимание на то, что доиспанская история государства изучена гораздо лучше по сравнению с периодом независимости [1 р. 546]. Среди проблем национальной историографии он указывает на определенный централизм (изучение социальных, политических, религиозных центров), чрезмерно слабую научную подготовку по гуманитарным дисциплинам в университетах Эквадора и доминирование в изучении региона американских исследователей. Ученый считает, что простым людям в определенный момент истории не хватило доли индихенизма, то есть интереса к своему индейскому прошлому.

Эквадорский антрополог и археолог Эрнесто Саласар в одной из своих статей [2] делает попытку дать образ историографии Эквадора в XXI в. Его интересуют современные тенденции в теоретической базе исследований: периодизация, исследования обществ охотников-собирателей и формативного периода, проблемы одомашнивания животных и растений, регионального обмена, изучение формирования сложных обществ, доколумбова иконография, а также организация и проведение охранных раскопок. В своем исследовании он приходит к выводу, что с 1980-х гг. начинаются существенные перемены, так как не хватает иностранных и эквадорских ученых. Исследователь не видит выхода из острого кризиса в национальной археологии в ближайшее время.

В зарубежной историографии специальных работ, анализирующих историю изучения доиспанского прошлого Эквадора, на данный момент не существует. Интерпретация отечественными исследователями развития древних культур побережья Эквадора по сей день остается в отечественной и зарубежной историографии незатронутой даже фрагментарно. Ситуация не изменилась и в постсоветскую эпоху, что связано с определенным консерватизмом отечественных исследователей, в основном интересующихся проблемами археологии.

Основная цель данной статьи – проследить эволюцию концепций и актуальной для ученых проблематики доиспанского прошлого Эквадора в XX–XXI вв. В рамках этого направления работы следует определить периодизацию изучения доиспанских культур побережья Эквадора и выявить основные характеристики этих периодов. Центральной проблемой в нашем исследовании будет анализ формирования образа доиспанских культур побережья Эквадора в исследовательской литературе XX–XXI вв.

*Становление историографии Эквадора
(1900 – начало 1950-х гг.)*

С начала XX в. появляется интерес к профессиональному изучению культур побережья Эквадора. В это время появляется сравнительно небольшое количество работ таких исследователей, как Дж. Дорси [3], М. Савиль³, М. Уле [4], М. Стирлинг [5]. Начинается институализация исторической науки и антропологии и оформление профессионального антропологического и археологического сообществ. Тем не менее, к середине века регион оставался практически неизученным.

Этот период можно назвать периодом коллекционирования древностей. Работы ученых являются позитивистскими – исследователи преследуют идею реконструкции реального исторического знания о культурах. Важную роль в оформлении теоретических оснований исследований этого периода играл диффузионизм. Известно, что он сложился в трудах немецких этнографов, антропологов конца XIX – начала XX в.: Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса и других. Особенностью диффузионистского направления является нацеленность на выявление центров возникновения инноваций; исследование распространяющихся из этих центров элементов; раскрытие процессов и результатов проникновения и адаптации заимствований в другой социальной среде. Главным фактором развития культуры народа является восприятие достижений других народов. Каждый элемент культуры имеет географическую привязку и возникает лишь однажды в одном регионе, распространяясь из него отдельно или вместе с другими элементами культурного круга по миру. Существует два подвида диффузионизма: миграционизм и трансмиссионизм. Смысл в том, что диффузия может осуществляться двумя разными способами – миграцией населения и передачей (трансмиссией) идей – влияниями и заимствованиями [6 с. 292].

Если говорить о работах вышеназванных историков первой половины XX в., то их гипотезы, теории и построения являются полностью диффузионистскими. Причем каждый ученый имеет в виду именно миграции населения, например М. Уле [4].

³*Saville M.H.* The Antiquities of Manabi, Ecuador. A Preliminary Report. Contributions to South American Archaeology. The George G. Heye Expedition. N. Y., 1907. 254 p.; *Saville M.H.* The Antiquities of Manabi, Ecuador. Final Report. Contributions to South American Archaeology. The George G. Heye Expedition. N. Y., 1910. 514 p.

*Эквадорская историография 1950–1970-х гг.:
поиски концепций развития*

В середине XX в. диффузионизм подвергается серьезной критике со стороны молодого поколения археологов. Основным пунктом их критики было отрицание в диффузионистских работах эволюционного развития общества и культуры. Это приводит к оформлению в доколумбовых исследованиях мощного направления «новой археологии», базирующегося на неозолюционизме. В этой связи кажется актуальным рассмотрение работ следующего периода, так как появляется концептуальный вопрос о возможности существования неодифузионизма и других исследовательских парадигм применительно к территории исследования.

В эквадорской археологии в 1950–1960-х гг. вновь возрос интерес к изучению побережья. Э. Эстрада⁴, К. Эванс [7], Б. Меггерс [8] и Д. Лотроп [9, 10] перешли на более сложный уровень интерпретации археологических материалов и занялись вопросами периодизации и построением гипотез среднего уровня. Этот период можно обозначить как период конструкции знания.

В это же время в теоретическом плане продолжает господствовать диффузионистская парадигма, однако она приобретает новые формы: ученые перестают отрицать развитие культур, как это было раньше. Более того, все чаще начинают говорить об изменениях в культуре не через миграции населения, а через трансмиссию идей. В этом контексте можно говорить о формировании неодифузионистских концепций.

Ярчайшим примером исследователей-неодифузионистов являются Б. Меггерс, Э. Эстрада и К. Эванс. В 1956 г. на поселении Вальдивия были обнаружены слои с неизвестным ранее типом керамики. В 1960-х гг. было проведено крупное исследование этого памятника. Ученые отнесли культуру вальдивия к формативному периоду, предположили, что основой хозяйства индейцев были охота и собирательство, а керамика культуры является наиболее древней во всей Южной Америке (ее датировка свидетельствовала о возрасте более 5,1 тыс. л. н.). В 1965 г. появляется первая работа, в которой говорится о связях с Японским архипелагом [11]. Ученые проследили сходство керамики эквадорской культуры валь-

⁴*Estrada E.* Nuevos elementos en la Cultura Valdivia: sus posibles contactos transpacíficos. Guayaquil: Sub-comite Ecuatoriano de Antropología Dependiente del Instituto Panamericano de Geografía e Historia, 1961. 14 p.; *Estrada E., Meggers B.J., Evans C.* Possible Transpacific Contact on the Coast of Ecuador // *Science*. 1962. Vol. 135. № 350. P. 371–372.

дивия и японской культуры дземон. Начиная с 1961 г. Э. Эстрада публикует труды, в которых говорится о диффузии культуры из Японии в Эквадор при помощи транстихоокеанских плаваний⁵, позднее К. Эванс и Б. Меггерс присоединились к данной гипотезе⁶. Доказательства были опубликованы в работе 1961 г., сходство определялось на основе компаративного метода для археологических (в основном глиняных) артефактов [11]. Вследствие того, что эта керамика имела собственный сформировавшийся стиль в столь давнем времени, а более примитивных форм не было найдено, ученые предположили, что эта керамика является заимствованием керамической традиции дзёмона японских островов Хонсю и Кюсю.

После дальнейшего проведения большого количества раскопок начинают появляться новые данные, которые противоречат гипотезе дзёмон-валдивия: обнаруживаются более ранние керамические культуры, не имеющие ничего общего с японскими; появляются идеи о начале производства керамики на территории Орьенте и дальнейшем распространении в андском регионе. Тем не менее попытки доказать или опровергнуть данную теорию появляются до сих пор, несмотря на критику, причем в отечественной историографии. Примером могут стать работы А.В. Табарева [12–14].

Распространение в эквадорской историографии «новой археологии» и принципов процессуальной археологии⁷ происходило медленнее, чем в исследовании Мезоамерики или Центральных Анд. Основным каналом их распространения стало археологическое образование. Процессуальная археология была распространена более всего в США, а именно там обучалось большинство археологов, проводивших исследования в Эквадоре, как американских, так и эквадорских. Появление глубоких теоретических построений является именно следствием влияния процессуальной археологии.

Количественные изменения, прежде всего число археологических проектов и интенсивность публикаций, свидетельствуют о быстром процессе становления и развития профессионального исследовательского сообщества, объединенного общей темой – изучением культур побережья Эквадора. Одной из особенностей

⁵*Estrada E.* Nuevos elementos en la Cultura Valdivia: sus posibles contactos transpacíficos. Guayaquil: Sub-comite Ecuatoriano de Antropología Dependiente del Instituto Panamericano de Geografía e Historia, 1961. 14 p.

⁶*Estrada E., Meggers B.J., Evans C.* Possible Transpacific Contact on the Coast of Ecuador // *Science*. 1962. Vol. 135. № 350. P. 371–372.

⁷*Клейн Л.С.* Новая археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: Донецкий национальный университет, 2009. 393 с.

данного процесса можно назвать преобладание исследователей из США, поскольку именно эта страна заняла лидирующую позицию в проведении как практических, так и теоретических исследований. Формирование собственно эквадорского профессионального сообщества можно проследить лишь начиная с последней четверти XX в.

Современная историография

Середина 1970-х гг. отмечена переломом в развитии теоретических и методологических основ в зарубежной историографии, происходит формирование новых направлений. Возможности организации качественно новых исследований побудили искать иные подходы к изучению культур побережья Эквадора в сфере междисциплинарных исследований. Сформировалась научная школа изучения культур побережья Эквадора, лидером которой стал Д. Лотроп, предложивший в своих работах новую гипотезу. Его основной идеей было начало быстрого развития культур в поймах Амазонки [15], в этом положении выражается влияние неозволюционизма. Ученый утверждал, что благодаря условиям тропического леса люди смогли одомашнить некоторые растения и наладить сельское хозяйство (культура вальдивия в его понимании была также земледельческой). Последовательные технологические достижения способствовали демографическим всплескам и миграциям из Центральной Амазонии на побережье Эквадора. Д. Лотроп также показал, что тропический лес сыграл роль места, в котором зарождалась земледельческая традиция у культур Южной Америки. Идеи Д. Лотропа можно связать с экологическим направлением неозволюционизма.

В его школу вошли Х. Маркос [15–17], Дж. Реймонд [18–19] и Дж. Зайдлер⁸. Данный факт мы можем констатировать благодаря наличию у данных ученых совместного полевого обучения, совместных исследований и общих научных взглядов на развитие культур побережья Эквадора. Подход, методы и теоретические основания ученых являются также общими, они разделяют мнение Д. Лотропа по многим вопросам.

Научной школы, лидером которой могла бы стать Б. Меггерс, сформировано не было, несмотря на высокую популярность и широкую критику ее исследований. Данный факт можно связать с тем, что ее гипотеза была довольно экстравагантной и подтвер-

⁸Zeidler J. A. The Ecuadorian Formative // Zeidler J. A. Handbook of South American Archaeology. N. Y.: Springer, 2008. P. 459–488.

ждалась спорными фактами. Критика как ее гипотезы, так и подбора источников, теоретических построений началась довольно скоро после выхода трудов. Несомненно, ею было создано определенное направление в изучении культур побережья Эквадора, однако возможности говорить о научной школе, конечно, нет.

Национальных эквадорских школ изучения, на наш взгляд, не сложилось в силу многих факторов, прежде всего отсутствия национальных образовательных учреждений, ведущих обучение по историческим и археологическим программам, хотя недавно в Политехническом университете в Гуаякиле была создана магистерская программа по археологии.

В 2000-е гг. появляются также новые темы исследований, а междисциплинарный подход становится определенным ответом на нехватку данных. Отдельно нужно отметить американского исследователя-антрополога Карен Стотхерт, в сферу интересов которой входит гендерная история. В своей работе, посвященной шаманизму и идеологии в Эквадоре, К. Стотхерт доказывает преемственность в символическом выражении докерамических и керамических культур, основываясь на данных археологии. Свои выводы о ритуальной жизни она переносит на социальную стратификацию, делая выводы о широкой социальной иерархии уже в формативный период [20 р. 407]. На основе анализа корпуса мелкой пластики культуры вальдивия (так называемые «венеры» культуры вальдивия) она делает вывод, что женщины играли важную роль в социальной и ритуальной деятельности. Ни данные захоронений, ни искусства в формативный период не подтверждают гипотезу о гендерной иерархии или обществе, где доминировали мужчины [20 р. 409]. Таким образом, очевидно, что появляются попытки поставить новые проблемы в исследованиях, посмотреть на источники с другой стороны, задав к ним новые вопросы.

Другой яркий пример современной историографии – Хьюго Бенавидес. В своих работах он рассматривает различные проблемы, связанные с гендерными стереотипами, социальной иерархией, расизмом и т. д. Важно отметить, что ученый изучает все эти проблемы, используя современные подходы, например постструктуралистский. Он не отрицает влияние лингвистического поворота на свои собственные интерпретации. В одной из своих работ о развитии сексуальности в Гуаякиле для более глубокого анализа он обращается к более ранним эпохам. Основной целью его статьи является исследование того, как значимые элементы гомосексуального доиспанского прошлого представлены и, в конечном счете, исключены из современной истории своего города [21 р. 70]. Автор отмечает политические причины выделения темы гомосексуаль-

ности из исторического дискурса, а также ставит вопрос о постоянном новом определении тем расы, колониального положения в историческом процессе. Таким образом, Х. Бенавидесу удастся создать современную конструкцию дискурса, основываясь на новых методах и подходах.

Этот период кажется нам наиболее интересным для историографии, так как начинают происходить изменения в традиционном взгляде исследования – изменение фокуса проблем и методологии, однако окончательного перехода к «науке XXI века» так и не происходит.

Заключение

На протяжении XX в. исследования древней истории Эквадора преодолели большой путь, пройдя разнообразные этапы: от формирования коллекций и непрофессиональных раскопок до систематических исследований памятников, от написания элементарных археологических отчетов до создания многофакторных теорий, от реконструкции к конструкции знания. Однако в отличие от Перу в Эквадоре не предпринимались попытки синтеза исторического знания. На сегодняшний день можно констатировать определенный интерес к более детальному изучению древних культур и рассмотрению новых фактов. В то же время продолжает господствовать позитивистская парадигма, идея о необходимости конструкции знания (хотя идея о возможности реконструкции истории так и не исчезает). Однако начинают появляться работы, на которые повлияли повороты в научном знании второй половины XX в.

Анализ научной литературы позволяет предложить следующую периодизацию развития зарубежной историографии.

1. Становление археологии Эквадора как научной дисциплины (1900 – начало 1950-х гг.).
2. Профессионализация и поиски концепций развития в эквадорской археологии (1950–1970-е гг.).
3. Современная археология (1970-е – наст. время).

Литература

1. Szaszdí A. The Historiography of the Republic Ecuador // The Hispanic American Historical Review. 1964. № 4. P. 503–550.
2. Salazar E. Panorama de la Arqueología ecuatoriana a Inicios del Siglo XXI // Arqueología en el Área Intermedia. 2011. № 2. P. 283–311.

3. *Dorcey G.A.* Archaeological Investigations on the Island of La Plata, Ecuador // Field Columbian Museum. Anthropological Series. 1901. Vol. 2. № 5. P. 33–65.
4. *Uhle M.* Civilizaciones Mayoides de la Costa Pacífica de Sudamérica // Bolletín de la Academia Nacional de Historia. 1923. Vol. 6. № 6. P. 87–92.
5. *Stirling M.W.* A New Culture in Ecuador // Archaeology. 1963. № 16. P. 170–175.
6. *Клейн Л.С.* История археологической мысли: В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 688 с.
7. *Evans C., Meggers B.J.* Valdivia: An Early Formative Culture of Ecuador // Archaeology. 1958. Vol. 2. № 3. P. 175–182.
8. *Meggers B.J., Evans C., Estrada E.* Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases // Smithsonian Contributions to Archaeology. Washington: Smithsonian institution press, 1965. Вып. 1. 231 p.
9. *Lathrap D.W.* Review of Cultura Valdivia / by C. Evans, B. Meggers, and E. Estrada // American Antiquity. 1960. Vol. 26. P. 125–127.
10. *Lathrap D.W.* The Upper Amazon. London: Thames & Hudson, 1970. 256 p.
11. *Estrada E., Meggers B.J.* A Complex of Traits of Probable Transpacific Origin on the Coast of Ecuador // American Anthropologist. 1961. Vol. 63. P. 913–939.
12. *Табарев А.В., Маркос Х.Г., Попов А.Н.* Эквадор: по следам одной необычной археологической гипотезы // Наука из первых рук. 2013. № 5–6. С. 124–141.
13. *Табарев А.В., Маркос Х.Г., Попов А.Н.* Штурм королевских холмов. Русская археологическая экспедиция в Эквадоре // Наука из первых рук. 2015. № 2. С. 112–125.
14. *Табарев А.В., Маркос Х.Г., Попов А.Н.* Совсем не «печальные» тропики: Российская археологическая экспедиция в Эквадоре // Наука из первых рук. 2015. № 5–6. С. 156–171.
15. *Marcos J.G.* Ecuador Antiguo. Las Sociedades de la Costa del Area Septentrional Andina. 300 a.C – 1500 d.C. Guayaquil: Banco del Pacifico. Museo Arqueológico, 1993. 104 p.
16. *Marcos J.G.* La Historia prehispánica de los Pueblos Manteño Huancavilca de Chanduy. Guayaquil: Mengraf, 2016. 104 p.
17. *Marcos J.G.* Un Sitio llamado Real Alto. Guayaquil: Mengraf, 2015. 210 p.
18. *Raymond J.S.* Social Formations in the Western Lowlands of Ecuador during the Early Formative // Archaeology of Formative Ecuador. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2003. P. 33–68.
19. *Raymond J.S.* The Process of Sedentism in Northwestern South America // Handbook of South American Archaeology // Raymond J.S. N. Y.: Springer, 2008. P. 79–92.
20. *Stothert K.E.* Expression of Ideology in the Formative Period // Archaeology of Formative Ecuador. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2003. P. 337–421.
21. *Benavides H.O.* The representation of Guayaquil's Sexual Past: Historicizing the Enchaquirados // Journal of Latin American Anthropology. 2002. № 7. P. 68–103.

References

1. Szaszdi A. The Historiography of the Republic Ecuador. *The Hispanic American Historical Review*. 1964;4:503-50.
2. Salazar E. Panorama of Ecuadorian Archaeology at the beginning of the 21st Century. *Arqueología en el Área Intermedia*. 2011;2:283-311.
3. Dorsey GA. Archaeological Investigations on the Island of La Plata, Ecuador. *Field Columbian Museum. Anthropological Series*. 1901;5:33-65.
4. Uhle M. Mayoid Civilizations from the Pacific Coast of South America. *Bolletín de la Academia Nacional de Historia*. 1923;6:87-92.
5. Stirling MW. A New Culture in Ecuador. *Archaeology*. 1963;16:170-5.
6. Klein LS. The History of archaeological Thought: 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press; 2011. 688 p. [In Russ.]
7. Evans C., Meggers BJ. Valdivia: An Early Formative Culture of Ecuador. *Archaeology*. 1958;3:175-82.
8. Meggers BJ., Evans C., Estrada E. Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases. V. *Smithsonian Contributions to Archaeology*. Washington: Smithsonian institution press, 1965. Iss. 1. 231 p.
9. Lathrap DW. Review of Cultura Valdivia by C. Evans, B. Meggers, and E. Estrada. *American Antiquity*. 1960;26:125-7.
10. Lathrap DW. The Upper Amazon. London: Thames & Hudson, 1970. 256 p.
11. Estrada E., Meggers BJ. A Complex of Traits of Probable Transpacific Origin on the Coast of Ecuador. *American Anthropologist*. 1961;63:913-39.
12. Tabarev AV., Marcos JG., Popov AN. Ecuador: in the Footsteps of one of the odd archaeological Hypotheses. *Nauka iz perikh ruk*. 2015;5-6:124-41 [In Russ.]
13. Tabarev AV., Marcos JG., Popov AN. Storming the Royal Hills. Russian archaeological Expedition in Ecuador. *Nauka iz pervykh ruk*. 2015;2:112-25 (In Russ.)
14. Tabarev AV., Marcos JG., Popov AN. Not "sad" Tropics at all: Russian archaeological Expedition in Ecuador. *Nauka iz pervykh ruk*. 2015;5-6:156-71 (In Russ.)
15. Marcos JG. The old Ecuador. The Societies of the Coast Area of Northern Andes. 300 a.C.-1500 d.C. Guayaquil: Banco del Pacifico. Museo Arqueológico, 1993. 104 p.
16. Marcos JG. The pre-hispanic History of the Huancavilca people of Chanduy. Guayaquil: Mengraf, 2016. 104 p.
17. Marcos JG. A Site called Real Alto. Guayaquil: Mengraf, 2015. 210 p.
18. Raymond JS. Social Formations in the Western Lowlands of Ecuador during the Early Formative. *Archaeology of Formative Ecuador*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2003. P. 33-68.
19. Raymond JS. The Process of Sedentism in Northwestern South America. Raymond J.S. N. Y.: Springer, 2008. P. 79-92.
20. Stothert KE. Expression of Ideology in the Formative Period. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2003. P. 337-421.
21. Benavides HO. The representation of Guayaquil's Sexual Past: Historicizing the Enchaquirados. *Journal of Latin American Anthropology*. 2002;7:68-103.

Информация об авторе

Александра С. Москалевич, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; owlwo1@gmail.com

Information about the author

Alexandra S. Moskalevich, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; owlwo1@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
О.Н. Картамышева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 28.06.2019

Формат 60×90 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 10,9.

Тираж 1050 экз. Заказ № 538

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru